

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Калис Мария Николаевна

ДИНАМИКА СПОРНЫХ МАТЕРИАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Специальность: 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, доцент
Демиева Айнур Габдульбаровна

Санкт-Петербург

2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И ГЕНЕЗИС СПОРНОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ.....	26
§1. Понятие спорного материального правоотношения и его значение для дальнейшего исследования динамики правоотношений.....	26
§2. Последствия нарушения права для динамики материального правоотношения.....	41
§3. Значение предъявления требования для динамики спорного правоотношения.....	61
ГЛАВА 2. ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ СПОРНОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ.....	85
§1. Влияние на спорное правоотношение материально-правовых оснований для изменения и прекращения правоотношений.....	85
§2. Значение процессуального поведения и судебного решения для динамики спорного правоотношения.....	99
§3. Последствия устранения спора в ходе судебного разбирательства.....	124
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	136
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	142

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования

Возникновение спора между участниками материальных правоотношений часто приводит к необходимости обращения за разрешением такого спора в суд – и, как следствие, к возникновению процессуальных отношений с участием сторон спора и суда. При определении правил сосуществования материальных и процессуальных правоотношений, а также принципов функционирования самого спорного отношения, и спорящие стороны, и суд сталкиваются с вопросом о влиянии спорности и процессуальной деятельности на материальное правоотношение: продолжает ли оно осуществляться так же, как и до возникновения спора и передачи его на рассмотрение суда, или его динамика приобретает особенности?

Даже при обсуждении соотношения материального и процессуального права как правовых общностей единое мнение среди исследователей отсутствует. Традиционный подход, как метафорично описал его И. Бентам, выражается в том, что материальные законы являются «существительными» (substantives), а процессуальные — «прилагательными» (adjectives)¹. Однако существует и иная позиция, согласно которой между материальным и процессуальным правом существуют отношения координации, взаимного влияния.

Актуальность данной темы может быть рассмотрена в следующих аспектах:

Доктринальный аспект

В правовой науке до настоящего времени отсутствует единое и разработанное учение о спорном материальном правоотношении. Несмотря на то, что отдельные аспекты спорных правоотношений исследовались в контексте охранительных правоотношений, спора о праве, теории иска и судебного решения, отсутствует целостное теоретическое осмысление того, каким образом спор и его разрешение влияет на динамику материального правоотношения между истцом и

¹ *Бентам, Иеремия. О судебных доказательствах: Трактат Иеремии Бентама / По изд. Дюмана, пер. с фр. И. Гороновичем. Киев : тип. М.П. Фрица, 1876. С. 1.*

ответчиком. Не разработано понятие спорного материального правоотношения, не определены его признаки, этапы развития и условия трансформации. Значительная часть цивилистов отрицают или существенно преуменьшают влияние деятельности по разрешению спора, в том числе процессуальной деятельности, на материальное правоотношение, а ученые-процессуалисты, в свою очередь, не сосредотачивают внимание на материально-правовых последствиях процессуальных явлений. В связи с этим исследование, направленное на формулирование понятия спорного материального правоотношения, определение этапов его развития и влияющих на него юридически значимых обстоятельств, обладает высокой доктринальной значимостью, поскольку позволяет охарактеризовать правовое явление с учетом положений науки как гражданского, так и процессуального права. В рамках данной работы акцент делается именно на динамике спорного правоотношения, которое становится предметом судебного разбирательства, а потому исследование влияния иных форм защиты права и разрешения споров содержанием работы непосредственно не охватывается.

Социально-экономический аспект

Эффективность судебной защиты нарушенных или оспариваемых субъективных прав граждан и юридических лиц напрямую влияет на уровень правовой определенности, предсказуемости поведения участников гражданского оборота и, как следствие, на его стабильность в целом.

Понимание специфики спорного правоотношения, разработка модели его развития, а также учет правовых последствий поведения сторон в процессе позволяют не только улучшить качество правоприменения, но и стимулируют добросовестное поведение участников спора и повышают доверие к судебной системе.

В настоящий момент на законодательном уровне регулирование изменения материального правоотношения после возникновения спора и в ходе судебного разбирательства фактически ограничено институтом мирового соглашения. Вопрос о материально-правовых последствиях заключения такого соглашения, и, тем более, о последствиях иных форм примирения, оставлен без внимания

законодателя, однако являлся предметом целого ряда исследований².

Также на доктринальном и правоприменительном уровне внимание уделялось материально-правовым и процессуальным последствиям совершения отдельных действий в ходе судебного разбирательства – в частности, отступного³, зачета⁴, новации⁵.

Недостаточность регулирования и разрозненность исследований, посвященных развитию правоотношения в период спора, порождают правовую неопределенность для участников судебных разбирательств, что негативно влияет как на их готовность к примирению, так и на эффективность судебной защиты в целом.

Таким образом, социально-экономическая значимость предмета исследования обуславливает, в частности, необходимость выявления и обоснования последствий поведения сторон спорного правоотношения, в том числе такого поведения, которое направлено на устранение спора.

² См., напр., *Рожкова М. А.* Мировая сделка: использование в коммерческом обороте. М.: Статут, 2005; *Двуречинский Д. В.* Судебное признание в содержании мирового соглашения как юридический факт материального права // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2023. № 6. С. 26–30; *Кожевникова В. О., Чугурова Т. В.* Понятие и сущность мирового соглашения как результата примирительных процедур в российском праве // *Актуальные проблемы правоправедения.* 2022. № 2 (74). С. 17–23. doi:10.46554/APJ-2022.2(74)-pp.17-23; *Шварц М. З.* О допустимости мировых соглашений, отрицающих допроцессуальный фактический состав // *Закон.* 2023. № 4. С. 14-21.

³ *Савиных В.А.* Прекращение обязательств предоставлением отступного: комментарий судебной практики // *Арбитражные споры.* 2012. № 1. С. 137 - 152.

⁴ См., напр., *Абушенко Д. Б.* Гражданско-правовой зачет и зачет, производимый при удовлетворении судом встречного и первоначального исков: теоретические размышления о сходстве и отличиях правовых институтов // *Вестник гражданского процесса.* 2020. № 6. С. 20–21.; *Павлов А. А.* Зачет в суде. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20.02.2017 № 306-ЭС15-18494 // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* 2017. № 6. С. 9–13; *Архипов И. С., Мацкевич П. Н.* Актуальные проблемы встречного иска: судебная практика и доктрина // *Вестник гражданского процесса.* 2020. № 2. С. 131–158; *Пастухова М. В.* Зачет встречных однородных требований // *Арбитражные споры.* 2023. № 2. С. 3–14

⁵ См., напр., *Павлов, А. А.* Условия и последствия новации // *Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.* 2006. № 8. С. 4-18; *Абушенко Д.Б.* Процессуально-правовые последствия неутвержденного мирового соглашения в исковом производстве: опыт анализа по законодательству Российской Федерации // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* 2019. № 6. С. 92 – 116; *Шевченко И.М.* О понятии "единообразия судебной практики" (на примере дел о банкротстве) // *Российский юридический журнал.* 2022. № 6. С. 144 - 155

Правоприменительный аспект

Помимо обозначенного стремления участников правоотношений к правовой определенности при совершении тех или иных юридически значимых действий после возникновения спора, необходимо учитывать также задачи и принципы осуществления судопроизводства.

За последнее двадцатилетие подход судов к вопросу о динамике спорного и установленного судом правоотношения неоднократно менялся, однако не было выработано ни научного, ни практического обоснования таких изменений.

Так, наиболее известный «поворот» произошел применительно к обоснованию возможности совершения зачета встречных однородных требований после возбуждения спора о взыскании денежных средств по одному из таких требований. До принятия 11 июня 2020 г. Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»⁶ такой зачет не допускался в соответствии с положениями п. 1 Обзора практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований (Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 29 декабря 2001 г. № 65⁷). Высший Арбитражный Суд указывал, что по смыслу пункта 1 части 3 статьи 110 АПК РФ⁸ после предъявления к должнику иска не допускается прекращение обязательства зачетом встречного однородного требования в соответствии с нормами статьи 410 ГК РФ. Ответчик может защитить свои права лишь предъявлением встречного искового требования, направленного к зачету первоначального требования, либо посредством обращения в арбитражный суд с

⁶ *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств»* // Российская газета. 2020. № 136.

⁷ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 декабря 2001 г. № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.

⁸ Имеется в виду *Арбитражный процессуальный кодекс РФ* от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 19. Ст. 1709.

отдельным исковым заявлением». Такой подход критиковался многими цивилистами, в первую очередь – за отсутствие как теоретического, так и практического обоснования подобному ограничению⁹.

В п. 19 вышеупомянутого Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 указывается, что обязательства *могут* быть прекращены зачетом после предъявления иска по одному из требований. Сторона по своему усмотрению вправе либо заявить о зачете во встречном иске, либо после предъявления иска направить истцу заявление о зачете и указать в возражении на иск на прекращение требования, по которому предъявлен иск.

При этом Постановление Пленума не содержит прямого указания на то, что разъяснения, содержащиеся в Обзоре практики 2001 года, утратили силу, что в ряде случаев влечет ошибочное применение устаревших разъяснений¹⁰.

Существуют противоречия в позициях судов и по вопросу о последствиях устранения нарушений, ставших причиной обращения в суд, в ходе судебного разбирательства. Например, согласно п. 8 Обзора практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 5 мая 1997 г. № 14¹¹), требование о расторжении договора аренды не подлежит удовлетворению, если в разумный срок устранены нарушения, послужившие основанием для обращения в арбитражный суд. В пункте 23 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации

⁹ См., напр., Павлов А. А. Зачет в суде. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20.02.2017 № 306-ЭС15-18494 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С. 9–13; Архипов И. С., Мацкевич П. Н. Актуальные проблемы встречного иска: судебная практика и доктрина // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 131–158.

¹⁰ Например, Постановлением Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02.12.2025 N Ф07-13140/2025 по делу N А56-99457/2024 были отменены акты нижестоящих судов, основанные на Обзоре практики 2001 года

¹¹ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 5 мая 1997 г. № 14 «Обзора практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров» // Вестник ВАС РФ. 1997. № 7.

о договоре аренды»¹² содержится противоположная позиция - даже после устранения арендатором допущенных им нарушений арендодатель вправе в разумный срок предъявить иск о расторжении договора. Фактически данная позиция должна исключить применение п. 8 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 5 мая 1997 г. № 14 в случаях, когда истец обратился в суд в разумный срок, однако и после появления новых разъяснений суды в ряде случаев отказывают в удовлетворении исков о расторжении договора¹³. Отвергая ссылку на актуальное толкование, суды указывают, что разъяснения 2011 года «касаются права арендодателя предъявить в разумный срок иск о расторжении договора после уплаты долга и не содержат указания на наличие у суда обязанности по расторжению договора в таком случае». При этом существует значительное число судебных актов, в которых суды, несмотря на устранение ответчиком нарушений, повлекших предъявление иска о расторжении договора, удовлетворяют такие иски¹⁴.

Устранению подобных противоречий в судебной практике может способствовать разработка теоретического обоснования влияния тех или иных юридических фактов на материальное правоотношение после возникновения спора и в период судебного разбирательства.

Попытки ограничить возможность осуществления материальных прав в период их судебной защиты, нашедшие отражение, в частности, в вышеупомянутом Обзоре практики 2001 года, и даже после ее завершения¹⁵, могут

¹² *Постановление* Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.

¹³ См., напр., *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 19 февраля 2015 г. № Ф05-373/2015 по делу № А41-66870/13; *Постановление* Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 2 июня 2020 г. № Ф01-9171/2020 по делу № А31-235/2019.

¹⁴ См., напр., *Постановление* Президиума ВАС РФ от 23 июня 2009 г. № 4651/09 по делу № А12-11675/08; *Постановление* Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28 апреля 2022 г. № Ф02-1403/2022 по делу № А19-7796/2021; *Постановление* Арбитражного суда Московского округа от 5 ноября 2014 г. № Ф05-12208/14 по делу № А41-4224/14; *Определение* ВС РФ от 26 августа 2016 г. по делу № 309-ЭС16-10089.

¹⁵ Например, в п. 7 Обзора практики применения арбитражными судами статьи 414 Гражданского кодекса РФ, (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 21.12.2005 № 103) высказана позиция, согласно которой соглашение о новации между взыскателем и должником,

быть обусловлены и желанием предотвратить возможные злоупотребления сторон, выражающиеся, например, в использовании судебного разбирательства для подтверждения «существования» фактов и правоотношений, которые в действительности отсутствовали, и стремлением «зафиксировать» подлежащий установлению фактический состав на момент обращения в суд во избежание расхождения между установленными судом и изменившимися фактическими обстоятельствами. Однако данные соображения не могут исключить того, что юридически значимые обстоятельства продолжают наступать и после возникновения спора, и в ходе осуществления судебной защиты.

Таким образом, актуальность темы исследования обуславливается необходимостью обоснования наличия или отсутствия особенностей динамики спорного правоотношения, а также значимостью определения порядка осуществления спорного правоотношения, с учетом положения науки гражданского и процессуального права и потребностей практики.

Степень разработанности научной проблемы

Как в процессуально-правовой, так и в материально-правовой литературе обсуждение различных аспектов взаимодействия материального и процессуального права не является новым явлением – в отечественных публикациях конца XIX – начала XX века авторы ссылаются на труды немецких процессуалистов (в частности, М. Пагенштехера, О. Бюлова), а также анализируют, как те или иные вопросы разрешались в римском праве. Практически все крупные исследователи в области гражданского процесса (а в ряде случаев – и в области гражданского права) советского периода в своих работах косвенным образом затрагивали вопрос о соотношении гражданского процесса и материального правоотношения. Речь идет о работах таких ученых, как М. А. Гурвич, О. А. Красавчиков, Н. А. Чечина.

Отдельно необходимо отметить работы таких цивилистов, как В. Ф. Попондопуло, Д. Н. Кархалев, Г. В. Колодуба, посвященные динамике

совершенное на стадии исполнительного производства, но не утвержденное судом в качестве мирового соглашения, является незаключенным

правоотношений, охранительным правоотношениям и теории юридических фактов.

В настоящее время исследованию вопроса о некоторых аспектах процессуального влияния на материальное правоотношение посвящаются и монографии, и диссертации. В частности, труды Д. Б. Абушенко, Д. Б. Володарского, А. А. Грось и Л. А. Грось, М. А. Козлова, М. А. Рожковой, Н. В. Тихоньковой.

В числе наиболее значимых диссертационных исследований необходимо отметить работу Д. Б. Володарского, посвященную вопросам воздействия законной силы судебного решения на субъективное право (2013), и Д. Б. Абушенко, раскрывающую вопросы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе (2014).

Значительное число работ посвящено лишь одному из возможных аспектов – воздействию судебного решения на материальные правоотношения. Однако потребность проведения исследований, которые учитывали бы положения теории гражданского и процессуального права и рассматривали и иные аспекты воздействия процессуальной деятельности на материальные правоотношения, подтверждается видными представителями цивилистической и процессуальной науки. Так, М. А. Рожкова в докторской диссертации обосновывает, что юридические факты, которые влекут одновременно и гражданско-правовые, и процедурные последствия, должны изучаться наукой и гражданского, и процессуального права¹⁶. М. А. Козлов также указывает, что в связи с отсутствием единообразного подхода к данной проблеме в юридической науке имеется потребность в изучении влияния судебного решения на гражданское правоотношение¹⁷. Д. Б. Абушенко, предлагая систематизировать исследования по

¹⁶ *Рожкова М. А.* Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия : дис. ... д-ра юрид. наук : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право», 12.00.15 «Гражданский процесс; арбитражный процесс». Москва, 2010. С. 359.

¹⁷ *Козлов М. А.* О роли судебного решения в возникновении развитии и прекращении (движении) гражданского правоотношения // Закон. 2008. № 1. С. 139–149.

вопросам процессуального и материального взаимовлияния, отмечает, что такие научные исследования «должны строиться на раздельном рассмотрении вопросов «статики» и «динамики», и должны охватывать «вопросы, связанные с динамикой спорного (установленного) материального правоотношения, возникновением нового материального правоотношения на различных судебных этапах»¹⁸.

В связи с этим уровень разработанности темы не только позволяет, но и требует изучения тех аспектов процессуального влияния, которые до настоящего момента не становились самостоятельным предметом исследования, а именно – вопросов динамики спорного материального правоотношения.

Целью диссертации является разработка концепции динамики спорного правоотношения, обосновывающей причины, по которым спорное правоотношение имеет особенности развития, и правила такого развития.

Для достижения данной цели в работе **поставлены следующие задачи:**

1. Сформулировать понятие спорного материального правоотношения для целей исследования.
2. Определить и систематизировать последствия нарушения и оспаривания прав для материального правоотношения.
3. Выявить, какое значение для динамики материального правоотношения может иметь предъявление требования обязанному лицу.
4. Описать правила учета обстоятельств, влекущих изменение спорного материального правоотношения, произошедших после возникновения спора.
5. Охарактеризовать влияние процессуального поведения сторон и судебного решения на спорное материальное правоотношение.
6. Описать и обосновать процессуальный порядок учета добровольного исполнения ответчиком требований истца.

Объект исследования составляют материальные правоотношения,

¹⁸ *Абушенко Д. Б.* Отдельные вопросы систематизации исследований применительно к проблематике взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе // *Право и государство: теория и практика.* 2013. № 10(106). С. 68.

являющиеся предметом защиты и осуществления в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства, а также правоотношения, возникающие в связи с рассмотрением и разрешением гражданских дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах.

Предметом исследования является действующее российское законодательство, регулирующее порядок осуществления материальных прав и обязанностей сторонами правоотношений после возникновения спора о праве и в период рассмотрения спора в суде, а также практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов Российской Федерации, отражающая такой порядок, научные труды отечественных и зарубежных ученых по теме исследования.

Теоретическая и методологическая основа исследования

Теоретической основой исследования в силу межотраслевого характера объекта исследования стали труды учёных-правоведов в различных областях юридического знания:

– работы в области теории государства и права, в первую очередь посвященные теории юридических фактов и понятию и признакам охранительного правоотношения, в частности – труды С. С. Алексеева, В. В. Груздева, В. Б. Исакова, М. Н. Марченко, Е. Я. Мотовилова, В. Н. Протасова, Р. О. Халфиной;

– исследования в сфере гражданского права, посвященные отдельным аспектам динамики гражданско-правовых отношений, в том числе значению нарушения права и гражданско-правовой ответственности. Речь идет, в частности, о работах Р. С. Бевзенко, В. В. Витрянского, Д. Н. Кархалева, О. А. Красавчикова, Е. А. Крашенинникова, Г. В. Колодуба, А. А. Павлова, В. Ф. Попондопуло, Е. А. Суханова, Ю. К. Толстого;

– труды ученых-процессуалистов, в частности, Д. Б. Абушенко, В. В. Бутнева, Е. В. Васьковского, Д. Б. Володарского, А. А. Грось, Л. А. Грось, М. А. Гурвича, П. Ф. Елисейкина, И. М. Зайцева, Н. Б. Зейдера, О. В. Исаенковой, М. Д. Матиевского, В. А. Мусина, М. М. Ненашева, Е. А. Нефедьева, Г. Л. Осокиной, И. М. Пятилетова, М. А. Рожковой, Н. Н. Тарусиной,

Н. В. Тихоньковой, С. Н. Хорунжего, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота, Т. М. Яблочкова, В. В. Яркова, а также труды зарубежных правоведов: И. Бентама, О. Бюлова, М. Пагенштехера, Ф. К. фон Савиньи.

Диссертационное исследование опирается на несколько теоретических концепций, которые были предложены в юридической литературе, ключевыми из которых являются:

– концепция регулятивных и охранительных правоотношений, в соответствии с которой правоотношения классифицируются на регулятивные, возникающие на основе правомерного поведения субъектов и направленные на реализацию их дозволенных законом интересов, и охранительные, возникающие вследствие правонарушения и направленные на защиту нарушенных прав (С. С. Алексеев, С. Н. Братусь, В. П. Грибанов, П. Ф. Елисейкин, Е. Я. Мотовиловкер, В. Н. Протасов, Р. О. Халфина);

– концепция интегрированной (материально-процессуальной) природы иска, в соответствии с которой иск рассматривается и как материальное субъективное право на судебную защиту, вытекающее из нарушенного материального права, и как процессуальное средство защиты права, представляющее собой требование к суду о защите нарушенного или оспариваемого права (А. А. Добровольский, И. Н. Кашкарова, А. Ф. Клейнман, М. А. Рожкова, Д. М. Чечот);

– концепция судебного решения как юридического факта материального права, в соответствии с которой судебное решение не только признает и подтверждает уже существующее субъективное право или правоотношение, но и может создавать новое субъективное право, изменяет или прекращает существующие правоотношения (О. Бюлов, Е.В. Васьковский, А. А. Грось, Л. А. Грось, М.А. Гурвич, Л. Жюллио де ла Морандьер, М. А. Рожкова, М. Пагенштехер, Шрутка фон Рехтенштамм, В.П. Шахматов, Т.М. Яблочков).

Методологическую основу диссертационного исследования составила система общенаучных, частнонаучных и специальных методов познания социально-правовых и социально-экономических явлений.

Формально-юридический метод был использован для формулирования

понятия спорного материального правоотношения, а также для соотнесения его с иными понятиями.

Метод системного анализа использовался при исследовании правовых явлений – юридических фактов материального и процессуального права – в их взаимосвязи и зависимости применительно к влиянию на динамику материального правоотношения.

Метод формальной логики использовался при определении соответствия предлагаемых подходов законодательству и существующим в доктрине концепциям.

С помощью сравнительно-правового метода изучалось развитие отечественного законодательства, осуществлялось сопоставление его норм с положениями римского права, законодательством иностранных государств, а также сопоставление подходов судебной практики, сформировавшихся в различные периоды.

Применение историко-правового метода позволило проследить эволюцию понятия «спор о праве» и подходов к определению момента возникновения охранительных правоотношений.

Метод системного толкования применялся при анализе норм гражданского, процессуального и семейного законодательства, включая положения Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁹ (далее – ГК РФ), Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации²⁰ (далее – ГПК РФ), Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации²¹ (далее – АПК РФ), Семейного кодекса Российской Федерации²², а также при изучении взаимодействия

¹⁹ *Гражданский кодекс Российской Федерации*: Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1994. № 32. Ст. 3301; Часть вторая от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1996. № 5. Ст. 410.

²⁰ *Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации* от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2002. № 46. Ст. 4532.

²¹ *Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации* от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2002. № 30. Ст. 3012.

²² *Семейный кодекс Российской Федерации* от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1996. № 1. Ст. 16.

юридических фактов и процессуальных институтов (например, обеспечительных мер, процессуального правопреемства, последствий отказа от иска).

Отдельное внимание в работе уделено догматическому (юридико-догматическому) методу, который применялся при выявлении правовой природы спорного правоотношения как предмета судебной деятельности и для построения теоретической модели его динамики.

Метод юридического моделирования использовался при осуществлении классификации спорных правоотношений в зависимости от последствий нарушения права и возникновения нового по содержанию притязания, и для дальнейшего определения порядка осуществления спорных правоотношений различных видов.

Выбор и сочетание указанных методов были обусловлены спецификой исследуемого объекта, необходимостью учета как доктринальных позиций, так и практики правоприменения, а также целью достижения правовой определенности в вопросах динамики спорных материальных правоотношений.

Информационную базу исследования составили ГК РФ, ГПК РФ, АПК РФ, иные федеральные законы, зарубежное законодательство, а также нормативные акты дореволюционного и советского периода отечественной истории.

Также информационной базой исследования послужили эмпирические источники – судебная практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов разных уровней, акты высших судебных инстанций (Верховного Суда Российской Федерации, Конституционного Суда Российской Федерации, ранее принятые акты Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации).

Обоснованность и достоверность результатов исследования.

Достоверность и обоснованность выводов, полученных в результате исследования, подтверждается использованием соответствующей методологии, изучением достаточного объема нормативной базы, научной литературы, судебной практики по конкретным делам, а также оперированием эмпирическими данными, собранными и проанализированными в процессе работы над диссертационным исследованием, формированием выводов на основании анализа и толкования

нормативных правовых актов Российской Федерации, актов правоприменения, применением автором работы методов исследования, позволяющих выстроить нужный подход и направление в формировании собственных оригинальных авторских выводов.

Научная новизна исследования заключается в разработке и теоретическом обосновании концепции динамики спорного материального правоотношения и осуществления материальных прав и обязанностей его сторонами после возникновения спора и в период его рассмотрения судом. Впервые дано определение спорных материальных правоотношений для целей дальнейшего исследования влияния на них процессуальной деятельности, приведена их классификация в зависимости от последствий возникновения спора и содержания правоотношения, дано объяснение особенностей динамики спорного материального правоотношения, учитывающее положения теории материального и процессуального права и практические потребности. Доктринально обоснованы существующие в законодательстве и судебной практике примеры влияния возникновения спора и судебного разбирательства на материальное правоотношение – в частности, ослабление акцессорности обеспечительных обязательств, и опровергнуты не имеющие теоретического обоснования подходы к динамике правоотношения в период спора – в частности, ограничения способов прекращения обязательства. Определено значение процессуального поведения и судебного решения для динамики спорного правоотношения. Также выработаны правила учета добровольного удовлетворения требований истца, позволяющие избежать неосновательного обогащения истца.

Наиболее значимые результаты исследования, полученные лично автором и содержащие элементы научной новизны, отражены в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. Дано авторское определение спорного материального правоотношения, создающее теоретическую основу для дальнейшего исследования динамики таких правоотношений при осуществлении судебной защиты. Спорное правоотношение – это предположительно существующее материальное правоотношение,

содержанием которого являются права и обязанности, возникающие в связи с предполагаемым нарушением или оспариванием права. Права не могут быть осуществлены управомоченным лицом самостоятельно, и обращение управомоченного лица в суд делает спорное правоотношение предметом судебной деятельности, направленной на устранение его спорности путем установления юридически значимых обстоятельств (*положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 7 (основания возникновения и динамика частноправовых отношений) и 10 (защита прав в частноправовых отношениях) паспорта специальности 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки*).

2. Разработана классификация спорных правоотношений в зависимости от юридических последствий нарушения или оспаривания права:

Группа 1. Регулятивное правоотношение существует до нарушения и сохраняется после нарушения, новое правоотношение для восстановления нарушенного права не возникает – управомоченное лицо вправе требовать исполнения обязанностей, предусмотренных регулятивным правоотношением.

Группа 2. Регулятивное правоотношение существовало на момент нарушения и прекратилось в связи с нарушением (или же по причине наличия нарушений регулятивного правоотношения не было), для восстановления прав возникло правоотношение с иным содержанием, требования которого подлежат принудительной реализации.

Группа 3. Регулятивное правоотношение существовало на момент нарушения, не прекратилось в связи с нарушением, охранительное правоотношение имеет иное содержание по сравнению с регулятивным (применение штрафных санкций, восстановление возможности нормального осуществления регулятивного правоотношения, а также изменение или прекращение регулятивных правоотношений).

Группа 4. Требование управомоченного субъекта направлено на устранение неопределенности и признание регулятивного правоотношения существующим или, напротив, отсутствующим.

В указанных группах правоотношений также выделены подгруппы в

зависимости от природы существующего (или ранее существовавшего) регулятивного правоотношения и содержания охранительного притязания (*положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 7 (основания возникновения и динамика частноправовых отношений) и 10 (защита прав в частноправовых отношениях) паспорта специальности 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки*).

3. Установлено материально-правовое значение предъявления требования управомоченным лицом к обязанному лицу. При отсутствии тождества между нарушителем и обязанным лицом (например, при предъявлении требования к поручителю, залогодателю), а также в случаях, когда содержание охранительного притязания отличается от содержания регулятивного права и зависит от выбора управомоченным лицом одного из альтернативных способов защиты, охранительная правовая связь и спор о праве возникают только после предъявления требования обязанному лицу и при условии его неисполнения. Предъявление требования в этих случаях должно предшествовать обращению в суд. Если управомоченное лицо не осуществляет выбор способа защиты нарушенного права, следует исходить из возможности осуществления выбора способа восстановления нарушенного права самим обязанным лицом по аналогии с последствиями уклонения от выбора в альтернативном обязательстве. Утрата акцессорности обеспечительными обязательствами, выражающаяся в том, что при ликвидации основного должника обеспечительное обязательство не прекращается, если требование (как в судебном, так и в досудебном порядке) уже предъявлено к залогодателю или поручителю, связана с возникновением в результате предъявления требования к указанным лицам охранительного правоотношения с множественностью лиц на стороне должника (*положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 7 (основания возникновения и динамика частноправовых отношений) и 10 (защита прав в частноправовых отношениях) паспорта специальности 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки*).

4. Определено, как влияет устранение допущенного нарушения и обстоятельства, влекущие изменение правоотношения, на спорное

правоотношение. Устранение нарушения права, ставшего причиной возникновения спора, влечет его прекращение только в случаях, когда содержание спорного правоотношения совпадает с регулятивным правоотношением (по приведенной классификации – правоотношения из группы 1). В иных случаях, когда возникло отличающееся по содержанию охранительное правоотношение (группы правоотношений 2 и 3), прекратить его устранением нарушения регулятивного правоотношения невозможно. В группе 4 устранение правовой неопределенности при оспаривании прав достижимо именно в результате судебного установления содержания правоотношения или отсутствия правоотношения, в связи с чем обязанное лицо также лишено возможности прекратить спор своими односторонними действиями. Регулятивное и охранительное правоотношение могут развиваться максимально автономно друг от друга (включая существование одного после прекращения другого, переход к разным лицам) в случае, когда речь идет об охранительных правоотношениях по применению мер ответственности к нарушителю. В иных случаях в группе 1 и 3, по общему правилу, изменение содержания и субъектного состава регулятивного правоотношения влечет аналогичные изменения для охранительного правоотношения. В некоторых случаях изменение регулятивного правоотношения повлечет либо прекращение охранительного притязания (например, в случае продления срока исполнения спорной обязанности), либо поставит под сомнение возможность принудительного осуществления притязания, направленного на прекращение правоотношения (в случае совершения действий, подтверждающих намерение сохранить правоотношение) *(положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 7 (основания возникновения и динамика частноправовых отношений) и 10 (защита прав в частноправовых отношениях) паспорта специальности 5.1.3 – частноправовые (цивилистические) науки)*.

5. Определена правовая природа процессуального поведения сторон и значение судебного решения как юридических фактов, влияющих на динамику спорного правоотношения. Процессуальное поведение сторон является условием осуществления охранительного притязания: для истца – заявленного в иске; для

ответчика – установительного притязания, направленного на устранение правовой неопределенности, возникшей в связи с предъявленными истцом требованиями. В случае расхождения между действительно существующими и установленными судом обстоятельствами процессуальное поведение сторон выступает основанием для возникновения фикции существования материальных правоотношений между сторонами. Такая фикция в связи с наличием субъективных пределов законной силы судебного решения связывает только участвующих в деле лиц, являясь самостоятельным основанием для осуществления имущественных предоставлений, и не замещает действительно существующие материальные правоотношения сторон, которые могут быть установлены при рассмотрении дел с участием иных лиц. Судебное решение, вступая в законную силу, прекращает преобразовательные и установительные охранительные притязания, а также охранительные правоотношения, в состав которых они входили, поскольку восстановление нарушенного права осуществлено в результате достижения правовой определенности (для установительных притязаний), изменения или прекращения правоотношений (для преобразовательных притязаний). Охранительное исполнительное притязание при вступлении решения о его осуществлении в силу становится правомочием в составе регулятивного или охранительного правоотношения, снабженным возможностью принудительного осуществления. Момент наступления материально-правовых юридически значимых последствий преобразовательного судебного решения различается в зависимости от того, является ли судебное решение обязательным элементом сложного юридического состава в силу закона (например, расторжение брака при наличии несовершеннолетних детей) – в таком случае последствия могут наступать только при вступлении решения в силу, или же потребность в завершении юридического состава судебным решением связана с наличием спора о праве, и при его отсутствии правоотношения могли бы быть прекращены по соглашению сторон (например, расторжение договора при его существенном нарушении одной из сторон) – в таком случае наступление юридически значимых последствий может быть решением суда соотнесено с моментом, когда наступили все иные элементы

юридического состава (*положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 7 (основания возникновения и динамика частноправовых отношений) и 10 (защита прав в частноправовых отношениях) паспорта специальности 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки*).

6. Сформулированы правила учета добровольного исполнения ответчиком требований истца, что расширяет понимание правовой природы прекращения спора, роли исполнения как материального основания прекращения притязания, минимизирует риски получения повторного исполнения и служит целям процессуальной экономии. Удовлетворение притязания истца ответчиком должно рассматриваться как основание для прекращения производства по делу судом первой или апелляционной инстанции, если оно произведено до окончания рассмотрения дела в суде соответствующей инстанции, даже если сторона не заявляла о таком удовлетворении в первой инстанции, поскольку такое удовлетворение прекращает и спор о праве, и охранительное правоотношение (*положение, выносимое на защиту, соответствует пунктам 7 (основания возникновения и динамика частноправовых отношений) и 10 (защита прав в частноправовых отношениях) паспорта специальности 5.1.3 – частно-правовые (цивилистические) науки*).

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическое значение работы состоит в развитии и дополнении научных знаний о динамике материального правоотношения после возникновения спора и в период его рассмотрения судом, устранении пробелов и противоречий, существовавших в связи с отсутствием единообразного представления о влиянии момента возникновения спора, обращения в суд, процессуального поведения и судебного решения на динамику материального правоотношения. Представлено доктринальное обоснование как ранее высказанных в литературе, так и новых для науки подходов. Выработаны правила, которые описывают порядок развития спорного правоотношения и особенности его осуществления в зависимости от вида правоотношения, характера нарушения права и содержания требования.

Практическое значение исследования заключается в выявлении

и описании отличий порядка осуществления материальных прав и обязанностей сторонами правоотношений в период рассмотрения спора судом, использование которых позволит участникам судебных разбирательств предвидеть последствия своего материально-правового и процессуального поведения, а судам – единообразно определять такие последствия при рассмотрении дел.

Разработанные автором предложения по оценке влияния юридических фактов материального и процессуального права на спорное правоотношение были внедрены в практическую деятельность при осуществлении представления интересов в судах по гражданским делам.

В ходе исследования были выработаны предложения по совершенствованию действующего законодательства и устранению противоречий с предложенными доктринальными подходами:

1) С целью устранения описанной в параграфе 1 главы 2 ситуации, при которой момент возникновения спора совпадает с моментом предъявления требований в суд, необходимо дополнить ч. 3 ст. 3 ГПК РФ и ч. 5 ст. 4 АПК РФ абзацем следующего содержания: «Соблюдение претензионного порядка является обязательным в случаях, когда в результате нарушения права кредитор определяет способ восстановления права путем предъявления одного из нескольких альтернативных требований, по своему содержанию отличающихся от нарушенного права, либо предъявляет требование к лицу, не являющемуся должником по основному обязательству»;

2) С целью приведения положений о последствиях добровольного удовлетворения требований истца ответчиком в соответствии с обоснованной доктринальной позицией необходимо дополнить статью 220 ГПК РФ абзацем 8, а ч. 1 ст. 150 АПК РФ - пунктом 8 - следующего содержания: «исполнение ответчиком требований истца после предъявления истцом искового заявления и до вступления решения в законную силу», тем самым отнеся указанное обстоятельство к основаниям прекращения производства по делу.

Апробация результатов исследования:

Диссертация подготовлена и обсуждена на кафедре гражданского

и корпоративного права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет».

Автор выступал с докладами, отражающими результаты исследования, на конференциях, что подтверждается программами конференций и изданными по их результатам сборниками материалов, в частности:

– на Всероссийской научно-практической конференции «Правосудие по гражданским делам: проблемы и перспективы развития» (Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2012 год)²³, Международной научно-практической конференции «Институт гражданско-правовой защиты в современных условиях» (Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», 2018 год)²⁴ и Международной научно-практической конференции юридического факультета «Право и современная экономика» (СПбГЭУ, 2018 год)²⁵, Саратовском юридическом форуме (г. Саратов, 2025 год)²⁶, а также на ежегодных конференциях профессорско-преподавательского состава, проводимых в СПбГЭУ.

Результаты диссертационной работы используются при проведении учебных занятий по дисциплинам «Гражданский процесс», «Арбитражный процесс», «Юрисдикционные способы защиты гражданских прав и порядок их реализации» на кафедре гражданского и корпоративного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета.

Перечень публикаций автора. Основные результаты, проблемные и дискуссионные вопросы диссертационного исследования были опубликованы автором в виде научных публикаций. Общий объем опубликованных статей 3,8 п.л.

I. Научные статьи, опубликованные в изданиях, входящих в перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии при Министерстве

²³ Сборник по результатам конференции представлен по ссылке <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27396630>

²⁴ Сборник по результатам конференции представлен по ссылке <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36732190>

²⁵ Программа конференции опубликована по ссылке https://unecon.ru/wp-content/uploads/2022/04/programma_konferencii_pravo_i_ekonomika_5.04.2018.pdf

²⁶ Программа Форума опубликована по ссылке <https://sslalf.ru/section25-13>

науки и высшего образования Российской Федерации

1. Калис, М. Н. К вопросу о понятии спорного материального правоотношения / М. Н. Калис // Юридическая гносеология. – 2024. – № 2. – С. 36–46 (0,73 п.л.).

2. Калис, М. Н. Спор о праве как причина ослабления акцессорности обеспечительных обязательств / М. Н. Калис // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 4(204). – С. 256–261 (0,6 п.л.).

3. Калис, М. Н. Динамика материального правоотношения на терминальной стадии / М. Н. Калис // Юридические исследования. – 2025. – № 4. – С. 64–77 (0,57 п.л.).

4. Калис, М. Н. Материально-правовые и процессуальные последствия прекращения спора о праве / М. Н. Калис // Журнал правовых и экономических исследований. Journal of Legal and Economic Studies. 2025. 2: 147–153 (0,54 п.л.).

II. Доклады, опубликованные в сборниках, изданных по итогам научно-практических конференций

5. Калис, М. Н. Судебный акт как юридически значимое обстоятельство материального права / М. Н. Калис // Правосудие по гражданским делам: проблемы и перспективы развития : сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции 25 октября 2012 года / под ред. В. П. Очередыко, Л. В. Войтович, К. Г. Сварчевского. – Санкт-Петербург : Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2012. – С. 92–102 (0,49 п.л.).

6. Калис, М. Н. Особенности динамики спорного и установленного судом правоотношения / М. Н. Калис // Российское общество и экономика: исторический опыт и современность: Научная сессия профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР за 2016 год : сборник лучших докладов, Санкт-Петербург, 01–30 марта 2017 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 46–49 (0,21 п.л.)

7. Калис, М. Н. Некоторые особенности изменения и прекращения правоотношений при осуществлении судебной защиты / М. Н. Калис // Институт

гражданско-правовой защиты в современных условиях : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 01 июня 2018 года / Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Петрополис», 2018. – С. 89–95 (0,45 п.л.).

8. Калис, М. Н. Материально-правовые и процессуальные последствия исполнения обязательств в ходе судебного разбирательства и после принятия судебного решения / М. Н. Калис // Право и современная экономика : сборник материалов I Международной научно-практической конференции юридического факультета СПбГЭУ, Санкт-Петербург, 05 апреля 2018 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 97–99 (0,21 п.л.).

Структура диссертационной работы определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения и списка источников.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ И ГЕНЕЗИС СПОРНОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

§1. Понятие спорного материального правоотношения и его значение для дальнейшего исследования динамики правоотношений

Понятие «спорное правоотношение» широко используется в доктрине²⁷ и судебной практике²⁸, встречается оно и в законодательстве²⁹. При обосновании актуальности исследуемой темы во введении настоящей работы нами было отмечено, что исследователи обращают внимание на необходимость изучения динамики спорного правоотношения³⁰.

Однако содержание данного понятия остается неопределенным: какое

²⁷ См., напр.: Губина Е. Н., Дерюшкина Т. А. Мировое соглашение как сделка, определяющая права и обязанности сторон в спорном правоотношении, в гражданском процессе // Современные концепции взаимодействия частного и публичного права: юридическая доктрина и правоприменительная практика: сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 9 октября 2011 года. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2011. С. 126–128; Нахова Е. А. Проблемы юридической квалификации спорного материального правоотношения // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XIV международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 октября 2019 года / отв. редактор Е. Б. Гоголевская. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2020. С. 300–305; Тур И., Стельмах А. О мировом соглашении при намерении сторон урегулировать комплекс спорных правоотношений // Арбитражные споры. 2017. № 4(80). С. 59–69; Ченцов Н. В. Влияние спорного материального правоотношения, одним из субъектов которого является Российская Федерация, на действие принципа равенства в гражданском процессе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 11. С. 58–63.

²⁸ Наиболее часто – при упоминании законодательства, регулирующего спорные правоотношения (см., напр., *Определение Верховного Суда РФ от 26 июля 2023 г. № 310-ЭС23-13500 по делу № А08-17/2022*, *Определение Верховного Суда РФ от 24 июля 2023 г. № 307-ЭС23-11385 по делу № А42-3803/2022*), но также и применительно к обстоятельствам конкретных исследуемых правоотношений (см., напр., *Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28 марта 2023 г. № 33-6431/2023*; *Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 30 марта 2023 г. № 33-9494/2023 по делу № 2-1966/2022*).

²⁹ В частности, в ст. 40, 44, 220 ГПК РФ, ст. 48, 133, 150 АПК РФ.

³⁰ Абушенко Д. Б. Отдельные вопросы систематизации исследований применительно к проблематике взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе // Право и государство: теория и практика. 2013. № 10(106). С. 68.

именно правоотношение именуется спорным, какие характеристики оно имеет, отличается ли чем-либо от *не-спорного* правоотношения?

Для того, чтобы раскрыть содержание категории «спорность», полагаем необходимым в первую очередь обратиться к анализу существующих точек зрения относительно понятия «спор о праве».

Работы, посвященные анализу спора о праве, свидетельствуют о многообразии подходов к данному явлению, обусловленных, прежде всего, различными целями его исследования. Как указывал И. М. Зайцев, подход ученых различен к выявлению главного в определении спора: за основу определений принимаются форма или последствия спора либо его связь с соответствующим правом или правонарушением³¹.

Существуют концепции спора о праве в «субъективном» и в «объективном» смысле. Согласно первой, спор о праве выражается в наличии несоответствия мнений сторон, субъективного отношения к правам и обязанностям³². Сущность второй заключается в том, что о наличии спора о праве свидетельствуют препятствия и «помехи» к его осуществлению³³. Исследователи предпринимали и попытки объединить указанные подходы³⁴.

Также в теории предлагается выделять «материальное» и «процессуальное» содержание спора о праве. Ученые, склонявшиеся к концепции «материального» спора о праве, понимали под ним определенное состояние субъективного права, правоотношения, наступающего в результате его нарушения, либо охранительное правоотношение, возникающее в связи с нарушением или оспариванием. Вторая группа исследователей придерживалась мнения, что спор о праве представляет собой разногласия субъектов по поводу своих прав и обязанностей, конфликт, противоборство сторон спора. Некоторые процессуалисты предлагали выделять

³¹ Зайцев И. М. Хозяйственный спор и арбитражный процесс. Вопросы теории. Саратов, 1982. С. 7.

³² Чечот Д. М. Иск и исковая форма защиты права // Правоведение. 1969. № 4. С. 76.

³³ Елисейкин П. Ф. Спор о праве как общественное отношение // Вопросы эффективности судебной защиты субъективных прав. Свердловск, 1978. С. 118.

³⁴ Зеленцов А. Б. Административно-правовой спор: Теоретико-методологические подходы к исследованию // Правоведение. 2000. № 1. С. 70.

спор о праве как в материальном, так и в процессуальном смыслах.

Основным недостатком концепции спора о праве в материальном смысле является то, что она не учитывает возможности обращения в суд при отсутствии нарушенного или оспоренного материального права.

М. А. Гурвич, изначально придерживавшийся материально-правовой концепции³⁵, в дальнейшем обосновал, что спор о праве следует понимать как «превращение существовавших до процесса и не имеющих юридического значения фактических разногласий субъектов в гражданские процессуальные отношения»³⁶, т. е. категорию исключительно процессуальную.

Развивая данную концепцию, М. Д. Матиевский пришел к заключению, что сущность спора о праве заключается в различии тех суждений, которые делают по поводу своих прав и обязанностей стороны материально-правового отношения и которые выражены вовне тем или иным способом, «доступным для восприятия»³⁷.

П. Ф. Елисейкин первоначально придерживался мнения о равноправном существовании концепций спора о праве в материальном и процессуальном смыслах³⁸, основываясь, в частности, на том, что спор о праве в процессуальном смысле следует рассматривать в качестве общественного отношения между сторонами, имеющего охранительный характер; однако впоследствии он пришел к выводу о том, что спор о праве является материально-правовым последствием обращения заинтересованного лица в суд, которое становится предметом судебной деятельности – гражданским делом по спору о праве.

Среди современных исследователей также отсутствует единое мнение относительно природы спора о праве. В частности, некоторые исследователи считают спор о праве «материально-процессуальным» правоотношением³⁹, тогда

³⁵ Гурвич М. А. Право на иск. М., 1949. С. 142, 145.

³⁶ Гурвич М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу. М., 1950. С. 63–69.

³⁷ Матиевский М. Д. Спор о праве в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1978. С. 32.

³⁸ Елисейкин П. Ф. Спор о праве как общественное отношение // Вопросы эффективности судебной защиты субъективных прав. Свердловск, 1978. С. 115.

³⁹ Павлушина А. А. Спор как базовая категория теории юрисдикционного процесса

как другие склонны считать его явлением материального права, после предъявления иска, становящимся объектом процессуальных отношений⁴⁰. Ряд исследователей полагают, что спор о праве – это «не правоотношение и не состояние права, а качество правовой неопределенности материальных субъективных прав, законных интересов или в целом правоотношений»⁴¹.

Высказывается мнение, что спор о праве является предпосылкой наступления юридически значимых последствий – наряду с нормой права и субъектами-носителями прав и обязанностей. Схожей точки зрения на значение спора о праве придерживается М. М. Ненашев, отнесший его (по классификации М. А. Рожковой) к юридическим фактам в широком смысле – правопозитивным юридическим фактам, входящим в основание иска⁴². В качестве примера приводятся, в частности, положения п. 4 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ, согласно которым условием принятия искового заявления к производству является указание истцом, в чем состоит нарушение или угроза нарушения его прав. Исходя из этого определяется подсудность дела, надлежащий ответчик (путем установления того, может ли указанное в качестве ответчика лицо быть участником спорного правоотношения). Данное значение спора о праве было обозначено «детерминантой процессуальной формы»⁴³.

В связи с этим неоднозначны и позиции относительно момента возникновения спора о праве.

Процессуально-правовая концепция спора, как следует из сказанного выше, связывает появление спора именно с началом процессуальной деятельности

// Арбитражный и гражданский процесс. 2002. № 7. С. 4.

⁴⁰ *Ненашев М. М.* К дискуссии о сущности спора о праве // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 3. С. 14–17; данная точка зрения высказывалась ранее Н. Б. Зейдером, М. А. Викут, А. А. Мельниковым

⁴¹ *Ионова Ю. А., Цепкова Т. М.* «Спор о праве» в теории гражданского процессуального права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2010. № 1 (71). С. 105.

⁴² *Ненашев М. М.* Спор о праве и его место в гражданском процессе ... С. 49.

⁴³ *Рассахатская Н. А.* Детерминанты предмета гражданского процессуального права // Тенденции развития гражданского процессуального права России: сборник научных статей. СПб., 2008. С. 240.

(обращением в суд)⁴⁴. Однако при таком подходе спор не может рассматриваться как предпосылка судебной деятельности, лишается смысла понятие «досудебное урегулирование спора».

А. М. Нехороших выделяет стадии возникновения и развития спора о праве: по его мнению, спор можно считать возникшим только когда формируется структура спора, возникает спорное правоотношение, а также оформляется основание правопритязания и собираются доказательства. Он считает, что спор о праве приводит к возникновению процесса, то есть возникает до обращения в суд, но после того, как формируется требование (с этой точки зрения направление претензии происходит после возникновения спора о праве)⁴⁵.

Промежуточную позицию занимает Р. Ф. Каллистратова, согласно позиции которой спор о праве возникает не одновременно с правовой неопределенностью (то есть не в момент нарушения или оспаривания права), но и не в момент обращения в суд, а в том случае, если управомоченный субъект получает отказ в добровольном удовлетворении его притязаний (например, после отказа в удовлетворении претензии или уклонения от ответа на нее)⁴⁶.

Легальная дефиниция спора о праве отсутствует, при этом понятия «спор» и «спор о праве» (без конкретизации их соотношения) активно используются в законодательстве⁴⁷, и придаваемые этому понятию значения отличаются.

Например, под спором о праве в качестве основания для отказа в принятии заявления о вынесении (выдаче) судебного приказа (п. 3 ч. 3 ст. 125 ГПК РФ, п. 3 ч. 3 ст. 229.4 АПК РФ) понимается спор в субъективном смысле – наличие разногласий между сторонами правоотношения, т.к. «объективный» спор –

⁴⁴ *Елисейкин П. Ф.* Процессуальное понимание спора о праве и его критика // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1981. С. 19–20.

⁴⁵ *Нехороших А. М.* Претензионное производство как институт предварительного досудебного урегулирования споров, возникающих из правоотношений по железнодорожной перевозке грузов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. Саратов, 2004. 22 с.

⁴⁶ *Каллистратова Р. Ф., Поскребнев М. Е., Холопова Д. А.* Правовая природа обязательного претензионного порядка и его влияние на развитие спора в суде // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 4. С. 3–10.

⁴⁷ Например, п. 1 ст. 162, п. 2 ст. 199, ст. 241 ГК РФ, п. 3 ч. 3 ст. 125, ч. 3 ст. 263, ч. 3 ст. 310 ГПК РФ, ч. 3 ст. 217, п. 3 ч. 3 ст. 229.4 АПК РФ

наличие препятствий и помех к осуществлению права – присутствует и в делах приказного производства (например, неисполнение должником обязанности по оплате, вытекающей из договора, при отсутствии разногласий с кредитором относительно существования и содержания такой обязанности).

Вместе с тем, в порядке искового производства также могут рассматриваться дела, в которых спор о праве в субъективном смысле отсутствует – но при этом требование не относится к категориям дел, рассматриваемым в порядке приказного производства, или размер взыскиваемой суммы превышает установленные законодательством пределы для рассмотрения в порядке приказного производства. Законодатель может изменять (и неоднократно изменял) данные критерии из соображений оптимизации судебной деятельности. Нарушитель права может даже признавать наличие у него обязанности (например, в ответе на претензию) – что может влиять на процессуальную форму рассмотрения дела (например, в предусмотренном п. 1 ч. 2 ст. 227 АПК РФ случае), но не означает отсутствия спора о праве, который подлежит разрешению судом в порядке искового производства.

В этой связи представляется обоснованной точка зрения М. М. Ненашева, согласно которой под спором о праве необходимо понимать не субъективное отношение лица к существующим у него правам и не результат нарушения или оспаривания прав, а состояние, при котором требование одной стороны не может быть удовлетворено вопреки воле иного субъекта иначе, чем путем обращения в юрисдикционный орган⁴⁸. Обоснованность такого требования и наличие разногласий сторон относительно него при этом значения для определения наличия спора не имеет.

Может ли спор возникнуть не одновременно с нарушением права? Полагаем, что на этот вопрос нужно дать положительный ответ.

Например, п. 1 ст. 200 ГК РФ определяет, что течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права.

⁴⁸ *Ненашев М. М.* Спор о праве и его место в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 10.

В такой ситуации спор о праве возникает после нарушения – а когда о нарушении узнает правомочное лицо (так как до того, как лицо узнало о нарушении его прав, оно не могло предъявить никакое требование). Течение срока исковой давности при этом не связано с выбором конкретного способа защиты права, а изменение способа защиты не влияет на исчисление срока исковой давности⁴⁹. С этой точки зрения спор возникает не по поводу реализации конкретного требования управомоченного лица, а по поводу восстановления нарушенного права в целом, и понятие «предмет спора» отличается от понятия, чем «предмет иска» (к которому традиционно относится конкретное материально-правовое требование истца к ответчику⁵⁰). Изменение предмета иска, соответственно, не означает возникновения нового спора.

Если же спор возник до того, как право было нарушено (речь идет не о споре в связи с оспариванием права, предшествовавшим нарушению, а о заблуждении «управомоченного» лица относительно наличия нарушения), то речь должна идти о том, что в связи с действительным нарушением, произошедшим впоследствии, возник новый спор, а требования, заявленные в рамках первого спора, были не обоснованными.

Таким образом, **первый аспект «спорности»**, связанный с понятием «спор о праве», раскрывается через указание на то, что в таком правоотношении требование одной стороны, возникшее в связи с нарушением или оспариванием ее прав, не может быть удовлетворено ею самостоятельно - вопреки воле иного субъекта или по причине того, что в силу закона такой спор может быть разрешен только в судебном порядке.

Поскольку и нарушение, и само материальное правоотношение, на которое ссылается один субъект при предъявлении требований к другому, в

⁴⁹ Пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 12.

⁵⁰ Пункт 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 3.

действительности могут не существовать, можно говорить о предположительном характере спорного правоотношения.

При этом при обращении в суд за защитой права такой «предположительный характер» приобретает особое значение: в силу ч. 1 ст. 56 ГПК РФ и ч. 1 ст. 65 АПК РФ истец должен доказать обстоятельства, на которые ссылается в обоснование своих требований.

В литературе существует дискуссия относительно того, являются ли обстоятельства, на которые ссылается истец, подлежащими доказыванию в силу предъявления иска или же только в силу их оспаривания ответчиком⁵¹.

Позиция законодателя и практики по данному вопросу неоднозначна. В частности, АПК РФ в ч. 3.1 ст. 70 предусматривает, что «обстоятельства, на которые ссылается сторона в обоснование своих требований или возражений, считаются признанными другой стороной, если они ею прямо не оспорены». В практике судов общей юрисдикции, несмотря на отсутствие аналогичной нормы и закрепления лишь возможности непосредственного признания факта в ч. 2 ст. 68 ГПК РФ, также нередки упоминания о «неоспаривании» какого-либо факта.

Однако представляется, что это не может свидетельствовать в пользу того, что обстоятельства, на которые ссылается истец, презюмируются существующими, пока ответчик не оспорит их. Во-первых, позиция по указанному вопросу должна быть тождественна как для гражданского, так и для арбитражного процесса, поскольку различный подход не может быть обоснован целями процессуальной дифференциации. Во-вторых, квалифицировать поведение ответчика как «неоспаривание» и признать факт установленным можно лишь в ходе судебного разбирательства. Практика применения ч. 3.1 ст. 70 АПК РФ свидетельствует о том, что полное отсутствие доказательств какого-либо факта со стороны истца не может быть компенсировано ссылкой на положения о неоспаривании; данная норма скорее применяется в контексте неоспаривания оппонентом представленных

⁵¹ Яблочков Т. М. Формы «спора» и «неоспаривания» в гражданском процессе // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. 1914. № 7-8 (3-4). С. 110–112.

доказательств⁵². В литературе отмечается, что данная норма, согласно сложившейся практике, не освобождает стороны от обязанности представлять доказательства, а суд – от обязанности дать им надлежащую оценку⁵³.

Следовательно, на момент предъявления иска можно говорить лишь о предположительном характере обстоятельств, на которые ссылается истец. Это означает, что с предъявлением иска возможность защиты материального права ставится в зависимость от того, будут ли подтверждены истцом имеющие значение для дела обстоятельства путем их доказывания, характерного для процессуальной деятельности⁵⁴.

Сказанное свидетельствует и о «рисковом» характере судебной защиты: обращаясь в суд, истец соглашается с необходимостью доказывания оснований иска и принимает на себя риск отсутствия соответствующих доказательств и, следовательно, отказа в удовлетворении иска⁵⁵.

При этом предположительный характер обстоятельств не является следствием состязательности процесса. Выбор следственной или состязательной формы не означает выбора между более или менее эффективным способом познания. Использование состязательной формы не свидетельствует о большей

⁵² См., напр., *Постановление* Президиума ВАС РФ от 15 октября 2013 г. № 8127/13 по делу № А46-12382/2012; *Определение* Верховного Суда РФ от 24 декабря 2021 г. № 305-ЭС21-25204 по делу № А40-11587/2021, *Постановление* Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 июля 2023 г. № Ф07-7681/2023 по делу № А56-68463/2022.

⁵³ *Зеленина А. Ю.* Перспективы применения института неоспаривания фактов в арбитражном процессе РФ в свете внедрения в российскую юридическую практику стандартов доказывания // *Российский судья*. 2023. № 4. С. 57–61.

⁵⁴ Следует отметить, что некоторые исследователи, в частности, П. Ф. Елисейкин, считали, что обязанность по доказыванию имеет материально-правовую природу и, следовательно, существует и вне процесса (см., напр.: *Мирошникова Н. И.* Обсуждение проблем обязательственного права // *Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство*. Вып. 1. Ярославль, 1976. С. 123). Однако представляется, что упоминание необходимости доказать что-либо в нормах материального права имеет целью указание либо на особые правила распределения бремени доказывания, либо на имеющие значение для дела обстоятельства.

⁵⁵ О рисковом характере процессуальных отношений см., напр.: *Юдин А. В.* Категория «риск» в гражданском судопроизводстве // *Вестник гражданского процесса*. 2014. № 5. С. 11–53; *Звягина Н. С.* Процессуальный риск в контексте реализации принципа правовой определенности // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020. № 6. С. 12–18; *Решетникова И. В.* Теория процессуального риска // *Закон*. 2012. № 6. С. 117–122.

степени вероятности получаемого знания. Подобная вероятность выводов имманентно присуща процессуальному познанию независимо от используемой формы и связана с его ретроспективностью, т. е. направленностью на события, которые имели место в прошлом и которые можно исследовать только по оставленным ими «следам».

В случае удовлетворения иска устанавливается, что утверждаемое истцом правоотношение действительно существует. В случае отказа в удовлетворении иска в связи с тем, что истцом не доказаны обстоятельства, на которых он основывал свои требования, спорность также будет устранена.

Н. А. Чечина обращала внимание, что превращение предполагаемых и спорных отношений в действительно существующие и бесспорные показывает сущность судебной деятельности, механизм ее воздействия⁵⁶. Такое понимание согласуется с существующим в «теории деятельности» определением предмета деятельности в целом как того, на изучение и/или изменение чего она направлена⁵⁷.

Предмет деятельности связан с целями деятельности, поскольку именно цель в конечном итоге определяет ее результат. Так, Т. М. Яблочков указывал, что вопрос о задачах и целях гражданского процесса имеет непосредственное отношение к проблеме взаимодействия судебного решения и спорного права⁵⁸.

Согласно позиции значительного числа современных процессуалистов⁵⁹, а

⁵⁶ *Гражданский процесс*: учебник. Издание третье, переработанное и дополненное / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. М., 2001. С. 280.

⁵⁷ См., в частности, *Лебедев С. А.* Философия науки: словарь основных терминов. М.: Академический проект, 2004. 320 с. (Серия «Gaudeamus»); *Ильичев Ф., Федосеев П. Н.* Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 840 с.

⁵⁸ *Яблочков Т. М.* Судебное решение и спорное право // *Вестник гражданского права*. 1916. № 7. С. 26–27.

⁵⁹ Например, критикуется подход к гражданскому процессу как к «услуге», а не обязанности государства по защите нарушенных прав (*Жуйков В.М.* Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации двадцать лет. - Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике : К 20-летию гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / Д. Б. Абушенко, М. А. Алиэскеров, Т. К. Андреева [и др.]. – Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2023. С. 16-17; в учебниках по гражданскому процессуальному праву, традиционно отражающих общепризнанные позиции исследователей, также отмечается что целью гражданского судопроизводства является защита нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов – см., напр: *Гражданский процесс* : учебник / С. Ф. Афанасьев, Л. В. Борисова, А. В. Габов [и др.] ; под ред. А. В. Габова, В. Г. Голубцова, С. Ж.

также некоторых дореволюционных ученых⁶⁰, целью процесса является защита нарушенных и оспоренных прав. Такая цель гражданского судопроизводства провозглашена и в ч. 1 ст. 2 ГПК РФ. АПК РФ перечисляет защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов лиц в числе задач судопроизводства в арбитражных судах.

Однако данная цель не является единственной.

В качестве иной цели процессуальной деятельности можно рассматривать достижение правовой определенности – или, иными словами, ликвидацию спорности материального правоотношения. Такая позиция, в частности, нашла отражение в работе профессора М. Пагенштехера (Max Pagenstecher) 1904 г. «Zur Lehre von der materiellen Rechtskraft» («Учение о материальной законной силе»)⁶¹. Е.В. Васьковский, дискутируя с определением в качестве цели процесса защиты нарушенных прав, также указывал, что универсальной целью судебного разбирательства является «распознавание, констатирование, подтверждение, ограждение от будущих нарушений» правоотношений сторон⁶². Устранение спорности признается целью рассмотрения дела и многими современными исследователями⁶³ – в частности, М. М. Ненашев указывает, что целью процесса всегда является разрешение спора о праве, защита же предоставляется только при удовлетворении иска⁶⁴.

Соловых ; ИГП РАН, БелГУ, ПГНИУ. Москва : Статут, 2024. С. 57-58; *Гражданский процесс* : учебник для студентов юридических высших учебных заведений / Уральский гос. юрид. ун-т ; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. В. Янков. - 11-е изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2021. С. 20

⁶⁰ Так, К.И. Малышев рассматривал в качестве цели процесса «охранение гражданских прав по поводу нарушения или спора» (Малышев К. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. С. 15-16); В.А. Рязановский В.А полагал что «задача суда — установить право, осуществить и охранить его» (*Рязановский В.А. Единство процесса: Учебное пособие. М. или «Издательский Дом “Городец”», 2005. С. 37)*

⁶¹ URL: <https://archive.org/details/zurlehrevonderm00pagegoog/page/n6/mode/2up?ref=ol&view=theater>

⁶² *Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016 С.40*

⁶³ *Иск в гражданском судопроизводстве: учебник для вузов / О. В. Исаенкова, О. В. Николайченко, Т. В. Соловьева, Н. Н. Ткачева; под ред. О. В. Исаенковой. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство «Юрайт», 2025. С. 79.*

⁶⁴ *Ненашев М. М. Спор о праве и его место в гражданском процессе: дис. ... канд. юрид.*

Данная позиция представляется вполне обоснованной: если по результатам исследования правоотношений сторон суд придет к выводу об отсутствии у истца нарушенного или оспоренного права, то при ограничении целей процессуальной деятельности только защитой такого права, процесс оказался бы бесцельным.

Таким образом, если исходить из направленности судебной деятельности на устранение спорности правоотношения, действительно существующие материальные правоотношения не могут являться предметом судебной деятельности, поскольку такая деятельность протекает независимо от их существования, и направлена в первую очередь на установление того, действительно ли существуют такие правоотношения или нет. Установленные правоотношения могут являться предметом защиты и осуществления в тех случаях, когда суд, установив наличие таких правоотношений, реализует данные задачи.

Можем ли мы при таких обстоятельствах считать именно спор о праве, а не спорное правоотношение, предметом судебной деятельности, либо отождествить данные понятия? Ведь достижение цели правовой определенности осуществляется путем разрешения спора.

Представляется, что на оба вопроса следует дать отрицательный ответ. Результатом судебной деятельности в случае вынесения решения, в том числе и решения об отказе в удовлетворении иска в связи с отсутствием у истца заявленного права, является не только разрешение спора (устранение разногласий между требованиями и волей сторон спора), но и установление в судебном решении обстоятельств и правоотношений сторон. Следовательно, предметом деятельности не может выступать только спор о праве, так как в таком случае деятельность не предполагала бы установления обстоятельств дела и могла бы ограничиваться разрешением разногласий сторон в любой форме.

Из проведенного анализа можно сделать вывод о втором аспекте, характеризующем спорное правоотношение: оно становится предметом судебной деятельности, направленной на устранение его предположительного характера

путем установления юридически значимых обстоятельств.

При исследовании предмета судебной деятельности учеными высказывались различные позиции относительно содержания данного понятия.

Так, Е. А. Крашенинников предлагал подразделять предмет судебной деятельности на предмет защиты и предмет осуществления - к первому предлагалось отнести регулятивные материальные права и законные интересы, а ко второму – охранительные правоотношения, именуемые им также «притязаниями»⁶⁵.

Охранительные рассматриваются некоторыми исследователями в качестве «основных» отношений для процесса, т. е. отношений, ради осуществления которых он существует⁶⁶. В качестве дополнительной характеристики таких правоотношений В. Н. Протасов указывал на невозможность защиты путем осуществления односторонних действий и, как следствие, необходимость участия в процессе защиты юрисдикционного органа.

П. Ф. Елисейкин считал предметом судебной деятельности гражданское дело в целом. Однако под гражданским делом он понимал внешнее оформление охранительного отношения между сторонами⁶⁷ – иными словами, форму такого правоотношения.

В. В. Бутнев отмечал, что «предмет судебной деятельности не ограничивается спорным правоотношением между сторонами. Гражданское дело как предмет судебной деятельности включает в себя комплекс материальных правоотношений: 1) регулятивное, существовавшее до правонарушения и нарушенное действиями ответчика; 2) охранительное, возникшее в результате

⁶⁵ Крашенинников Е. А. Предмет судебной защиты и предмет судебного осуществления в исковом производстве // Механизм защиты субъективных гражданских прав: сборник научных трудов. Ярославль, 1990. С. 17–26. Отметим, что более подробно вопрос о возникновении охранительных правоотношений и охранительных притязаний как проявлении динамики правоотношений будет рассмотрен в параграфе 2 главы 1 настоящей работы.

⁶⁶ Протасов В. Н. Охранительное правоотношение – основное отношение для юридического процесса // Вопросы теории охранительных правоотношений. Ярославль, 1991. С. 10–12.

⁶⁷ Елисейкин П. Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1974.

правонарушения; 3) организационно-охранительное (правовой спор), в рамках которого происходит противоборство между сторонами процесса. Разрешая правовой спор, суд устраняет разногласия между сторонами по поводу их прав и обязанностей, реализует охранительное правоотношение и тем самым защищает нарушенное регулятивное правоотношение. Таким образом, предмет судебной деятельности (гражданское дело) и суд оказывают взаимное влияние друг на друга»⁶⁸. В данном случае автор под «спорным правоотношением» понимает исключительно существовавшее до нарушения регулятивное правоотношение между сторонами.

Авторы, отрицающие деление правоотношений на охранительные и регулятивные, полагали, что предметом судебной деятельности являются сами регулятивные права, находящиеся в «исковом» состоянии⁶⁹.

Более подробное исследование вопроса о соотношении регулятивных и охранительных правоотношений будет проведено в работе далее. Однако на данном этапе работы следует зафиксировать, что, поскольку возникновение спорности связано в том числе с предполагаемым нарушением, для его дальнейшей характеристики должны учитываться материально-правовые последствия такого нарушения.

Также описанная дискуссия о том, какое именно правоотношение (или правоотношения) являются предметом судебной деятельности, в контексте настоящего исследования поднимает вопрос о содержании спорного материального правоотношения: становится ли спорным и регулятивное, и охранительное правоотношение, и какие именно права и обязанности становятся спорными? Рассмотрим ситуацию, при которой спор возник в связи с предполагаемой просрочкой внесения арендной платы арендатором. Арендодатель требует взыскать неустойку за просрочку оплаты. При этом он должен доказать,

⁶⁸ Бутнев В. В. Влияние форм защиты субъективных гражданских прав на динамику материального правоотношения // Проблемы гражданского права и процесса. 2013. № 3. С. 3–17.

⁶⁹ Гурвич М. А. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия // Труды ВЮЗИ. Т. 3. М., 1965. С. 89.

что договор аренды был заключен и арендатору предоставлено арендуемое имущество – то есть факты, относящиеся к регулятивному правоотношению, а также обстоятельство, с которым связывается нарушение (например, наступление срока внесения арендной платы) – факт, относящийся к возникновению охранительного правоотношения (или «искового состояния» регулятивного правоотношения). При этом прочие права и обязанности, входящие в содержание арендного правоотношения между этими же сторонами (например, право арендодателя посещать арендуемое помещение и корреспондирующая ему обязанность арендатора предоставлять доступ в помещение) спорными не являются, поскольку управомоченный субъект не ссылается на нарушение данного права и не предъявляет в связи с этим каких-либо требований. Несмотря на то, что в предмет доказывания по делу будут входить факты, которые имеют значение для ряда прав и обязанностей, полагаем что спорный характер приобретают те права и обязанности, о нарушении которых утверждает управомоченное лицо.

Подводя итог проведенным в рамках данного параграфа исследованиям, следует сформулировать **понятие спорного правоотношения** для целей дальнейшего исследования динамики таких правоотношений: **спорное правоотношение – это предположительно существующее материальное правоотношение, содержанием которого являются права и обязанности, возникающие в связи с предполагаемым нарушением или оспариванием права. Права не могут быть осуществлены управомоченным лицом самостоятельно, и обращение управомоченного лица в суд делает спорное правоотношение предметом судебной деятельности, направленной на устранение его спорности путем установления юридически значимых обстоятельств.**

§2. Последствия нарушения права для динамики материального правоотношения

В предыдущем параграфе работы нами было определено, что спорное правоотношение характеризуется, в числе прочего, наличием предположения о нарушении или оспаривании прав. В связи с этим необходимо проанализировать, как нарушение или оспаривание влияет на динамику материального правоотношения.

Понятие «динамика правоотношения» весьма распространено в юридической литературе. Зачастую авторы, говоря о «динамике», «влиянии на динамику» и «месте в динамике», не конкретизируют, что именно они понимают под динамикой правоотношения – как если бы данное понятие не требовало разъяснения.

Определяя содержание понятия «динамика правоотношения», В. Ф. Попондопуло предлагал подразделять динамику правоотношений на динамику в широком смысле, связанную с изменением правового регулирования той или иной сферы общественных отношений, и в узком смысле – как их возникновение, изменение, прекращение (динамика правоотношения как формы права, происходящая под воздействием норм права)⁷⁰.

Г. В. Колодуб, уделяя внимание терминологическому аппарату, отмечает, что идея динамики правоотношения осознавалась теоретиками еще в классический период становления и развития цивилистической науки (Д. И. Мейер, И. А. Покровский), что отечественные ученые говорили об обязательственном праве как о системе, сущностно «пронизанной» динамикой развития (Г. Ф. Шершеневич), доказывали наличие динамики имущественных отношений (М. М. Агарков), выявляли динамику обязательств. Сам автор предлагает рассматривать динамику правоотношения как категорию, имеющую многоаспектное значение – проявляющуюся как свойство (обязательства), как

⁷⁰ Попондопуло В. Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Владивосток: Дальневосточный университет, 1985. 112 с.

качество (действия, исполнения) и как совокупность данных характеристик⁷¹. В своем диссертационном исследовании Г. В. Колодуб обосновывает необходимость внедрения в качестве самостоятельной правовой характеристики гражданского права категории «динамика»⁷². Автор на основании анализа судебной практики приходит к выводу, что посредством категории «динамика» судебными органами подчеркивается факт целенаправленного и одновременно устойчивого (положительного или отрицательного) развития явления. Отметим, что указанное диссертационное исследование 2011 года является, фактически, единственной работой, в которой уделяется значительное внимание самому понятию «динамика правоотношения».

О. И. Кузнецова предлагает выделять категории «внешней» и «внутренней» динамики правоотношения, понимая под первой его изменения и прекращение, а под второй – изменения отдельных элементов системы правоотношения, не приводящие к прекращению существующей правовой формы. К разновидностям внутренней динамики автор относит правопреемство⁷³.

Таким образом, понятие «динамики правоотношения», несмотря на широкое использование как в научной литературе, так и в судебной практике, не получило однозначного определения, что позволяет исследователям наделять это понятие тем содержанием, которое соответствует целям их исследования, в рамках семантического значения этого слова – «ход развития, изменения какого-нибудь явления»⁷⁴, «состояние чего-либо, находящегося в движении, развитии, и перспективы его изменения»⁷⁵.

⁷¹ Колодуб Г. В. Динамика гражданско-правового обязательства: категория, содержание, значение // Вестник ПАГС. 2011. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-grazhdansko-pravovogo-obyazatelstva-kategoriya-soderzhanie-znachenie> (дата обращения: 17.08.2024).

⁷² Колодуб Г. В. Исполнение гражданско-правовой обязанности: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 206 с.

⁷³ Кузнецова О. И. Условия правопреемства в общей динамике системы гражданского правоотношения // Юридическая гносеология. 2018. № 1-2. С. 32–37.

⁷⁴ Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994.

⁷⁵ Большой толковый словарь русского языка / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. Санкт-Петербург:

Вместе с тем, в отличие от абстрактного семантического значения динамики как «движения», «развития», понятие динамики правоотношения неразрывно связано с теорией юридических фактов – обстоятельств, с которыми норма права связывает наступление юридически значимых последствий. Так, например, Р. О. Халфина в главе, посвященной динамике правоотношений, рассматривала именно понятие и классификацию юридических фактов; в работе отмечалось, что «необходимость определенного юридического факта для возникновения и развития правоотношения ... подчеркивает неразрывную связь реального поведения и правовой формы, невозможность в реальной жизни отделить одно от другого»⁷⁶.

Понятие «юридический факт», согласно общераспространенному в юридической науке мнению⁷⁷, было введено в научный оборот Ф. К. Савиньи в работе «Система современного римского права» (1840 г.)⁷⁸. Наиболее тщательно теория юридических фактов разработана в науке гражданского права, однако разногласия относительно того, что может быть признано юридическим фактом, а также в чем могут выражаться юридически значимые последствия (т. е. динамика правоотношения), существуют среди ученых и сейчас.

Наиболее распространенным как в теории права в целом, так и в доктрине гражданского права, является подход, согласно которому юридически значимыми последствиями могут быть названы только те изменения, которые связаны с движением правоотношения – то есть его возникновение, изменение и прекращение»⁷⁹.

Однако существует и более широкое воззрение на данное понятие.

Норинт; Москва: Рипол классик, 2008.

⁷⁶ Халфина Р. О. Общее учение о правоотношении / Ин-т государства и права АН СССР. Москва : Юрид. лит., 1974.

⁷⁷ Цуканова Е. Ю. Становление и развитие учения о юридических фактах (XIX – начало XX в.) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. №1 (49). С. 83–88.

⁷⁸ Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права: В 8 т. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. М.: Статут, 2011.

⁷⁹ Марченко М. Н. Теория государства и права: учебник. М., 2004. С. 601–602; Гражданское право: учебник. Том 1 / под ред. Ю. К. Толстого. М., 2009. С. 105.

Е. В. Васьковский называл юридически значимые последствия «перемены в правах» и относил к ним, в частности «охранение права его обладателем». Также он отмечал, что последствия, связанные с движением права, относятся к его внешней стороне; иные же последствия – к стороне внутренней⁸⁰.

С. С. Алексеев указывал на то, что движение гражданского правоотношения не может быть сведено к трем главным этапам его развития («внешним метаморфозам»), гражданскому правоотношению присуще «внутреннее развитие», примером которого является переход в результате правонарушения в состояние притязания и «стадию принудительного осуществления» гражданского правоотношения⁸¹. Для этой стадии «вторичными юридическими фактами» материального права, действие которых базируется на существующих гражданских правоотношениях, являются и судебные акты⁸².

О. А. Красавчиков выделял «последствия, связанные с осуществлением права»⁸³. Кроме того, он указывал, что «категория юридических последствий содержит в себе не только развитие правоотношения в целом, но и развитие его отдельных элементов, в частности, субъективного права. Развитие последнего может происходить и вне связи с движением правоотношения в целом – от правомочия к правопритязанию и в обратном направлении (правопритязание, теряя напряженный характер, превращается в правомочие)»⁸⁴. Для определения того, какие именно юридические факты влекут развитие правомочия в правопритязание, необходимо обращаться к анализу конкретного правоотношения, элементом которого является соответствующее субъективное право⁸⁵.

В. Ф. Попондопуло, в зависимости от того, соответствует ли динамика правоотношения в узком смысле требованиям закрепляющей его нормы права, предлагал выделять нормальную и аномальную стадии динамики, которую

⁸⁰ *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского права. М., 2003. С. 139.

⁸¹ *Алексеев С. С.* Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 1: Гражданское право: Сочинения 1958–1970 годов. М.: Статут, 2010. С. 294.

⁸² Там же, С. 279-280

⁸³ *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 20.

⁸⁴ Там же. С. 77–78.

⁸⁵ Там же.

рассматривал в качестве «развития содержания правоотношения»⁸⁶.

М. А. Рожкова, отмечая несоответствие «узкого подхода» к содержанию понятия юридически значимых последствий потребностям науки и практики, предлагает относить к последствиям наступления юридического факта гражданского права не только движение гражданского правоотношения, но и последствия реализации гражданской правосубъектности, а также последствия защиты нарушенных или оспоренных субъективных гражданских прав. При этом факты, которые воздействуют на движение гражданского правоотношения, она предлагает именовать «правовоздействующими», а иные юридические факты – «правопозитивными»⁸⁷.

Таким образом, единства в отношении того, что следует понимать под проявлениями динамики – юридически значимыми последствиями, нет; однако элементы, связанные с защитой прав, с возникновением и исчезновением правопритязания, включаются в число таковых значительным числом исследователей.

Помимо юридических фактов многие исследователи выделяют иные категории юридически значимых обстоятельств, именуя их «юридические условия», «нормативные условия», «юридические предпосылки». В качестве их отличительной черты называется то, что они сами по себе не влекут юридически значимых последствий, однако «обуславливают их наступление»⁸⁸. М. А. Рожкова включает некоторые обстоятельства в «состав юридического факта», а некоторые относит к «предпосылкам наступления юридических последствий»⁸⁹.

В частности, под «условиями наступления последствий», входящими в состав юридического факта, предлагается понимать совершение сделки

⁸⁶ Попондопуло В. Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Владивосток: Дальневосточный университет, 1985. 112 с.

⁸⁷ Рожкова М. А. Теории юридических фактов ... С. 33.

⁸⁸ Хорунжий С. Н. Решение суда в теории юридических фактов как основание возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей // Государство и право. 2008. № 7. С. 47.

⁸⁹ Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения. М., 2009. С. 12–13, 18.

в письменной форме (в тех случаях, когда такая форма является конституирующей). О. А. Красавчиков к числу элементов юридического факта (а не самостоятельным юридическим фактам) относил вред и вину⁹⁰. Необходимость соблюдения таких условий является нормативной, в случае отсутствия какого-либо условия юридический факт отсутствует и последствия не возникают.

Под предпосылками наступления юридически значимых последствий понимаются обстоятельства, которые предшествуют возникновению юридического факта и признаются правом обязательными для наступления всяких юридических последствий. К таким предпосылкам относят наличие нормы права, связывающей наступление последствий с существованием юридического факта, наличие у сторон правосубъектности, а в ряде случаев – и наличие правоотношения. Общим для таких предпосылок является то, что они создают возможность для наступления юридически значимых последствий, но без юридического факта наступление таких последствий невозможно. Однако и в отсутствие предпосылки последствия не возникнут: отсутствие нормы права лишает обстоятельства значения юридического факта, отсутствие правоспособности предполагает невозможность субъекта влиять на правоотношения, отсутствие правоотношения (в тех случаях, когда оно необходимо) есть отсутствие объекта влияния.

Такие явления необходимо отличать от совокупности юридических фактов, порождающей юридически значимые последствия, или «юридического состава» (также их принято называть «сложные фактические составы»). Иногда все эти категории смешиваются и рассматриваются в качестве родовых и видовых⁹¹, однако вряд ли такой подход можно назвать правильным. В случаях, когда речь идет о юридическом составе, последствия возникают ввиду наступления нескольких юридических фактов.

Юридические составы в теории подразделяются на те, элементы которых

⁹⁰ Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. С. 57.

⁹¹ Исаков В. Б. Юридические факты в советском праве. М., 1984. С. 21–22.

«поглощаются» завершающим фактом и те, которые предусматривают накопление юридических фактов без такого поглощения. В качестве примера «поглощения» в литературе приводится утрата юридического значения фактами направления и получения оферты и акцепта в результате наступления завершающего юридический состав заключения договора юридического факта⁹². Примером «накопления» является, например, возникновение права собственности у приобретателя по договору (п. 1 ст. 223 ГК РФ) – необходимо совершение как обязательственной сделки (например, заключение договора купли-продажи), так и распорядительной сделки (передачи имущества).

Практическое значение данной классификации юридических составов заключается в том, что в случае дефектности «поглощенного» юридического факта завершающий факт, «поглотивший» его, всегда также является дефектным. Это связано с тем, что предшествующие факты имеют своей целью исключительно наступление завершающего факта (оферент, направляя оферту, рассчитывает на то, что воля акцептанта на заключение договора совпадет с его волей). Если же дефектным является один из элементов состава, предусматривающего накопление, то завершающий факт по общему правилу не утрачивает своего значения. Иной вывод возможен в случае, если между завершающим и предшествующим фактами имеется взаимная связь.

Общим для всех указанных явлений является то, что отсутствие какого-либо из них (факта, условия, предпосылки) препятствует наступлению юридически значимых последствий, которые подразумевались нормой права.

В то же время, в ряде случаев при отсутствии одного из юридически значимых обстоятельств могут возникнуть иные правовые последствия. Это касается, в первую очередь, последствий частичного накопления юридического состава – «неполная» по отношению к одному последствию совокупность фактов может являться необходимой и достаточной для наступления другого последствия. Как справедливо указывает М. А. Рожкова, такая ситуация возможна в случае, если

⁹² Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права ... С. 23.

норма права связывает определенные последствия именно с такой совокупностью фактов⁹³. Только в случае отсутствия такой общей предпосылки, как норма права, можно говорить о невозможности возникновения правовых последствий.

Таким образом, под динамикой правоотношения можно понимать наступление юридически значимых последствий в результате воздействия юридических фактов, при наличии условий и предпосылок для их наступления.

При обсуждении динамики правоотношения в литературе, как правило, речь идет о динамике регулятивных, и чаще всего – относительных (а именно – обязательственных) правоотношений.

Анализируя динамику (движение) обязательственного правоотношения М. А. Рожкова обращает внимание на то, что изменение правоотношения происходит в случае изменения одного (или нескольких) его элементов, при этом наиболее подвержено изменению содержание обязательственного правоотношения (права и обязанности сторон, которые в терминологии автора образуют «обязательственные связки», и их частичное – а не полное – «погашение» тоже представляет собой изменение обязательства). Изменения субъектов не прекращают обязательство (за исключением случая совпадения должника и кредитора в одном лице), изменение лишь характеристик объекта обязательства не прекращает обязательственное правоотношение, а только изменяет его содержание, а изменение предмета обязательства влечет прекращение одного обязательства и возникновение нового⁹⁴.

Более редкими являются работы о динамике абсолютных в целом (и вещных – в частности) правоотношений: вместе с тем, было бы неправильно считать их лишенными динамики, так как такие правоотношения также, как и любые иные, претерпевают определенное развитие. Наличие стадий возникновения и прекращения вещного правоотношения не вызывает споров, тогда как относительно возможности его изменения тождества мнений нет; например,

⁹³ Рожкова М. А. Юридические факты гражданского и процессуального права ... С. 24.

⁹⁴ Рожкова М. А. Судебный акт и динамика обязательства. Москва: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2003. 140 с.

Э. А. Гряда указывает, что юридические факты – основания динамики вещного правоотношения, могут являться причинами только возникновения, ограничения либо прекращения вещного права, при этом ограничение вещного права не влечет за собой изменение его содержания, а в случае изменения содержания субъективного права, характеризующегося наличием определенных правомочий его обладателя, оно возникает либо прекращается⁹⁵. Согласно иной позиции, содержание гражданского правоотношения по ограниченному пользованию чужой вещью меняется в результате подписания дополнительного соглашения об изменившихся условиях сервитута к соглашению об его установлении⁹⁶.

Мнения ученых о том, какие именно юридически значимые последствия наступают в связи с нарушением права, различаются.

М. А. Гурвич отмечает, что впервые мысль о том, что нарушение права влечёт его изменение, которое выражается в приобретении им «боевого, принудительного характера «истинного обязательства», была высказана Ф. К. фон Савиньи в работе «Система современного римского права», и основывалась на древнегерманских представлениях о различной юридической сущности долга и ответственности и соответствующих им правомочий. Более того, «условием метаморфозы права», согласно позиции Савиньи, является не только само нарушение права, но и реализация управомоченным субъектом права на защиту. Сам М. А. Гурвич, не соглашаясь с подобной позицией, указывает, что притязание является стадией развития права, способность права приходить в состояние «материального права на иск» присуща всякому гражданскому субъективному праву; гражданский процесс же представляет собой «форму судебного осуществления гражданских прав»⁹⁷.

⁹⁵ Гряда Э. А. Основные признаки юридического факта как основания динамики вещного правоотношения // Власть Закона. 2013. № 3(15). С. 65–71.

⁹⁶ Лунева Е. В. Статика и динамика вещных правоотношений: новый взгляд на проблему // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3, № 1(6). С. 190–194.

⁹⁷ Гурвич М. А. Право на иск / д-р юрид. наук М. А. Гурвич ; Акад. наук СССР. Ин-т права. Москва; Ленинград : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. С. 139–146.

Как указывалось в первом параграфе настоящей работы, ряд ученых связывают с нарушением права возникновение охранительных правоотношений. Теория охранительных правоотношений в цивилистическом аспекте получила подробное описание и развитие в работах основоположников данной теории и их последователей – в частности, П.Ф. Елисейкина, Е.А. Крашенинникова, Е.Я. Мотовиловкера, В.В. Бутнева.

Под регулятивными правоотношениями традиционно понимаются отношения, возникающие из правомерных действий или событий в целях обеспечения нормальной организации общественной жизни, а под охранительными правоотношениями – правоотношения, возникающие из предусмотренных законом конфликтных ситуаций, препятствующих осуществлению регулятивных правоотношений⁹⁸. Авторы, отстаивающие точку зрения, согласно которой охранительные правоотношения являются самостоятельными, обращают внимание на то, что юридическим фактом, влекущим возникновение такого правоотношения, является именно правонарушение, а в ряде случаев также угроза нарушения права или оспаривание права⁹⁹. Значительно менее распространенная точка зрения, не встречающаяся в современной литературе, состоит в том, что охранительное правоотношение возникает с момента обращения в суд, при этом последний является его участником¹⁰⁰.

Е. Я. Мотовиловкер¹⁰¹, Г. Л. Осокина¹⁰² высказывали точку зрения, согласно

⁹⁸ Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. С. 54.

⁹⁹ Мильков А. В. К вопросу о характеристике охранительных гражданских правоотношений // Российское правосудие. 2016. № 8(124). С. 26–36.

¹⁰⁰ Иванов О. В. Право на судебную защиту // Советское государство и право. 1970. № 7. С. 44; Курьлев С. В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск // Труды Иркутского университета. Т. 27. Вып. 4. Иркутск, 1958. С. 204–207.

¹⁰¹ Мотовиловкер Е. Я. Основное разделение охранительных правоотношений // Вопросы теории охранительных правоотношений. Ярославль, 1991. С. 25: «с момента возникновения охранительного материального правоотношения основное отношение либо уничтожается, либо “парализуется, замораживается” до тех пор, пока не осуществится охранительное правоотношение».

¹⁰² Осокина Г. Л. К вопросу о соотношении субъективного гражданского права и правомочия на его защиту (на примере субъективного права собственности) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 127–130: «В случае нарушения права

которой при возникновении охранительного правоотношения регулятивное правоотношение «замораживается»: именно такой или подобный ему («парализуется», «замирает») глагол используют исследователи за неимением специального юридического термина, который мог бы описать происходящее с правоотношением. При этом Г. Л. Осокина отмечала, что в полном объеме охранительно-исковое правоотношение начинает функционировать лишь с момента нарушения или оспаривания прав и законных интересов субъектов регулятивного и охранительно-материального правоотношений, обращение в суд как реализация права на предъявление иска само по себе таких последствий не порождает¹⁰³. Вместе с тем, авторами не описываются пределы и последствия такой «заморозки» регулятивного материального правоотношения: можно лишь предположить, что это означает невозможность его осуществления и перекликается с описанным во 2 параграфе настоящей главы подходом римского права о невозможности распоряжения требованием, которое стало предметом спора.

Некоторые исследователи полагают, что регулятивное правоотношение может прекратиться в результате его нарушения и возникновения охранительного правоотношения; однако если в результате нарушения права оно не прекращается, а сохраняется, то охранительное правоотношение существует «параллельно» с регулятивным¹⁰⁴. Иные же полагают, что возникновение охранительного правоотношения не означает автоматического прекращения регулятивного правоотношения¹⁰⁵.

Указанные авторы не выделяют критерии, которые позволяли бы разграничивать случаи, когда регулятивное правоотношение прекращается,

собственности, не связанного с лишением владения, регулятивное правоотношение собственности и субъективное право собственности как бы замирают в своем развитии».

¹⁰³ *Осокина Г. Л.* Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск) / под ред. В. Н. Щеглова; Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. С. 44.

¹⁰⁴ *Кархалев Д. Н.* Охранительное гражданское правоотношение: монография. Москва: Статут, 2009. (Statut Publishers).

¹⁰⁵ *Шевченко А. С.* Охранительные правоотношения в механизме защиты субъективных гражданских прав // Механизм защиты субъективных гражданских прав: сборник научных трудов. Ярославль, 1990. С. 35.

а когда – не прекращается, а также не указывают, какие практически последствия, связанные с возможностью осуществления правоотношений, влечет возникновение охранительного правоотношения.

В. Ф. Попондопуло, проанализировав позиции М. М. Агаркова, С. Н. Братуся, Б. С. Антимонова и ряда других исследователей, приходит к выводу, что при переходе на аномальную стадию (то есть, в понимании В. Ф. Попондопуло, после нарушения права) регулятивное обязательственное отношение не прекращается, а изменяется, преобразуясь в охранительное обязательственное отношение¹⁰⁶. В качестве довода в пользу того, что обязательство не прекращается, переходя на «аномальную стадию динамики», автор ссылается на сохранение акцессорных правоотношений¹⁰⁷.

Полемизируя по данному вопросу в рецензии на работу В. Ф. Попондопуло, исследователи оспаривали тезис о том, что охранительное правоотношение является «стадией развития» регулятивного правоотношения, и обращали внимание на то, что охранительное правоотношение может иметь иной субъектный состав, иное содержание и свойства (в пример приводится деликтное правоотношение), иную отраслевую принадлежность, а основанием их возникновения могут выступать не только нарушения субъективных гражданских прав, но и иные юридические факты, в т. ч. правомерные действия¹⁰⁸. Представляется, что авторы рецензии высказывают мнение о более широком круге правовых явлений, чем затронут в работе В. Ф. Попондопуло: в частности, ее предметом очевидно не являлись охранительные правоотношения иной (не гражданско-правовой) природы.

¹⁰⁶ Попондопуло В. Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Владивосток: Дальневосточный университет, 1985. 112 с.

¹⁰⁷ Возникновением охранительного обязательства объясняет невозможность прекращения акцессорного обязательства в случае прекращения основного (на примере с сохранением права залога при ликвидации основного должника) и М. А. Егорова (*Егорова М. А.* Состояние акцессорных обязательств при динамике основного правоотношения // Юрист. 2013. № 11).

¹⁰⁸ Бутнев В. В., Крашенинников Е. А., Варул П. А. Попондопуло В. Ф. Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1985. 112 с. :[Рецензия] // Правоведение. 1987. № 3. С. 99–102.

Анализируя последствия нарушения для материального правоотношения, некоторые авторы обращали внимание на связь данного обстоятельства с значением судебного решения, которым будет разрешен спор о праве. Так, В. Ф. Попондопуло в вышеупомянутой работе приходит к выводу, что суд ни при каких обстоятельствах не создаёт своим решением ни новых прав, ни новых обязанностей. Он указывает, что даже в случаях, когда выносится судебное решение, например, о расторжении брака, судебное решение имеет только констатирующее, а не преобразующее значение – то есть только подтверждает, что спорное правоотношение может быть прекращено. В то же время О. А. Красавчиков указывал, что исследователи, отрицающие значение судебного решения для материального правоотношения, придают значение лишь «допроцессуальному» движению правоотношения и не учитывают, что «на этом движении не прекращается, но вступает с момента предъявления иска в следующий специфический этап развития спорной гражданско-правовой связи»; те же исследователи, которые, напротив, однозначно признают за судебным решением значение юридического факта материального права, отвергают «допроцессуальное» развитие правоотношения¹⁰⁹.

М. А. Григорьева, критикуя позицию, согласно которой охранительное правоотношение является стадией динамики регулятивного правоотношения, также не соглашается с тем, что основанием возникновения охранительных гражданских правоотношений могут выступать только правонарушения, поскольку таковыми могут являться и иные юридические факты, в том числе правомерные действия¹¹⁰.

Д. Н. Кархалев отдельно отмечает, что динамике охранительного правоотношения, в отличие от динамики регулятивного правоотношения,

¹⁰⁹ Там же, с. 129–131.

¹¹⁰ Григорьева М. А. О трактовке охранительного правоотношения как стадии динамики регулятивного правоотношения // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 4-й ежегодной международной научно-практической конференции, Иркутск, 20 марта 2015 года / под редакцией Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2015. С. 32–36.

практически не уделялось внимания в научной литературе. Он предлагает выделять три стадии развития (динамики) охранительной правовой связи¹¹¹:

1) стадию возникновения правоотношения, на которой происходит нарушение субъективного гражданского права;

2) стадию развития правовой связи, в ходе которой устанавливается, а иногда и изменяется, субъектный состав, объект правоотношения и предпосылки для реализации правоотношения. Особо отмечается, что в случае обращения в суд данная стадия «совпадает» с процессуальным отношением (с момента предъявления иска и до вступления решения суда в законную силу). Меры принуждения автор предлагает рассматривать в качестве меры принуждения одного из элементов динамики охранительного правоотношения;

3) стадию реализации (прекращения) охранительного правоотношения, которое совпадает с исполнительным производством при «процессуальном» развитии охранительного правоотношения, на которой правонарушителем осуществляются фактические действия по восстановлению нарушенного права (возмещаются убытки, возвращается неосновательное обогащение) либо происходит прекращение правоотношения по другим основаниям, указанным в законе. При этом автор полагает, что все названные в ст. 407 ГК РФ обстоятельства могут быть основаниями для прекращения охранительных правоотношений¹¹².

Еще один подход к соотношению регулятивного и охранительного правоотношений заключается в том, что в зависимости от существования нарушения и содержания как регулятивного, так и охранительного правоотношения возможно как возникновение охранительного правомочия у стороны регулятивного правоотношения и, как следствие, соответствующий этап динамики этого правоотношения, так и возникновение самостоятельного охранительного

¹¹¹ Кархалев Д. Стадии охранительного гражданского правоотношения // Закон и право. 2008. № 6. С. 18–19.

¹¹² Кархалев Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение: монография. Москва : Статут, 2009. (Statut Publishers).

обязательства¹¹³. Такой концепции в различных ее проявлениях придерживались и сторонники теории охранительного правоотношения (напр., П. Ф. Елисейкин), и ее противники (напр., С. Н. Братусь, М. А. Гурвич): если нарушение права не порождает никаких дополнительных материально-правовых требований (например, права на возмещение убытков, требование неустойки), авторы сходились во мнении, что само регулятивное право в этом случае приходит в «боевое состояние»¹¹⁴.

Е. Я. Мотовиловкер, возражая на этот тезис, указывал, что особенность содержания охранительного правоотношения по сравнению с регулятивным связана не только с появлением новых, ранее не существовавших прав требования (убытки, неустойка и пр.), но и с возникновением у субъективного права, входившего в содержание регулятивного права, новой возможности – способности к принудительному осуществлению¹¹⁵. Такой же позиции придерживался Е. А. Крашенинников¹¹⁶. Иные сторонники и последователи этой позиции именовали данное отличительное свойство охранительного правоотношения особенностью его «структуры», при которой реализация права или законного интереса управомоченного лица не зависит от воли обязанного лица¹¹⁷. Таким образом, *право на иск в материальном смысле* сторонники концепции охранительного правоотношения включают именно в содержание охранительного правоотношения.

По вопросу о субъектном составе охранительных правоотношений в связи с разнообразием воззрений на охранительные правоотношения также отсутствует единство: например, В. Н. Протасов высказывал точку зрения, согласно которой государство как субъект принуждения (в лице суда) является обязательным

¹¹³ Груздев В. В. Способы защиты гражданских прав : учебное пособие для вузов. 2-е изд. Москва: Издательство «Юрайт», 2023. С. 72–73.

¹¹⁴ Мотовиловкер Е. Я. Теория регулятивного и охранительного права. Воронеж, 1990. С. 76.

¹¹⁵ Там же. С. 77.

¹¹⁶ Крашенинников Е. А. Регулятивные и охранительные субъективные гражданские права // Очерки по торговому праву: сб. науч. тр. / под ред. Е. А. Крашенинникова. Ярославль, 2007. Вып. 14. С. 5–16.

¹¹⁷ Григорьева М. А. Проблема классификации гражданских правоотношений на регулятивные и охранительные // Вестник КрасГАУ. 2010. № 7. С. 169–179.

участником охранительных правоотношений¹¹⁸. Однако при более подробном анализе позиции данного автора мы видим, что под охранительными правоотношениями он понимает процессуальные отношения и критикует позицию П. Ф. Елисейкина и ряда других исследователей о том, что охранительное правоотношение возникает между обладателем нарушенного права и нарушителем¹¹⁹.

Полагаем, что под термином «охранительные правоотношения» исследователи зачастую объединяли явления различного порядка, что и привело к возникновению споров о том, всегда ли при нарушении такие правоотношения возникают, являются ли самостоятельными или представляют собой стадию развития регулятивного правоотношения, какой субъектный состав имеют. Следует различать исключительно материально-правовые последствия нарушения права, к которым может относиться, например, прекращение существующего правоотношения и возникновение нового, возникновение новых правоотношений в дополнение к существующим, сохранение существующего правоотношения, и последствия, выражающиеся в возникновении возможности осуществления входящих в содержание правоотношения правомочий помимо воли контрагента (с использованием или без использования юрисдикционных органов, в зависимости от правомочия).

Исходя из этого полагаем возможным выделить нескольких групп правоотношений исходя из того, как именно нарушение повлияло на регулятивное правоотношение, исходя из следующих критериев:

- существовало ли регулятивное правоотношение на момент нарушения/оспаривания;
- прекратилось ли оно в связи с нарушением;
- возникло ли новое правоотношение в результате нарушения и на что оно

¹¹⁸ Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М.: Юрид. лит., 1991. С. 75.

¹¹⁹ Елисейкин П. Ф. О понятии и месте охранительных отношений в механизме правового регулирования // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Вып. 1. Ярославль, 1975. С. 7.

направлено: на применение мер ответственности, на применение компенсационных механизмов, на возникновение, изменение или прекращение регулятивного правоотношения.

Группа 1. Регулятивные правоотношения существуют до нарушения и сохраняются после нарушения, новое правоотношение для восстановления нарушенного права не возникает – управомоченное лицо вправе требовать исполнения обязанностей, предусмотренных регулятивным правоотношением.

1.1. Регулятивное относительное правоотношение сохраняется, требование к должнику может быть принудительно осуществлено путем обращения за юрисдикционной защитой.

В качестве примера можно привести нарушение обязательства по оплате, вытекающего из договора. В этом случае новое правоотношение (имеющее содержание право требовать оплаты и обязанность по оплате) не возникает.

1.2. Между сторонами существует регулятивное правоотношение, в рамках которого у одной из сторон есть право или законный интерес, принудительная реализация которых направлена на создание нового регулятивного правоотношения.

Примером может послужить требование о понуждении к заключению договора, о разрешении преддоговорных споров, об установлении сервитута.

Именно подобные случаи имели в виду авторы, когда указывали, что регулятивное правоотношение «превращается» в охранительное или «приобретает боевой характер».

Группа 2. Регулятивное правоотношение существовало на момент нарушения и прекратилось в связи с нарушением (или же по причине наличия нарушений регулятивного правоотношения не было), для восстановления прав возникло правоотношение с иным содержанием, требования которого подлежат принудительной реализации.

2.1. Регулятивное абсолютное правоотношение прекратилось, в связи с нарушением возникло новое относительное правоотношение, имеющее компенсационную природу.

К таким случаям будет относиться, в частности, прекращение вещного права в связи с уничтожением вещи и возникновение в связи с этим права требовать возмещения убытков, а также возникновение у родственников погибшего (абсолютное личное неимущественное право прекратилось) права требовать возмещения вреда.

2.2. Регулятивное относительное правоотношение прекратилось, возникло относительное правоотношение с иным содержанием.

Такая ситуация будет иметь в случае одностороннего отказа одной из сторон от договора по причине допущенных другой стороной нарушений (например, неисполнения в срок) и возникновении в связи с этим требования о возмещении убытков, о возврате полученного как неосновательного обогащения.

К этой же группе можно отнести ситуации, в которых регулятивное правоотношение ввиду наличия нарушений не возникло вовсе, и восстановление прав осуществляется в рамках охранительного правоотношения (напр., применение последствия недействительности ничтожной сделки).

Группа 3. Регулятивное правоотношение существовало на момент нарушения, не прекратилось в связи с нарушением, охранительное правоотношение имеет иное содержание по сравнению с регулятивным.

3.1. Возникающие в связи с нарушением правоотношения направлены на применение мер ответственности к нарушителю, а не на восстановление возможности осуществления регулятивного права. Такое правоотношение может дополнять правоотношения из группы 1, а может осуществляться самостоятельно (например, требование о взыскании компенсации морального вреда в качестве санкции за нарушение права на неприкосновенность частой жизни).

3.2. Охранительные правоотношения направлены на восстановление возможности нормального осуществления регулятивного правоотношения – как абсолютного, так и относительного.

Примером будет являться и виндикационное правоотношение, и правоотношение, связанное с заменой некачественного товара на аналогичный или осуществление ремонта такого товара.

3.3. Управомоченное лицо имеет целью прекращение или изменение нарушенного регулятивного правоотношения.

Это преобразовательные требования – расторжение или изменение договора в судебном порядке, требования о принудительном выкупе доли в праве на имущество (п. 4 ст. 252 ГК РФ), а также требования о признании оспоримых сделок недействительными.

Отметим, что есть преобразовательные требования, которые возникают не в связи с нарушением каких-либо прав или интересов стороной регулятивного правоотношения, а в связи с наличием интереса на прекращение правоотношения, который не может быть удовлетворен иначе, чем в судебном порядке: например, речь идет о расторжении брака при наличии у супругов несовершеннолетних детей. В этом случае обращение в суд не служит цели преодоления воли второй стороны, и в связи с отсутствием спора о праве такие дела не должны относиться к делам искового производства. К аналогичному выводу приходила, в частности, и О. В. Исаенкова, анализируя природу искового производства¹²⁰.

Группа 4. Требование управомоченного субъекта направлено на устранение неопределенности и признание регулятивного правоотношения существующим или, напротив, отсутствующим.

4.1. Регулятивное правоотношение существует, но его наличие отрицается субъектом (требование возникает в связи с оспариванием права).

Речь будет идти о положительном требовании о признании – например, иск о признании права собственности, признании права пользования жилым помещением.

4.2. Регулятивного правоотношения нет, но субъект это отрицает и считает право существующим (требование возникает в связи с необходимостью защиты нарушенного интереса).

В таком случае предъявляется отрицательное требование о признании: о признании недействительной ничтожной сделки, о признании права

¹²⁰ Исаенкова О. В. Место искового производства в системе видов гражданского судопроизводства // Юридический аналитический журнал. 2005. № 3-4(15-16). С. 65.

отсутствующим.

4.3. Регулятивное правоотношение прекратилось, но с этим не согласна одна из его сторон, требование направлено на восстановление положения, существовавшего до нарушения права («восстановление» регулятивного правоотношения).

К этой группе можно отнести требования о признании недействительными оспоримых сделок, повлекших прекращение правоотношения (допустим, признание недействительным зачета встречных требований), а также некоторые требования иной отраслевой принадлежности – например, требование о восстановлении на работе.

В указанной группе предметом защиты выступает законный интерес стороны в правовой определенности, который нарушается поведением иного лица, действующего не в соответствии с правовыми ожиданиями стороны.

Имеющиеся в литературе классификации форм охранительных правоотношений на штрафные, восстановительные, превентивные и обеспечительные лишь отчасти может быть сопоставлена с вышеприведенной классификацией (тем более, превентивные и обеспечительные формы указанные автор рассматривает как внеюрисдикционные, что не охватывается предметом данной работы)¹²¹.

Предложенная нами классификация не тождественна разделению требований на исполнительные, установительные и преобразовательные и не является классификацией охранительных правоотношений, она имеет совсем иную цель – с точки зрения динамики правоотношения проследить значение такого юридического факта, как нарушение/оспаривание права, для разных правоотношений. В зависимости от того, сохранилось или прекратилось регулятивное правоотношение в результате нарушения, и какое именно охранительное правоотношение или притязание возникло, будет отличаться и дальнейшая динамика этих правоотношений, в том числе способы их прекращения,

¹²¹ Кархалев Д. Н. Гражданско-правовые формы охранительных отношений // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 1. С. 55–63.

соответственно. В связи с этим в дальнейшем в работе при анализе динамики спорных правоотношений мы будем обращаться к данной классификации.

Полагаем, что новые материальные правоотношения, возникающие в связи с нарушением регулятивного права, можно называть «охранительными» для сохранения сложившейся в доктрине терминологии и отграничения от «нарушенных» регулятивных правоотношений. Однако такое «охранительное правоотношение» не нужно отождествлять с «охранительным притязанием», которое возникает в результате нарушения или оспаривания прав и представляют собой право требовать от обязанного лица принудительного осуществления спорной обязанности, подлежащее реализации путем обращения в юрисдикционные органы¹²². Притязания входят в содержание либо регулятивного правоотношения, перешедшего в «охранительное состояние» (в группе 1), либо входят в содержание возникающих вследствие нарушения новых «охранительных правоотношений» (в группе 2 и 3), либо обеспечивает защиту законного интереса (в группе 4). В связи с этим в качестве общего обозначения и охранительных правоотношений, которые возникают в ряде описанных ситуаций в результате нарушений, и охранительных притязаний, может быть использован термин «охранительная правовая связь».

§3. Значение предъявления требования для динамики спорного правоотношения.

В первом параграфе настоящей работы был сделан вывод, что по общему правилу предъявление управомоченным лицом требования происходит уже после возникновения спора о праве. Вместе с тем, значение предъявления требования для спорного правоотношения может отличаться в зависимости от того, каково

¹²² Груздев В.В. Указ. соч. С. 24-25

содержание этого требования и соотношение с регулятивным правоотношением, а также от того, кто является его адресатом

Под предъявлением требования в рамках данного параграфа будут пониматься действия управомоченного лица, в результате которых обязанное лицо ставится в известность о необходимости исполнения обязанности.

В первую очередь проанализируем ситуацию, при которой в результате нарушения права управомоченное лицо может выбрать один из нескольких возможных способов защиты нарушенного права. Возникает ли спор о праве и охранительная правовая связь с момента нарушения права или только после выбора конкретного способа защиты?

Например, согласно статье 503 ГК РФ, покупатель, приобретший некачественный товар, имеет право по своему выбору потребовать или устранения недостатков, или уменьшения покупной цены, или возмещения расходов на устранение недостатков товара, замены товара, а в ряде случаев отказаться от договора и потребовать возврата уплаченных за товар денег. Исходя из приведенной в предыдущем параграфе классификации спорных правоотношений, перечисленные охранительные правомочия относятся к разным группам: так, право на отказ от договора, сопряженное с требованием возврата денег, относится ко 2 группе (подгруппа 2.2.) – регулятивное правоотношение прекратилось, возникло охранительное правоотношение с новым содержанием; право возмещения расходов на устранение недостатков товара (убытков), а также право требовать замены или некачественного товара, а относятся к 3 группе (подгруппы 3.1. и 3.2. соответственно), в которых регулятивное правоотношение сохраняется.

Право выбора одного из требований фактически представляет собой секундарное право (правомочие) – при его наличии, как отмечает В.В. Груздев, возникает ситуация «связанности», при которой «связанное лицо, поскольку соответствующие обстоятельства уже наступили (что называется, "лед тронулся"), не в состоянии разорвать свою связанность; другое же лицо, напротив, имеет фактическую возможность воспользоваться данной ситуацией, завершив своим односторонним волеизъявлением накопление составного юридического факта

(состава юридических фактов) и установив тем самым правоотношение»¹²³. Из данного описания можно сделать вывод, что обязательство возникает в результате реализации секундарного права, до этого правовая связь находится в состоянии накопления юридического состава. К «конкретизирующим секундарным правам» относит право выбора способа восстановления права В.А. Белов – отмечая при этом, что такое право может принадлежать только кредитору и может существовать только в рамках «обязательств правоохранительного свойства»¹²⁴; на основании этих рассуждений можно прийти к выводу о том, что охранительное обязательство уже существует, а реализация секундарного права приводит к его «конкретизации». К конкретизирующим секундарным правам В.А. Белов относит и право выбора предмета предоставления в альтернативных обязательствах.

Что же происходит с правоотношением в ситуации, когда нарушение уже произошло, но управомоченное лицо не выбрало способ восстановления своего права? Полагаем, что нужно ориентироваться на то, возникло ли в результате нарушения охранительное притязание, тождественное по своему содержанию праву, входящему в содержание регулятивного правоотношения (группа № 1 по приведенной в предыдущем параграфе классификации). При нарушении требований к качеству товара такого притязания не возникает – все возможные согласно ст. 503 ГК РФ способы восстановления прав имеют иное содержание, которое не охватывается регулятивным правоотношением. Соответственно, в этой ситуации до момента выбора конкретного способа нельзя говорить о существовании охранительного правоотношения с определенным содержанием, оно возникнет в результате выбора способа восстановления права.

Данное предположение косвенно подтверждается и тем, что ответственность за неисполнение требований покупателя наступит только в случае, если его требование (в котором он выбирает определенный способ защиты) не будет

¹²³ Груздев В.В. Полномочие в гражданском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 91 - 96.

¹²⁴ Белов, В. А. Гражданское право в 2 т. Том 2. Особенная часть : учебник для вузов / В. А. Белов. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. С. 390

удовлетворено в установленный срок (см., напр., ст. 23 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹²⁵).

А вот при неисполнении обязанности передать товар такое притязание возникает (покупатель вправе требовать передачи товара – реализации права, предусмотренного регулятивным правоотношением, либо может отказаться от договора (п. 1 ст. 463 ГК РФ). Соответственно, в этом случае охранительная правовая связь возникает в результате нарушения, однако управомоченное лицо может выбрать иной способ защиты своего нарушенного права, отказавшись от договора и потребовав возвратить уплаченные средства (в таком случае регулятивное правоотношение прекратится и возникнет охранительное правоотношение – такое спорное правоотношение будет относиться к группе 2).

В соответствии со ст. 483 ГК РФ, покупатель обязан известить продавца о том, что товар не соответствует условиям договора купли-продажи (если продавец не должен был знать о таком несоответствии) – однако такое извещение не тождественно предъявлению требования. Соблюдение досудебного порядка предъявления требования по данной категории дел не является обязательным (применительно к законодательству о защите прав потребителей такие разъяснения неоднократно давались Верховным Судом РФ, в т. ч. в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 18¹²⁶).

Может ли продавец в ситуации, когда покупатель не делает выбор способа восстановления прав, сделать его самостоятельно? Законодательство содержит пример решения проблемы неосуществления секундарного права в ст. 320 ГК РФ – если сторона не реализует свое право выбора в альтернативном обязательстве, такой выбор может быть сделан другой стороной. С учетом отмеченной выше исследователями схожей природы таких прав, целесообразно урегулировать описанную ситуацию схожим образом (а до ее урегулирования – применять

¹²⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

¹²⁶ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. 2021. № 144.

соответствующие положения по аналогии). Тем более, практика содержит примеры реализации продавцом (или производителем) товара права выбора способа устранения нарушения требований к качеству товара - речь идёт о так называемых «отзывных кампаниях».

На основании выявленного принципа необходимо решить вопрос о моменте возникновения охранительного правоотношения и в случае расторжения договора в судебном порядке.

Согласно пп. 1 п. 2 ст. 450 ГК РФ, по требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению суда при существенном нарушении договора другой стороной. Соответственно, если сторона допустила существенное нарушение, это дает другой стороне право воспользоваться данным способом защиты. При этом процесс расторжения не «запускается» автоматически, управомоченное лицо может пожелать сохранить правоотношения и воспользоваться иными способами защиты своих прав – потребовать исполнения, взыскать убытки и пр.

По общему правилу, установленному в п. 2 ст. 452 ГК РФ, требование об изменении или о расторжении договора может быть заявлено стороной в суд только после получения отказа другой стороны на предложение изменить или расторгнуть договор или в случае игнорирования такого предложения.

Требование, согласно п. 1 ст. 165.1 ГК РФ, создаст правовые последствия только когда адресат его получит (или должен будет получить).

Соответственно, поскольку охранительное правоотношение представляет собой не только право на прекращение договора, но и корреспондирующую ему обязанность другого лица – заключить соглашение о расторжении договора – в данном случае охранительное правоотношение, содержанием которого является расторжение договора, возникает не в момент нарушения договора, а в результате получения предложения о расторжении договора и при условии отказа (или уклонения) контрагента от заключения такого соглашения. До этого момента существует охранительное притязание, направленное на устранение существенного нарушения договора; иногда такое притязание сохраняется в

качестве самостоятельного и после возникновения охранительного правоотношения о расторжении договора (например, если речь идет о притязании, связанном с оплатой задолженности по договору).

Если устранение нарушения, повлекшее направление предложения о расторжении договора, произойдет до того, как такое предложение будет получено адресатом, будет ли это препятствием для возникновения соответствующего охранительного правоотношения и последующего расторжения договора? Во введении к настоящей работе при обосновании актуальности упоминалось, что в настоящее время практика Верховного Суда РФ исходит из того, что при устранении [арендатором] нарушения [арендодатель] вправе в разумный срок предъявить иск о расторжении договора.

Полагаем, что этот вывод нельзя считать универсальным и распространять на все договорные конструкции – так как применительно к расторжению договора аренды в ст. 619 ГК РФ установлен иной, «усложненный» порядок расторжения, согласно которому арендодатель вправе требовать досрочного расторжения договора только после направления арендатору письменного предупреждения о необходимости исполнения им обязательства в разумный срок.

Следовательно, применительно к ситуации с нарушением договора аренды охранительное правоотношение, имеющее целью прекращение договора аренды, возникает не в момент получения предложения расторгнуть договор (как в иных ситуациях применения п. 2 ст. 452 ГК РФ), а по истечении срока, установленного в предупреждении о необходимости исполнения обязательства. Хотя в пункте 29 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. № 84 разъясняется, что соблюдение установленного ст. 619 ГК РФ порядка направления предупреждения не освобождает арендодателя от необходимости последующего направления уведомления о расторжении договора в соответствии с п. 2 ст. 452 ГК РФ, направление такого уведомления в этом случае выполняет функцию соблюдения досудебного порядка, а не является необходимым для возникновения охранительного правоотношения фактом – так как такое правоотношение уже возникло.

Аналогичным образом должен решаться вопрос о моменте возникновения охранительного правоотношения для обеспечительных обязательств, по которым обязанным лицом выступает отличный от должника субъект (поручитель, залогодатель).

В п. 21 Постановления Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя»¹²⁷ указывается, что предъявление в суд требования к залогодателю (не совпадающему с основным должником) об обращении взыскания на предмет залога (или установлении залогового требования в рамках банкротства) препятствует прекращению права залога (даже в случае последующего исключения сведений об основном должнике из ЕГРЮЛ). Эта позиция поддерживается судебной практикой и спустя 15 лет с момента ее формулирования¹²⁸. Данный вывод был распространен на поручительство сначала судебной практикой¹²⁹, затем нашел отражение в пункте 21 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством»¹³⁰ в отношении предыдущей редакции названной статьи, а в настоящее время прямо закреплён в п. 1 ст. 367 ГК РФ (в редакции Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ). В п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве»¹³¹ поясняется, что не только с момента предъявления

¹²⁷ Постановление Пленума ВАС РФ от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 9.

¹²⁸ См., напр., *Определение* Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 13 декабря 2023 г. по делу А40-253510/2022 (305-ЭС23-19567).

¹²⁹ См., напр., *Постановление* ФАС Северо-Западного округа от 20 апреля 2011 г. по делу № А13-1373/2010, от 18 января 2012 г. по делу № А21-2012/2008, *Постановление* ФАС Уральского округа от 24 мая 2011 г. № Ф09-2679/11-С3 по делу № А76-14054/2010-15-402.

¹³⁰ *Постановление* Пленума ВАС Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // Экономика и жизнь. 2012. № 34.

¹³¹ *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых

иска к поручителю, но и с момента направления претензии (если претензионный порядок урегулирования спора предусмотрен законом или договором) поручительство не может быть прекращено в связи с ликвидацией должника – юридического лица или исключения его из единого государственного реестра юридических лиц как недействующего. Таким образом, мы можем говорить о признании законодателем и практикой правильности предложенного еще в 2009 году на уровне Постановления Пленума ВАС РФ подхода, расширении сферы его применения и закреплении в законодательстве.

Анализируя такой подход, Р. С. Бевзенко указывал, что он «полностью противоречит классическому пониманию принципа акцессорности», но при этом является справедливым, способствует защите прав кредитора, а потому допустим с точки зрения «правовой политики»¹³². При этом, предпринимая попытку доктринального обоснования этой позиции, автор указывает, что залогодатель или поручитель принимает на себя все риски, связанные с тем, что обязательство должника не будет им исполнено, в том числе вследствие банкротства должника и его последующего исключения из реестра юридических лиц; а до того, как кредитор обратится к залогодателю или поручителю с требованием выдать заложенную вещь или исполнить договор поручительства, последние не должны рассматриваться как находящиеся в просрочке. Но эти доводы не объясняют, почему именно момент предъявления иска (или обязательной для предъявления претензии) влечет «ослабление акцессорности» поручительства и залога.

Охранительное правоотношение с участием поручителя или залогодателя, не тождественного с должником, возникает не в момент, когда должник по обеспеченному обязательству допустил нарушение, а в момент, когда поручителем или залогодателем получено (но не исполнено) требование кредитора в рамках

вопросах разрешения споров о поручительстве» // Российская газета. 2021. № 6.

¹³² Бевзенко Р. С. Новеллы судебной практики в сфере поручительства. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 11. С. 46–59; № 12. С. 86–100; 2013. № 1. С. 74–85, № 2. С. 60–73, № 3. С. 72–86, № 4. С. 95–118, № 5. С. 126–140, № 6. С. 130–151.

обеспечительного обязательства. Полагаем, что предъявление требований к поручителю (залогодателю) не просто порождает охранительное правоотношение с его участием, а делает его стороной единого охранительного правоотношения с множественностью лиц на стороне должника, в которое трансформируется существовавшее до нарушения регулятивное правоотношение между должником и кредитором и регулятивное правоотношение из договора поручительства/залога. Такому подходу полностью соответствует, в частности, и солидарный характер обязанностей поручителя и должника (п. 1 ст. 363 ГК РФ), а также сопоручителей п. 3 ст. 363 ГК РФ), а также наличие у поручителя права требовать исполненного от должника (ст. 365 ГК РФ). Правоотношение с множественностью лиц на стороне должника не прекращается в связи с ликвидацией одного из них, что объясняет, почему ликвидация основного должника после предъявления требований к поручителю (то есть после того, как он стал стороной этого охранительного правоотношения) не влечет прекращение этого отношения¹³³.

Согласно ст. 365 ГК РФ, в случае исполнения поручителем обязательства за должника, он имеет право требовать взыскания с должника исполненного, а также уплаты процентов и взыскания убытков. Что происходит в этом случае с регулятивными и охранительными правоотношениями сторон?

В литературе существует спор относительно природы требования поручителя к должнику – имеет ли оно регрессную или суброгационную природу¹³⁴. Исследователи отмечают, что в римском праве последствия исполнения поручителем обязательства за должника различались в зависимости от того, произошло такое исполнение до предъявления иска или уже после такового: в первом случае речь могла идти о возникновении нового (регрессного) требования, а после предъявления иска – о правопреемстве в существующем правоотношении;

¹³³ *Калис М. Н.* Спор о праве как причина ослабления акцессорности обеспечительных обязательств // Теория и практика общественного развития. 2025. № 4(204). С. 256–261.

¹³⁴ *Рассказова Н.Ю.* Последствия исполнения обеспечительного обязательства // Вестник гражданского права. 2010. № 6. С. 92 - 130.

при этом, однако, обратное требование поручителя и обратное требование солидарного должника рассматривались как имеющие одну правовую природу; точка зрения о том, что «суброгация является формой регресса» являлась общепринятой и в дореволюционных трудах, и даже в работах 1 половины 20 века – противопоставление данных понятий произошло уже в последней трети 20 века¹³⁵. Действующее законодательство, в толковании, придаваемом ему судебной практикой¹³⁶, исходит из суброгационной природы требований поручителя к должнику. Критикуя такой ригидный подход (который распространяется и на случаи исполнения обязательства третьим лицом – п. 5 ст. 313 ГК РФ), Н.Б. Кашников отмечает, что «увидеть» признаки регрессного обязательства в исследуемом институте Верховному суду, вероятно, помешал подход, исходя из которого поручитель исполняет не чужое, а собственное обеспечительное обязательство; по мнению указанного автора, поручитель в качестве основания требований может ссылаться в равной мере и на регресс, и на суброгацию¹³⁷.

Полагаем, что с учетом высказанной нами ранее позиции, согласно которой поручитель становится стороной охранительного правоотношения при неисполнении предъявленного к нему требования, последствия исполнения им обязанности могут быть также дифференцированы в зависимости от того, в какой момент такое исполнение произошло: в ситуации, когда исполнение произведено до предъявления требования к поручителю, он исполняет «чужое обязательство» - и такие последствия будут аналогичны исполнению обязательства третьим лицом. В литературе замещение таким лицом в подобной ситуации обосновывалось и фикцией приобретения требования у управомоченного лица, и наличием прямого указания закона на то, что указанное обстоятельство является не основанием для прекращения права, а основанием для перехода права к иному лицу¹³⁸. В ситуации

¹³⁵ Кашников Н.Б. Обратное требование поручителя: регресс, суброгация // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 2. С. 115 - 151; № 3. С. 137 - 173.

¹³⁶ См., напр., п. 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве», в соответствии с которым исполнение поручителем требования должника не влияет на течение срока исковой давности

¹³⁷ Кашников Н.Б., Указ.соч.

¹³⁸ Там же

когда исполнение произошло после возникновения охранительного правоотношения с участием поручителя, переход к поручителю права требования в большей степени соответствует структуре правоотношения (поручитель займет место кредитора в возникшем охранительном правоотношении). Оговорим, что поскольку исследование «обратного требования» поручителя не является основной целью настоящей работы, высказанные предположения требуют отдельного развития и осмысления.

С учетом изложенного приходим к выводу, что не всегда (и не любое) охранительное правоотношение возникает одновременно с нарушением права – иногда для его возникновения необходимо предъявление требования к обязанному лицу. Такое предъявление требования не следует во всех случаях отождествлять с соблюдением досудебного (претензионного) порядка. По общему правилу, претензионный порядок (даже обязательный) направлен на урегулирование уже возникшего спора. Как отмечалось в рамках первого параграфа настоящей работы, спор не обязательно предполагает наличие разногласий относительно прав и обязанностей (спор в субъективном смысле), и в тех случаях, когда нарушение допущено стороной правоотношения, она должна знать о возникновении у нее обязанности устранить допущенное нарушение.

Поэтому в случае, когда после получения претензии должник исполняет обязанность, по общему правилу речь идет о досудебном урегулировании спора – который существовал с момента, когда управомоченное лицо узнало о нарушении своих прав, до момента исполнения спорной обязанности. Это подтверждается и тем, что в случае устранения нарушения права после получения претензии (например, погашения основной задолженности) обязанное лицо не освобождается от исполнения охранительных обязанностей по возмещению убытков или уплате неустойки. В тех же ситуациях, когда, как описано в данном параграфе, охранительное притязание возникает после предъявления требования, условием его возникновения (равно как и условием возникновения спора) является неисполнение такого требования в срок, установленный законом или определенный в самом требовании (когда это допускается законом).

Схожая позиция о значении претензионного порядка, который может как «выявлять спор», так и «способствовать добровольному исполнению», высказывалась в литературе¹³⁹.

Возможно ли в этой связи возникновение спора о праве и охранительного правоотношения только в момент обращения с иском в суд?

С точки зрения действующего законодательства следует дать утвердительный ответ на этот вопрос, хотя с учетом приведенного теоретического обоснования такое регулирование представляется не вполне корректным.

Примером такой ситуации может быть упомянутое ранее предъявление иска к поручителю или залогодателю. Законодательство не содержит указания на необходимость соблюдения досудебного порядка во всех случаях предъявления требований к таким субъектам (в арбитражном процессе можно говорить о необходимости соблюдения досудебного порядка при предъявлении требований к поручителю на основании ч. 5 ст. 4 АПК РФ, однако он не будет распространяться, в частности, на требования об обращении взыскания на заложенное имущество¹⁴⁰). Следовательно, возможна ситуация, при которой поручитель или залогодатель узнают о наличии спора с их участием после предъявления иска (с учетом п. 1 ст. 165.1 ГК РФ – в момент, когда они получили или должны были получить исковое заявление), тем самым фактически лишаются возможности добровольно удовлетворить требования истца без наступления негативных последствий в виде возложения на них судебных расходов истца.

В судебной практике имеются примеры еще более абсурдных, по нашему мнению, ситуаций, которые подчеркивают непонимание механизма возникновения охранительной правовой связи и спора о праве.

Например, применительно к договору займа, срок которого не определен или

¹³⁹ *Каллистратова Р. Ф., Поскребнев М. Е., Холопова Д. А.* Правовая природа обязательного претензионного порядка и его влияние на развитие спора в суде // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2016. № 4. С. 3–10.

¹⁴⁰ Пункт 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // «Российская газета». № 144. 02.07.2021.

определен моментом востребования (п. 1 ст. 810 ГК РФ), суды приходили к выводу о том, что направление заимодавцем заемщику копии искового заявления о возврате суммы займа может быть признано надлежащим требованием возврата этой суммы¹⁴¹. При рассмотрении одного из таких дел (А40-146172/2009) суд первой инстанции указал, что «ответчик не представил доказательств возврата истцу основного долга по займу на дату рассмотрения дела». С учетом того, что положения п. 1 ст. 810 ГК РФ предусматривают тридцатидневный срок исполнения обязательства по возврату займа с момента получения требования о его возврате, в этой ситуации суд допустил принятие иска к производству при отсутствии факта нарушения, до возникновения охранительного правоотношения и спора о праве. При таком подходе истцы могли бы не дожидаться просрочки и предъявлять иски заблаговременно до наступления срока исполнения обязательства – что, очевидно, недопустимо. В этой ситуации, как и в приведенных примерах из судебной практики, у истца не было и предположения о нарушении его прав – следовательно, отсутствовал спор о праве, за разрешением которого он мог бы обратиться в суд. При предъявлении требований к поручителю или залогодателю, которые не знали о неисполнении обязательства должником, с меньшей очевидностью, но имеется та же проблема.

На наш взгляд, такое регулирование не вполне корректно, если мы исходим из того, что охранительное правоотношение как связь между управомоченным и обязанным лицом, и спор о праве как состояние, при котором требование управомоченного лица не может быть удовлетворено помимо воли обязанного лица, должны возникнуть до обращения в суд – так как суд разрешает уже возникший спор. Поэтому в случаях, когда требование предъявляется не к нарушителю, а к иному лицу, а также в ситуациях, когда способ защиты зависит от выбора управомоченного лица, предъявлению в суд должно предшествовать предъявление такого требования обязанному лицу.

¹⁴¹ См., напр., Определение ВАС РФ от 04.04.2012 № ВАС-3658/12 по делу № А31-6142/2010; Постановление Президиума ВАС РФ от 05.04.2011 № 16324/10 по делу № А40-146172/09-42-745

Влечет ли предъявление иска в суд последствия для материального правоотношения?

Одно из наиболее очевидных материально-правовых последствий предъявления иска (наступающее ретроспективно при условии, что исковое заявление будет принято к производству) установлено в п. 1 ст. 204 ГК РФ: срок исковой давности не течет со дня обращения в суд в установленном порядке за защитой нарушенного права на протяжении всего времени, пока осуществляется судебная защита нарушенного права. По общему правилу, обратиться за судебной защитой нарушенного права (с требованием о том же предмете и по тем же основаниям, с тем же субъектным составом) можно только один раз – после вынесения решения или прекращения производства по делу повторное обращение в суд не допускается (п. 2 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ, п. 2 ч. 1 ст. 127.1 АПК РФ). Если судебная защита не завершится вынесением решения или прекращением производства по делу, и исковое заявление будет оставлено без рассмотрения (то есть с процессуальной точки зрения сохраняется возможность обращения в суд), срок исковой давности продолжит течь.

Таким образом, срок исковой давности перестает течь с момента обращения в суд, поскольку обращение в суд представляет собой реализацию управомоченным лицом охранительного правомочия (права на иск), которое по общему правилу может быть реализовано лишь однократно.

Отечественное законодательство не регулирует особым образом порядок осуществления материальных правоотношений после обращения в суд. В пользу того, что действующее нормативное регулирование исходит из сохранения для спорного правоотношения общих правил развития, могут свидетельствовать нормы о процессуальном правопреемстве. Согласно ст. 44 ГПК РФ, ст. 48 АПК РФ, выбытие одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении (смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования, перевод долга и другие случаи перемены лиц в обязательствах) является основанием для замены стороны её правопреемником. Конституционный

суд РФ в Постановлении от 16 ноября 2018 г. № 43-П¹⁴² разъяснил, что перечень оснований для процессуального правопреемства не является исчерпывающим, а потому возможна замена стороны на приобретателя ее имущества в качестве процессуального правопреемника в ходе судебного разбирательства по делу о защите от нарушений права собственности на это имущество.

Стоит отметить, что такой подход не является единственно возможным. Согласно положениям римского права, отчуждение предмета спора во время судебного процесса было запрещено. Исследователи указывают, что такое правило было обусловлено наличием у ответчика права на разрешение спора даже и в том случае, если истец не настаивает на продолжении процесса¹⁴³. ГПК РСФСР 1923 года не содержал указания на возможность правопреемства в связи с переходом спорного права или спорной вещи к иному лицу (правопреемство было возможно только по универсальным основаниям). В процессуальном законодательстве Германии до 1887 г. был закреплён тот же подход, что и в римском праве. Однако уже в Германском гражданском процессуальном уложении 1877 года было установлено, что принятие дела судом к производству не ограничивает стороны в свободе распоряжения этим предметом. При этом прямо закреплялось, что отчуждение вещи или уступка требования не обязательно влекут процессуальное правопреемство: правопреемник не вправе без согласия противной стороны, а также самого правопреемника, вступить в процесс вместо передавшего право лица в качестве основной стороны; также суд не производит процессуальное правопреемство в этих случаях по своей инициативе¹⁴⁴.

Однако и толкование положений действующего российского законодательства о порядке процессуального правопреемства показывает неоднозначность их интерпретации. Например, арбитражные суды при

¹⁴² *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2018. № 48. Ст. 7492.

¹⁴³ *Энгельман И. Э.* Курс русского гражданского судопроизводства. Юрьев, 1912; *Гражданский процесс: хрестоматия: учеб. пособие*. М., 2005. С. 302.

¹⁴⁴ *Шмидт С. Г.* Отчуждение предмета спора во время судебного разбирательства (по праву Германии) // *Иски и судебные решения: сборник статей / рук-ль авторского коллектива и отв. редактор М. А. Рожкова*. Москва: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2009. С. 197–214.

рассмотрении дела А33-26054/2016, а затем и Конституционный Суд РФ в Определении № 1505-О от 6 июня 2019 г.¹⁴⁵ констатировали, что в случае отчуждения доли в уставном капитале хозяйственного общества в период рассмотрения спора по иску «продавца» доли об оспаривании решения общего собрания участников общества, право на иск утрачивает «продавец» доли и не приобретает «покупатель» доли.

В п. 33 Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»¹⁴⁶ указывается, что при совершении уступки прав в период спора правопреемство на стороне истца возможно только при наличии согласия на это и cedenta, и цессионария. В отсутствие согласия cedenta на замену его правопреемником цессионарий вправе вступить в дело в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора. Фактически в отечественной практике отражен подход, закрепленный в Германском гражданском процессуальном уложении – при этом, в отличие от немецкого законодательства, не решается ряд сопряженных вопросов, связанных с возможностью дальнейшего рассмотрения спора с участием лица, которое уже не владеет спорным правом, а также отсутствует теоретическое обоснование таких выводов. И. М. Шевченко, обращая внимание на данный пример, отмечает, что исходя из такого подхода для распоряжения материальным правом, являющимся предметом спора, недостаточно совершить сделку – нужно еще произвести процессуальное действие¹⁴⁷.

Наличие в действующем российском законодательстве положений

¹⁴⁵ *Определение* Конституционного суда РФ от 6 июня 2019 г. № 1505-О // СПС «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/72283842/> (дата обращения: 15.07.2024).

¹⁴⁶ *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

¹⁴⁷ *Шевченко И. М.* О понятии «единообразие судебной практики» (на примере дел о банкротстве) // Российский юридический журнал. 2022. № 6. С. 144–155.

об обеспечении иска также указывает на то, что ограничения, связанные с рассмотрением дела, с нормативной точки зрения возникают лишь при принятии судом обеспечительных мер, а не в связи с предъявлением иска или принятием его к производству. При этом и последствия нарушения обеспечительных мер урегулированы недостаточно полно: в соответствии с п. 2 ст. 174.1 ГК РФ, с учетом толкования, содержащегося в п. 94 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁴⁸, сделка по отчуждению арестованного имущества по общему правилу не является недействительной или ничтожной, но не препятствует обращению взыскания на такое имущество после его отчуждения недобросовестному приобретателю. Исключением из данной ситуации являются случаи, когда арест был наложен по требованиям, предполагающим возврат в натуре имущества, в отношении которого наложен арест (в т. ч. при применении виндикации, реституции, кондикции, а также обязательственно-правовых способов защиты – п. 97 вышеуказанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ). Хотя Верховный Суд РФ не поясняет, какие последствия должны наступить в данном случае, исследователи указывают, что такие сделки должны рассматриваться как ничтожные по п. 1 ст. 174.1 ГК РФ¹⁴⁹. Разница в данном случае состоит в том, является ли имущество, на которое судом наложен арест или установлен иной запрет на распоряжение, предметом спора или не является, но при этом арестовано для целей обеспечения возможности исполнения иных требований (например, для исполнения денежных требований за счет вырученных от реализации имущества средств).

Из приведенных примеров можно сделать вывод о том, что законодатель стремится минимизировать ограничения материальных прав, которые могут возникнуть у сторон судебного разбирательства исключительно в связи с самим

¹⁴⁸ *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

¹⁴⁹ *Витрянский В. В.* Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2018. С. 163.

фактом начала такого разбирательства: в частности, он не установил запрет на распоряжение спорными правами.

В то же время ряд положений законодательства обозначают иную практическую потребность, возникающую в связи с возбуждением спора в суде.

Так, обращение с иском в отношении недвижимого имущества, сведения о правах на которое содержатся в ЕГРН, является основанием для внесения по заявлению истца отметки о наличии судебного спора в отношении этого права (п. 7 ст. 8.1 ГК РФ). Как отмечается в литературе, подобная отметка о правопритязании свидетельствует о наличии сомнений в достоверности ЕГРН. Она не препятствует регистрационным действиям в отношении имущества, однако приобретатель такого имущества не сможет сослаться на публичную достоверность реестра в случае возникновения оснований для истребования у него имущества¹⁵⁰.

Положениями пункта 5 статьи 20 Федерального закона от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»¹⁵¹ предусмотрено, что в случае поступления в регистрирующий орган из суда или арбитражного суда судебного акта о принятии к производству искового заявления, содержащего требования, предъявленные к юридическому лицу, находящемуся в процессе ликвидации, государственная регистрация юридического лица в связи с его ликвидацией не осуществляется до момента поступления в регистрирующий орган решения (иного судебного акта, которым завершается производство по делу) по такому исковому заявлению.

Оба приведенных примера объединяет то, что они предполагают в том или ином виде учет сведений о наличии спора при ведении публичных реестров (ЕГРН и ЕГРЮЛ), имеющих свойство достоверности. Следовательно, законодатель – несмотря на отмеченное ранее стремление уменьшить ограничительный эффект

¹⁵⁰ Бевзенко Р. С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 11. С. 107.

¹⁵¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3431.

судебного разбирательства для самих сторон – в данном случае в интересах истца, а также в интересах неопределенного круга лиц, обращающихся к сведениям публичных реестров, стремится предотвратить негативные последствия, которые могут возникнуть при изменении правового положения до окончания разрешения спора.

Несмотря на то, что законодательство не регламентирует процесс осуществления спорного правоотношения, судебная практика свидетельствует о том, что такое «молчание» законодателя воспринимается как пробел, требующий восполнения – во введении к настоящей работе в качестве примера приводилась существовавшая судебная практика об ограничении права на внесудебный зачет после обращения с иском в суд.

В дореволюционной отечественной литературе, в значительной степени под влиянием теорий немецких процессуалистов, вопрос о последствиях «вчинения иска» для материального правоотношения был предметом широкого обсуждения в двух основных аспектах: применительно к вопросу о возможности учета изменений, произошедших с правоотношением, ставшим предметом судебного исследования, а также о материально-правовых последствиях процессуальных действий сторон в процессе.

По вопросу об учете изменений правоотношения, произошедших после предъявления иска, С. В. Завадский указывал, что суд должен исходить из оснований иска, которые возникают до обращения в суд, и не учитывать обстоятельства, произошедшие после такого обращения – в том числе добровольное удовлетворение иска. По его мнению, моменты предъявления иска и постановления по нему решения должны считаться совпадающими; в решении суждение о праве должно быть отнесено ко времени предъявления иска, а приказ «живет по необходимости лишь в будущем и может быть парализован фактами, произошедшими в течение процесса». Аналогичного мнения, согласно которому произошедшие в процессе факты следует рассматривать как возникшие после

вынесения решения, придерживался и В. М. Гордон¹⁵². Во многом такой подход схож с описанной выше концепцией «замораживания» правоотношения, но не только регулятивного, а материального правоотношения в целом, и не в связи с нарушением права, а именно в связи с обращением в суд. Целью такой оригинальной концепции является, по-видимому, создание условий для установления обстоятельств дела без необходимости опасаться того, что эти обстоятельства за время процесса изменятся.

Возражая С. В. Завадскому, Т. М. Яблочков писал, что было бы странным разрешить сторонам распоряжаться правами в процессе (путем совершения процессуальных действий) и запретить делать это вне процесса¹⁵³, а суд всегда устанавливает «наличные» права, а не «некогда существовавшие». Соответственно, по его мнению, в указанном случае суд должен принять во внимание добровольное удовлетворение требований истца.

Советские процессуалисты приходили к выводу, что само по себе обращение в суд не влечет изменений ни для регулятивного, ни для охранительного правоотношения. Так, П. Ф. Елисейкин указывал, что «с обращением заинтересованного лица в юрисдикционный орган ни характер охранительного правоотношения, ни его содержание не изменяются ... наступает только одно последствие – охранительное отношение становится предметом судебной деятельности»¹⁵⁴. Полагаем, что такая позиция связана с устоявшимся в советской процессуальной доктрине подходом, основанном на том, что процесс служит целям защиты подлинно существующих, а не «предполагаемых», прав в рамках гражданского процесса (о чем было сказано в 1 параграфе 1 главы настоящей

¹⁵² Яблочков Т. М. Судебное решение и спорное право // Вестник гражданского права. Пг., 1916. № 7. С. 54.

¹⁵³ Там же. С. 40.

¹⁵⁴ Елисейкин П. Ф. Понятие иска как процессуального средства защиты прав и интересов // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Вып. 1. Ярославль, 1976. С. 89. Следует отметить, что впоследствии его позиция несколько изменилась: в работе «Процессуальное понимание спора о праве и его критика» (1981) он указывал, что обращение в суд не носит исключительно процессуального значения, поскольку оно ставит в спорное состояние права и интересы ответчика, может повлечь ограничение его прав в виде обеспечительных мер.

работы). М. А. Гурвич, критикуя воззрения немецких процессуалистов начала XX века на значение судебной деятельности для материального права, отмечал, что сущность процесса состоит не в образовании, а в подтверждении существующих правоотношений: «процесс служит лишь формой (путем) осуществления подтвержденного принудительного веления, выраженного в субъективном праве, но не средством образования последнего, в форме ли замены допроцессуального права правом, создаваемым в процессе (Пагенштехер), или проявления впервые субъективного права из «непрояснившегося для данного случая правопорядка» в процессе (Бюлов, Гольдшмидт, Биндер)»¹⁵⁵.

При этом предъявление иска в суд, безусловно, влечет процессуально-правовые последствия. Вопрос о том, какой юридический факт влечет возникновение процессуальных отношений – предъявление иска или возбуждение гражданского дела – был и остается предметом дискуссий. Полагаем, что процессуальные отношения возникают с момента предъявления иска, так как у суда возникает обязанность совершить процессуальные действия по проверке соответствия поданного искового заявления требованиям процессуальных норм и вынести соответствующее определение (стадия возбуждения гражданского дела). Как указывают исследователи, актом принятия заявления к производству суда возбуждается не процесс (он уже возник), а производство по конкретному гражданскому делу, и этим действием суда подводится итог в развитии процессуальных отношений на определенной стадии процесса и осуществляется переход к следующему его этапу¹⁵⁶.

Подход к процессу как к юридическому отношению, который берет свое начало в работе О. Бюлова «Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки» («Die Lehre von den Prozeßeinreden und die Prozeßvoraussetzungen», 1868 г.), был воспринят и дореволюционной

¹⁵⁵ Гурвич М. А. Право на иск / Акад. наук СССР. Ин-т права. Москва; Ленинград : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. С. 37–38.

¹⁵⁶ Воложанин В. П., Ковин В. Ф. Динамика гражданских процессуальных правоотношений // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 5. С. 50.

отечественной процессуальной наукой. Значительная часть исследователей разделяли позицию О. Бюлова – но, например, Е. А. Нефедьев рассматривал процесс как деятельность суда, а не как правоотношение¹⁵⁷. Наряду с представлением о процессе как о правоотношении О. Бюлов говорил о наличии условий и предпосылок для возникновения и развития таких отношений, а также о последовательности судебной деятельности¹⁵⁸ – то есть, фактически, о поступательности и линейном развитии динамики процессуального отношения.

Дальнейшая дискуссия развивалась в том числе по вопросу о единстве или дифференциации процессуального отношения: так, М. А. Гурвич и П. Ф. Елисейкин говорили о едином процессуальном отношении и выделяли в его структуре «элементарные» отношения, В. П. Мозолин не подразделял единое правоотношение на более мелкие отношения и включал в содержание правоотношения как процессуальные действия, так и процессуальные права и обязанности субъектов, а Н. А. Чечина, Н. Б. Зейдер рассматривали процесс как совокупности множества «элементарных» процессуальных отношений между судом и иными участниками процесса.

В. В. Ярков, обобщая и систематизируя высказанные в отечественной процессуальной науке подходы к понятию процессуального правоотношения, указывает, что они не противостоят друг другу, а раскрывают разные аспекты данного правового явления; при этом он полагает, что по гражданскому делу возникает единое сложное процессуальное отношение, в рамках которого возникают, изменяются и прекращаются отдельные процессуальные правоотношения¹⁵⁹.

Г. Л. Осокина отмечала, что процессуальное отношение есть один из этапов

¹⁵⁷ Нефедьев Е. А. К учению о сущности гражданского процесса / Нефедьев Е. А. Избранные труды по гражданскому процессу. Краснодар: Сов. Кубань, 2005. С. 246.

¹⁵⁸ Ярков В. В., Брановицкий К. Л., Бессонова А. И. Вступительный очерк к книге Оскара Бюлова «Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки» / пер. с нем. Д. С. Ксенофонтовой; отв. ред. Д. Х. Валеев. Москва: Статут, 2019.

¹⁵⁹ Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. Москва: Инфотропик Медиа, 2012. С. 36.

развития, «момент жизни» охранительно-искового отношения¹⁶⁰. Аналогичное мнение высказывалось Г. Х. Кархалевым, который, выделяя стадии динамики охранительного правоотношения, указывал, что в случае принудительного восстановления нарушенного права вторая стадия – «стадия развития правовой связи» – совпадает с процессуальным отношением (с момента предъявления иска и до вступления решения суда в законную силу)¹⁶¹.

В. Ф. Попондопуло, рассматривая вопрос о соотношении гражданского процессуального и охранительного правоотношения, указывал, что они различаются по ряду существенных признаков: по основаниям возникновения, по субъектам, по содержанию, по способу реализации, по предмету (объекту). Обращение заинтересованного лица в суд переносит правоохранительное правоотношение (которое он в этом контексте отождествляет с материально-правовым спором) на рассмотрение суда, делая его предметом гражданского процессуального правоотношения (судебной деятельности) и облекая в форму гражданского дела. Исходя из этого, он выделял процессуально-правовую форму охранительного правоотношения¹⁶².

Полагаем, что имеющийся в судебной практике акцент на изменениях динамики правоотношения после обращения с иском в суд связан не с тем, что именно такое обращение создает особые материально-правовые последствия, а исключительно с тем, что особенности динамики спорного правоотношения в период до обращения в суд в подавляющем большинстве случаев оказываются вне поля судебного «зрения». Само по себе предъявление иска не изменяет материальное правоотношение – но расширяет круг юридических фактов, которые могут влиять на динамику материального правоотношения.

Таким образом, дальнейшее исследование динамики спорного правоотношения требует учета особенностей динамики правоотношения после его

¹⁶⁰ *Осокина Г. Л.* Право на защиту в исковом судопроизводстве. Томск, 1990. С. 43.

¹⁶¹ *Кархалев Д.* Стадии охранительного гражданского правоотношения // Закон и право. 2008. № 6. С. 18–19.

¹⁶² *Попондопуло В. Ф.* Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность. Владивосток: Дальневосточный университет, 1985.

нарушения (с учетом проведенной нами во 2 параграфе настоящей главы классификации), а в ряде случаев – также после предъявления требования обязанному лицу, и особенностей динамики процессуального правоотношения, возникающих после предъявления иска в суд. Особенности динамики спорного материального правоотношения являются, таким образом, следствием «наложения» друг на друга регулятивной, охранительной и, после предъявления иска, процессуальной динамик. Выявлению таких особенностей будет посвящена следующая глава.

ГЛАВА 2. ПОРЯДОК ИЗМЕНЕНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ СПОРНОГО МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

§1. Влияние на спорное правоотношение материально-правовых оснований для изменения и прекращения правоотношений

Поскольку характер правоотношений после нарушения (в ряде случаев – после предъявления связанного с таким нарушением требования) изменяется и осложняется возникающей охранительно-правовой связью, необходимо проследить, как отличается для спорного правоотношения значение обстоятельств, традиционно рассматриваемых в качестве оснований для изменения или прекращения материальных правоотношений.

В литературе высказывается мнение, что охранительное правоотношение может быть прекращено всеми способами, характерными для регулятивного правоотношения¹⁶³. Однако это вовсе не означает, что охранительное правоотношение во всех случаях может быть прекращено путем устранения допущенного нарушения.

Рассмотрим вопрос о влиянии устранения обязанным лицом допущенного нарушения после возникновения спора.

Добровольное удовлетворение требований путем исполнения также является, согласно нормам материального права (ст. 408 ГК РФ) основанием для прекращения обязательства.

Во введении к работе приводились положения п. 8 Обзора практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением

¹⁶³ См., напр.: *Кархалев Д. Н.* Охранительное гражданское правоотношение: монография. Москва: Статут, 2009. (Statut Publishers); *Груздев В. В.* Способы защиты гражданских прав: учебное пособие для вузов. 2-е изд. Москва: Издательство «Юрайт», 2023. С. 75.

договоров (Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 5 мая 1997 г. № 14¹⁶⁴), согласно которому требование о расторжении договора аренды не подлежит удовлетворению, если в разумный срок устранены нарушения, послужившие основанием для обращения в арбитражный суд.

Данные положения могли бы быть истолкованы как предполагающие возможность устранения нарушений только в отведенный для этого временной промежуток, то есть до предъявления иска в суд. Однако исходя из практики их применения, они толкуются весьма широко.

Так, в рамках дела о расторжении договора аренды в связи с невнесением арендной платы в течение 4 месяцев суд признал возможным учесть произведенную ответчиком после предъявления иска оплату и на этом основании отказать в удовлетворении требований¹⁶⁵.

Схожая позиция применительно к основаниям принудительной ликвидации была высказана в п. 3 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. № 84 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁶⁶: не может быть ликвидировано по основанию, предусмотренному пунктом 3 статьи 26 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей», юридическое лицо, которое хотя и *после предъявления иска* о его ликвидации, но до вынесения решения судом первой инстанции сообщило регистрирующему органу сведения, предусмотренные подпунктами «а» – «д», «л» пункта 1 статьи 5 названного Федерального закона.

В дальнейшем, как уже упоминалось во введении, в пункте 23 Постановления

¹⁶⁴ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 5 мая 1997 г. № 14 «Обзора практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров» // Вестник ВАС РФ. 1997. № 7.

¹⁶⁵ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10 августа 2006 г. по делу № А56-47066/2005 // СПС «Кодекс». URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/813356744> (дата обращения: 25.10.2021).

¹⁶⁶ Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 августа 2004 г. № 84 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 10.

Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды»¹⁶⁷ было установлено, что даже после устранения арендатором допущенных им нарушений арендодатель вправе в разумный срок предъявить иск о расторжении договора - однако суды продолжают в ряде случаев применять разъяснения 1997 года.

Таким образом, предложенные практикой последствия добровольного устранения нарушений в отсутствие обоснования причин их выбора используются судами неединообразно и не учитывают, что нарушение, как было установлено нами во втором параграфе первой главы настоящей работы, по-разному повлияло на материальные правоотношения

В правоотношениях, относящихся к 1 группе – в которых новое правоотношение для восстановления нарушенного права не возникает – управомоченное лицо вправе требовать исполнения обязанностей, предусмотренных регулятивным правоотношением, должник имеет возможность устранить нарушение и тем самым прекратить охранительное притязание, возвратив правоотношение в регулятивное «состояние» (или прекратив и его, если исполненной обязанностью содержание регулятивного правоотношения исчерпывалось). Примером такой ситуации будет возврат просроченной задолженности по договору займа.

Если возникающее в связи с нарушением правоотношение имеет иное содержание по сравнению с нарушенным регулятивным (группа 2 и группа 3) – устранение нарушения либо вообще невозможно (в группе 2, т. к. регулятивного правоотношения уже нет – например, управомоченное лицо уже совершило односторонний отказ от договора в связи с допущенных обязанным лицом нарушением, и в настоящий момент требует возмещения убытков), либо уже не позволит прекратить охранительное правоотношение (группа 3), т. к. оно имеет

¹⁶⁷ *Постановление* Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. 2012. № 1.

иное содержание – например, управомоченное лицо уже предъявило требование о расторжении договора в связи с допущенным обязанным лицом нарушением, и устранение данного нарушения само по себе не прекратит охранительное правоотношение, направленное на расторжение договора.

Если охранительное притязание направлено на устранение правовой неопределенности относительно существования регулятивного правоотношения (4 группа), другая сторона своими внепроцессуальными действиями не может прекратить такое притязание – так как предметом защиты является законный интерес, которому не корреспондирует конкретная обязанность ответчика. В этом случае охранительное правоотношение между сторонами спора не возникает, и цель истца состоит в том, чтобы правовая неопределенность была устранена именно судебным решением. Лишь в некоторых случаях интерес управомоченного лица может быть удовлетворен обязанным лицом (например, произведена отмена приказа об увольнении и произведено восстановление на работе).

Также необходимо рассмотреть вопрос о последствиях изменения и прекращения регулятивных правоотношений в выделенных нами группах (где регулятивные правоотношения сохраняются).

Регулятивное правоотношение сохраняется в группе 1 – где охранительное притязание направлено на реализацию правомочий, входящих в содержание такого регулятивного правоотношения, и в группе 3 – где возникают охранительные правоотношения с иным содержанием.

Поскольку в 1 группе содержанием притязания является исполнение обязанности в натуре, полагаем, что никаких особенностей осуществления правоотношения в этом случае не возникает: оно может быть изменено и прекращено теми же способами, что и до нарушения права. Например, после нарушения обязанности по возврату займа обязательство может быть прекращено путем надлежащего исполнения, зачета, новации, отступного и иными предусмотренными ГК РФ способами; право требования может перейти к иным лицам в порядке универсального или сингулярного правопреемства, размер

обязанности может измениться в результате частичного исполнения, может быть заключено соглашение об изменении сроков исполнения. В случае, если стороны продлили сроки исполнения – например, срок возврата займа – после его нарушения, они вернули притязание, которое могло стать предметом судебного осуществления, в состоянии правомочия – однако если срок вновь будет нарушен, правомочие снова перейдет в состояние притязания.

В 3 группе содержание притязания и нового охранительного правоотношения не тождественно регулятивному правоотношению, и поэтому для подгрупп 3.1-3.3 возможность движения регулятивного правоотношения нужно рассмотреть отдельно.

В группе 3.1. охранительные правоотношения направлены не на восстановление возможности осуществления регулятивного правоотношения, а на применение мер ответственности к нарушителю, в связи с чем их возникновение само по себе не ограничивает динамику регулятивного правоотношения. Например, возникновение требований об уплате неустойки в связи с просрочкой возврата займа не ограничивает стороны в возможности изменения или прекращения заемного обязательства – однако в этом случае охранительные правоотношения не всегда будут следовать судьбе регулятивных.

Так, согласно п. 1 ст. 384 ГК РФ, п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»¹⁶⁸ если иное не предусмотрено законом или договором, право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства, а также другие связанные с требованием права, в том числе право на проценты.

¹⁶⁸ *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3

Соответственно, по общему правилу при изменении субъектного состава регулятивного правоотношения, в охранительных правоотношениях, направленные на применение мер ответственности, также произойдет замена стороны; однако соглашением сторон может быть установлено иное – что говорит об определенной автономности таких требований.

Изменение срока исполнения регулятивного обязательства, из-за нарушения которого возникли охранительные правоотношения по применению мер ответственности, также по общему правилу не освобождает должника от ответственности за период после истечения первоначального срока и до даты заключения дополнительного соглашения об изменении срока, если самим соглашением не предусмотрено иное¹⁶⁹.

В группе 3.2 нарушенное регулятивное правоотношение не может осуществляться так же, как и до нарушения, и охранительное правоотношение призвано восстановить нормальное состояние регулятивного правоотношения. Вместе с тем, нарушенное регулятивное правоотношение не «заблокировано» от его изменения или прекращения по воле управомоченного лица – например, право собственности на вещь, владение которой утрачено, может перейти к иному лицу, а собственник некачественного товара, о замене которого было заявлено, может произвести его отчуждение. Охранительное правоотношение при этом должно бы следовать судьбе регулятивного – так как правом на восстановление нормального порядка осуществления регулятивного правоотношения обладает именно управомоченное лицо. Вместе с тем, в некоторых случаях необходимо учитывать особенности охранительного правоотношения: виндикационное охранительное правоотношение может сохраниться между лицом, утратившим владение, и владеющим несобственником даже после перехода права на вещь (например, если вещь была отчуждена с условием о переходе права собственности в момент заключения договора, а не в момент оплаты) – так как виндикационный

¹⁶⁹ п. 9 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 за 2017 год, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017; Определение Верховного Суда РФ от 2 сентября 2021 г. № 305-ЭС21-8792

иск защищает владение, в которое новый собственник не вступал. Схожие разъяснения о возможности использования виндикации как способа защиты арендатором, не вступившим во владение вещью, были даны в п. 9 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66¹⁷⁰. Однако если право на вещь перейдет в порядке универсального правопреемства, такой правопреемник (например, наследник) приобретает все права, принадлежавшие правопреемнику, в том числе и право на возврат из незаконного владения вещи (в противном случае это право не принадлежало бы никому). Если стороны регулятивного правоотношения заключают соглашение о его изменении, например, путем изменения способа исполнения (например, устанавливают, что вместо некачественного товара будет передан иной товар), тем самым они изменяют и охранительное правоотношение, так как оно направлено на восстановление возможности реализации регулятивного правоотношения.

Интерес представляет и динамика регулятивного правоотношения в группе 3.3, где заявленное требование направлено на прекращение или изменение регулятивного правоотношения. Ранее в данном параграфе уже обосновано, что после возникновения охранительного правоотношения, содержанием которого является право требовать расторжения договора, само по себе устранение нарушения не может его прекратить. Означает ли это, что само регулятивное правоотношение в этот период осуществляется с какими-либо ограничениями? Полагаем, что нет. До прекращения (или изменения) правоотношение продолжает свое развитие – например, арендатор, к которому в судебном порядке предъявлено требование о расторжении договора аренды, продолжает пользоваться помещением и должен соблюдать условия договора. Может измениться субъектный состав правоотношения в порядке как универсального, так и сингулярного правопреемства. Последствия заключения дополнительных соглашений, изменяющих регулятивные правоотношения, для охранительного правоотношения, направленного на его прекращение, должен оценить суд.

¹⁷⁰ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.

Например, применительно к одностороннему отказу от договора в п. 5 ст. 450.1 ГК РФ закреплено правило о прекращении права на отказ от договора при подтверждении стороной своим поведением действия договора (эстоппель, ограничивающий противоречивое поведение). В случае с осуществлением после заявления требования о расторжении договора действий, подтверждающих намерение сохранить договорные отношения, к которым может быть отнесено, например, заключение дополнительных соглашений к договору аренды, продлевающих его срок, такое правило может быть применено по аналогии – однако в любом случае предъявление требования о расторжении не блокирует возможность осуществления и изменения регулятивного правоотношения. Изменение регулятивных правоотношений может и не затрагивать охранительное правоотношение – например, стороны могут увеличить размер арендной платы, изменить площадь арендуемого помещения – так как договор еще не прекратил свое действие и эти изменения прямо не свидетельствуют об отпадении интереса в его расторжении. При изменении субъектного состава регулятивного правоотношения в данной группе аналогичные изменения произойдут и для охранительного правоотношения – так как права и обязанности, связанные с расторжением или изменением правоотношений, принадлежат именно его сторонам.

Таким образом, нами обосновано отсутствие ограничений или особенностей динамики сохранившихся после нарушения регулятивных правоотношений: регулятивные правоотношения не «замораживаются» в ожидании реализации охранительного правоотношения. Относительно автономно могут развиваться регулятивное правоотношение и охранительное правоотношение, направленное на применение мер ответственности за нарушение: они могут быть уступлены отдельно от регулятивного правоотношения¹⁷¹, изменение сроков исполнения

¹⁷¹ П. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки»: «По общему правилу, уступка требования об уплате сумм неустойки, начисляемых в связи с нарушением обязательства, в том числе подлежащих выплате в будущем, допускается как одновременно с уступкой основного

регулятивной обязанности и даже ее исполнение после нарушения не влечет прекращения охранительного правоотношения по применению мер ответственности за нарушение. В иных случаях изменение или прекращение регулятивного правоотношения повлечет соответствующие последствия и для охранительного правоотношения. В некоторых случаях изменение регулятивного правоотношения повлечет либо прекращение охранительного притязания (например, в случае продления срока исполнения спорной обязанности), либо поставит под сомнение возможность принудительного осуществления притязания, направленного на прекращение правоотношения (в случае совершения действий, подтверждающих намерение сохранить правоотношение).

Рассмотрев вопрос о том, как изменение и прекращение регулятивного правоотношения может повлиять на охранительную правовую связь, необходимо отдельно проанализировать, как еще могут изменяться охранительные правоотношения (не в связи с изменением регулятивных правоотношений и/или или изменением субъектного состава).

Так, управомоченное лицо, как упоминалось ранее, может изменять свое требование, выбирая один из предоставляемых законом альтернативных способов защиты. При этом на досудебной стадии законодатель прямо не допускает, а в определенных случаях – ставит под условие возможность изменения такого выбора. Например, согласно п. 2 ст. 23 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», предъявить иное требование, предусмотренное ст. 18 данного Закона, возможно только в случае, если первоначально избранное требование не было исполнено в установленный законом срок. Замена требования может быть обусловлена также невозможностью удовлетворения первоначального требования: например, в описанной в ст. 398 ГК РФ ситуации, когда право требовать отобрания индивидуально-определенной вещи у обязанного лица отпадает, если она уже передана иному лицу: в таком случае можно заявить

требования, так и отдельно от него».

требование только о возмещении убытков (которое в качестве альтернативы требованию передать вещь существовало изначально). Полагаем, что в этом случае не возникает новое охранительное правоотношение (т. к. нарушение произошло в результате неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь, и именно в связи с этим нарушением управомоченное лицо прибегает к принудительной реализации своих прав), но после передачи вещи иному управомоченному лицу прекращается регулятивное правоотношение, из которого возникло требование передать вещь.

При этом в ходе судебного разбирательства управомоченное лицо вправе изменять предмет иска – например, вместо требования об устранении недостатков некачественного товара потребовать возмещения расходов, понесенных для устранения таких недостатков. Для изменения предмета иска путем выбора иного альтернативного требования не требуется обосновывать причины такого изменения (тот факт, что речь идет о рассмотрении дела в суде, уже подтверждает, что ранее предъявленное требование не исполнено). Согласно сложившейся позиции, такое изменение не влияет на исчисление срока исковой давности¹⁷² – он не течет с момента обращения в суд, и не исчисляется отдельно для каждого способа защиты. Это косвенно свидетельствует о том, что изменение требования не влечет возникновения нового спора или нового охранительного правоотношения, но меняется содержание спорного правоотношения (право и корреспондирующая ему обязанность).

Следующий аспект, который необходимо рассмотреть, связан с изменением правового регулирования отношений сторон после возникновения спора.

Отметим, что по общему правилу, закрепленному в п. 1 ст. 4 ГК РФ, акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к

¹⁷² Пункт 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 (ред. от 22.06.2021) «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 12.

отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом. Примеры придания нормам гражданского законодательства обратной силы не являются единичными и исследовались в литературе¹⁷³. Однако в контексте настоящей работы важно, чтобы подобные примеры касались случаев, когда правоотношение уже приобрело спорный характер – то есть имело место нарушение.

Рассмотрим случаи ретроактивного применения норм права к спорным правоотношениям, имевшие место в последние годы.

Первый пример – введение мораториев на применение мер ответственности.

Запрет на применение финансовых санкций за неисполнение пострадавшими компаниями денежных обязательств по требованиям, возникшим до введения моратория, на период с 6 апреля 2020 г. на 6 месяцев, был установлен Правительством Российской Федерации постановлением от 3 апреля 2020 г. № 428 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников» и впоследствии с 7 октября 2020 г. продлен еще на 3 месяца постановлением от 1 октября 2020 г. № 1587 №О продлении срока действия моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлению кредиторов в отношении отдельных должников».

В дальнейшем Постановлением Правительства Российской Федерации от 28 марта 2022 г. № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» был введен мораторий на применение санкций за нарушение обязательств по требованиям, возникшим до введения моратория, в период с 1 апреля по 1 октября 2022 г. (пункт 3).

Постановлением Правительства РФ от 18.03.2024 № 326 «Об установлении особенностей применения неустойки (штрафа, пени), иных финансовых санкций, а также других мер ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договорам участия в долевом строительстве, установленных

¹⁷³ Голубцов В.Г., Кузнецова О.А. Типы действия норм права во времени // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 3. С. 348 - 371.

законодательством о долевом строительстве» определено, что не начисляется штрафные санкции по договорам долевого участия, которые *не были предъявлены* до вступления в силу указанного постановления; в отношении тех неустоек, которые были предъявлены, устанавливается отсрочка исполнения.

Таким образом, все перечисленные моратории распространяют свое действие на случаи, когда нарушение уже произошло на момент их введения (охранительное правоотношение, направленное на применение мер ответственности за нарушение обязательства, уже возникло), и исключают из периода начисления штрафных санкций определенные периоды. При этом Постановление № 326 придает юридическое значение также моменту предъявления требования, под которым, исходя из судебной практики, понимается предъявление претензии.

В делах, где положения Постановлений, установивших мораторий, вступили в силу после предъявления исковых требований, суды применяли их – а суды апелляционной инстанции даже изменяли решения, принятые без учета его положений¹⁷⁴. Суды кассационной инстанции принятые по делам до начала действия моратория акты не отменяли, указывая, что штрафные санкции, взысканные «до дня фактического исполнения», в период действия моратория взысканию не подлежат, что должно быть учтено в процессе исполнения судебного акта¹⁷⁵.

Представляется интересным избранный в Постановлении Правительства РФ от 18.03.2024 № 326 подход, исходя из которого во внимание для решения вопроса о возможности взыскания неустойки за период моратория предлагается принимать

¹⁷⁴ См., напр: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.07.2022 по делу А56-119851/2021; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.08.2022 № 13АП-12947/2022, 13АП-15245/2022 по делу № А56-107701/2021

¹⁷⁵ См., напр: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05.07.2022 № Ф07-7335/2022 по делу № А56-28172/2021, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.08.2022 № Ф07-6605/2022 по делу № А44-64/2021, Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08.09.2022 N Ф07-11147/2022 по делу № А56-108096/2021

дату предъявления требования. Согласно проведенному нами в параграфе 3 главы 1 настоящей работы исследованию значения предъявления требования для спорного правоотношения, притязания о взыскании неустойки не относятся к тем, которые возникают только в результате предъявления требования – так как нарушение сроков допущено самим обязанным субъектом (и он не мог не знать о допущенном нарушении), и данное требование не является альтернативным, а представляет собой установленную законом санкцию за нарушение сроков. С этой точки зрения было бы корректнее применять положения моратория в виде исключения возможности взыскания штрафных санкций только к последствиям нарушений, которые допущены после вступления в силу соответствующего нормативного акта.

Еще один обсуждаемый пример придания закону обратной силы касается применения редакции Федерального закона от 30 декабря 2004 года N 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», введенной в действие Федеральным законом от 08.08.2024 № 266-ФЗ. Данным федеральным законом были существенно ограничены размеры штрафных санкций, подлежащих взысканию с застройщиков за допущенные ими нарушения – так, размер штрафа за отказ от добровольного удовлетворения требований потребителя ограничен 5% от взысканной суммы (до внесения соответствующих изменений применялся предусмотренный Законом о защите прав потребителей штраф 50%). Согласно статье 2 Федерального закона № 266-ФЗ, данные положения применяются и к договорам, заключенным до дня его вступления в силу – но только в отношении периодов нарушений со дня вступления в силу этого закона.

Суды применяли данные положения неединообразно.

В некоторых судебных постановлениях суды указывают, что ст. 2 ФЗ от 08.08.2024 № 266-ФЗ связывает возможность применения положений Закона в новой редакции при определении размера неустоек (штрафов, пеней) не с датой вынесения решения суда первой инстанции, а с периодом соответствующих

правоотношений (период начисления неустойки, даты причинения убытков и морального вреда и т.п.) – в связи с чем взыскивают штрафные санкции исходя из редакции закона, действовавшей на момент нарушения¹⁷⁶.

Однако в аналогичных ситуациях – когда нарушение произошло до вступления новой редакции закона в силу, но решение было вынесено после начала действия новой редакции закона, суды исходят из обратного – что на день принятия решения размер штрафа не мог превышать 5% от присужденной судом суммы¹⁷⁷.

В связи с возникшей правовой неопределенностью граждане, в отношении которых нормы закона 266-ФЗ были применены ретроактивно, обратились в Конституционный Суд РФ с жалобой. Также авторы жалобы выразили несогласие и с ограничением расчетного размера ключевой ставки для исчисления неустойки за допущенные застройщиками нарушения - пунктом 2 постановления правительства РФ № 326 от 18 марта 2024 года она определена в размере 7,5% годовых (тогда как фактическое значение ключевой ставки за этот период не опускалось ниже 16% годовых). На дату написания настоящего текста указанная жалоба еще не рассмотрена¹⁷⁸. Конституционный Суд РФ в 1993 годы высказывал позицию, согласно которой «в отношениях, субъектами которых выступают физические и юридические лица., обратная сила не применяется, ибо интересы одной стороны правоотношения не могут быть принесены в жертву интересам другой, не нарушившей закон»¹⁷⁹.

Применительно к рассматриваемой ситуации с применением ограничения

¹⁷⁶ См., напр, Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2025 № 88-12140/2025; Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.09.2025 № 8Г-12838/2025, 88-13459/2025

¹⁷⁷ См., напр., Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2025 № 88-27317/2025; аналогичная логика применена и к ограничению размера иных штрафных санкций по 214-ФЗ в Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18.12.2025 по делу № 88-29720/2025

¹⁷⁸ КС РФ рассмотрит жалобу на снижение санкций за срыв сроков ввода жилья. – URL: <https://www.ksrf.ru/Press-srv/smi/37597/> (дата обращения: 07.02.2026)

¹⁷⁹ Решение Конституционного Суда РФ от 01.10.1993 № 81-р «По индивидуальным жалобам граждан о проверке конституционности правоприменительной практики отказа в рассмотрении в судебном порядке трудовых споров об увольнении, разрешенных по действовавшему до 21 июня 1990 года законодательству о труде вышестоящими в порядке подчиненности органами» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1994. № 6

размера штрафных санкций или полного излучения их размера в контексте настоящего исследования полагаем, что в случае, когда охранительное правоотношение уже возникло (произошло нарушение), должны применяться меры ответственности, предусмотренные законом на момент такого нарушения. Это может быть обосновано тем, что норма права является предпосылкой возникновения правоотношения, в связи с чем определяет его содержание на момент наступления предусмотренных ею юридически значимых фактов.

§2. Значение процессуального поведения и судебного решения для динамики спорного правоотношения

Помимо исследования значения юридических фактов материального права для правоотношения, являющегося предметом спора, в доктрине поднимался и вопрос о значении процессуальных действий сторон (как распорядительных процессуальных действий, так и процессуального поведения) для материального правоотношения.

Одни из наиболее ранних позиций по этому вопросу были высказаны в работе О. Бюлова «Klage und Urteil: Eine Grundfrage des Verhältnisses zwischen Privatrecht und Prozess» (Иск и судебное решение: сущность взаимоотношения между частным правом и процессом) 1903 года¹⁸⁰ и в ранее упоминавшейся работе «Zur Lehre von der materiellen rechtskraft» (К учению о материальной законной силе) М. Пагенштехера 1904 года. Бюлов исходил из того, что фактический состав правоотношения, существующий вне процесса, может отличаться от того, который установился в процессе на основании утверждений сторон; поэтому решение суда может отразить иной (нежели внепроцессуальный) фактический состав¹⁸¹. Еще более радикальную позицию занимал М. Пагенштехер, который указывал, что

¹⁸⁰ Oskar Bülow. Klage und Urteil: Eine Grundfrage des Verhältnisses zwischen Privatrecht und Prozess, 1903. URL: https://books.google.ru/books?id=QQI1AQAAMAAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s

¹⁸¹ Цит. по: Гурвич М. А. Право на иск. С. 23–24.

решение не иногда, а всегда имеет конститутивный эффект, поскольку процессуальное поведение имеет материально-правовое значение, а стороны в процессе могут своими действиями – в первую очередь, по доказыванию или уклонению от доказывания тех или иных фактов – создавать, прекращать и изменять искомые правоотношения¹⁸².

Как отмечал М. А. Гурвич, такая позиция во многом была призвана обосновать причины расхождения «допроцессуального» и установленного решением суда фактического состава, и была воспринята многими современниками как легализация права на судебную ошибку. Кроме того, он указывал, что признание в качестве цели защиты внепроцессуального права и утверждение при этом, что суд не может установить действительное его содержание, а потому судебным решением может быть создано новое правоотношение, являются очевидным противоречием¹⁸³.

Опасность такого подхода усматривалась исследователями также и в возможности создания в процессе иного фактического состава в результате злоупотребления сторон правами. Так, Н. Н. Розин в своей статье «Ложь в процессе» отмечал, что «отсутствие обязанности сторон говорить правду ... может невыгодно отразиться на интересах слабой или менее защищенной стороны»¹⁸⁴. В литературе в связи с этим встречается вывод, что решение может приобретать порождающее значение в случае «собственной вины или небрежности сторон»¹⁸⁵.

Влияние судебного решения на спорные правоотношения рассматривается в процессуальной литературе в качестве основного, а зачастую – единственного аспекта процессуального влияния¹⁸⁶.

¹⁸² Max Pagenstecher, «Zur Lehre von der materiellen rechtskraft, 1904. URL: <https://archive.org/details/zurlehrevonderm00pagegoog/page/n6/mode/2up?ref=ol&view=theater>

¹⁸³ Гурвич М. А. Право на иск. М., 1949. С. 24.

¹⁸⁴ Розин Н. Н. Ложь в процессе // Ежедневная газета «Право». 1910. № 48.

¹⁸⁵ Воронов А. Ф. Принципы гражданского процесса. Прошлое, настоящее, будущее. М., 2009. С. 47–48.

¹⁸⁶ См., напр.: Грось А. А., Грось Л. А. Судебное решение как юридический факт в материальном праве // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Часть 1. Владивосток, 1998. С. 130–138; Козлов М. А. О роли судебного решения в возникновении, развитии

В настоящее время большинство исследователей признают за судебным решением значение юридического факта материального права. Однако разногласия возникают, прежде всего, в связи с определением круга судебных решений, которые приобретают такое значение. Согласно наиболее распространенной точке зрения, юридическими фактами материального права признаются лишь решения по преобразовательным искам, т. е. такие, в результате которых существующее материальное правоотношение изменяется или прекращается. При этом они рассматриваются в качестве «замыкающего» звена юридического состава, «аккумулирующего» иные составляющие его факты¹⁸⁷. Таковы, в частности, решения о расторжении договора.

«Первооткрывателем» преобразовательных исков и решений считается австрийский ученый Эмиль Шрутка фон Рехтенштамм (Emil Schrutka Edler von Rechtenstamm): в рецензии на монографию Адольфа Ваха «Иск о вынесении деклараторного решения. Вклад в доктрину права на правовую защиту» (*Der Feststellungsanspruch. Ein Beitrag zur Lehre vom Rechtsschutzanspruch*) 1889 года Шрутка привел классификацию исков и решений на иски о признании, о присуждении и преобразовательные¹⁸⁸. В тот же исторический период Леон Жюллио де ла Морандьер сыграл значительную роль в развитии функционального подхода к судебным решениям во французском праве, систематизировав функции судебных актов и теоретическое обосновав преобразовательное значение судебных актов¹⁸⁹.

Преобразовательным, или, в терминологии других авторов «конститутивным» решениям¹⁹⁰, с точки зрения их материально-правового значения, противопоставляются иные (принятые по искам о признании и о

и прекращении (движении) гражданского правоотношения // Закон. 2008. № 1. С. 139–149.

¹⁸⁷ Грось А. А., Грось Л. А. Судебное решение как юридический факт в материальном праве. С. 138.

¹⁸⁸ Schlosser Peter. *Gestaltungsklagen und Gestaltungsurteile. Schriften zum deutschen und europäischen Zivil-, Handels- und Prozessrecht* (Том 39). Gieseking, 1966. С. 18 URL: <https://books.google.ru/books?id=Ja4xAQAIAAJ&> (дата обращения 06.02.2026)

¹⁸⁹ Морандьер Л. Ж. Гражданское право Франции / Пер. с фр. и вступительная статья Е. А. Флейшиц. Том 1. – М.: Изд-во иностранной лит., 1958. С. 93, 210

¹⁹⁰ Гурвич М. А. Учение об иске. М., 1981. С. 31.

присуждении, по заявлениям об установлении факта), которые, по мнению большинства авторов, юридическими фактами материального права не являются и лишь подтверждают существовавшие ранее правоотношения и факты, «не вносят никаких изменений в существующее право, которое остается и после судебного решения таким же, каким оно было до процесса»¹⁹¹.

Наряду с позицией, существенно ограничивающей круг судебных актов, которые могут рассматриваться в качестве юридических фактов материального права (условно назовем ее «узким подходом»), существует противоположная точка зрения, согласно которой все судебные акты имеют значение юридических фактов¹⁹². Некоторые исследователи отмечают, что значение юридического факта судебное решение приобретает в случае, если оно является не замыкающим элементом юридического состава, но «заменяет волеизъявление стороны»¹⁹³ - однако и в этой ситуации решение «в совокупности с другими юридическими фактами порождает правоотношение, которого не существовало ранее»¹⁹⁴. В связи с этим решение именуют «вторичным» юридическим фактом¹⁹⁵.

«Накопление юридического состава» в ходе судебного разбирательства и в ожидании его итогов порождает неопределенность относительно правового положения участников правоотношений в период разрешения спора. По этой причине, как упоминалось ранее, в дореволюционной литературе звучали предложения считать момент предъявления иска и момент вынесения судебного решения совпадающими (решение в таком случае имело бы ретроспективный эффект)¹⁹⁶.

¹⁹¹ Гурвич М. А. Учение об иске. М., 1981. С. 21; см. также: Молодкин Н. Е. Функции судебных актов в правовом регулировании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 92.

¹⁹² Загайнова С. К. Теоретические проблемы характеристики судебных актов в гражданском и арбитражном процессах // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л. Ф. Лесницкой, М. А. Рожковой. М., 2008. С. 350–352.

¹⁹³ Козлов М. А. Указ. соч. С. 147.

¹⁹⁴ Козлов М. А. Указ. соч. С. 147.

¹⁹⁵ Чечина Н. А. Норма права и судебное решение // Чечина Н. А. Избранные труды по гражданскому процессу. СПб., 2004. С. 135.

¹⁹⁶ Данная позиция С.В. Завадского отражена в работе Яблочкова Т. М. Судебное решение и спорное право // Вестник гражданского права. Пг., 1916. № 7. С. 54.

Само по себе ретроспективное наступление правовых последствий иных длящихся юридических процедур известно отечественному законодательству. Например, принятое наследство считается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства (п. 4 ст. 1152 ГК РФ); срок действия исключительного права на изобретение исчисляется с момента подачи заявки (п. 1 ст. 1363 ГК РФ); в состав наследства может быть включено недвижимое имущество, в отношении которого гражданин подал заявление о приватизации, но умер до государственной регистрации права собственности (п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 года № 8¹⁹⁷).

Применительно к последствиям судебного разбирательства законодатель также допускает ретроспективное наступление преобразовательных последствий. Так, Федеральным законом от 24 июля 2023 г. № 347-ФЗ¹⁹⁸ п. 3 ст. 453 ГК РФ был изложен в редакции, предоставляющей суду право предусмотреть иную дату, с которой обязательства считаются соответственно измененными или прекращенными. Такая дата определяется судом исходя из существа договора и (или) характера правовых последствий его изменения, но не может быть ранее даты наступления обстоятельств, послуживших основанием для изменения или расторжения договора.

При этом применительно к искам о признании оспоримых сделок недействительными закреплен иной подход: по общему правилу любая недействительная сделка признается недействительной с момента ее совершения (п. 1 ст. 167 ГК РФ), однако если из существа оспоримой сделки вытекает, что она может быть лишь прекращена на будущее время, суд, признавая сделку недействительной, прекращает ее действие на будущее время (п. 3 ст. 167 ГК РФ).

Следовательно, в период рассмотрения указанных преобразовательных исков стороны не только не знают, будет ли правоотношение прекращено или изменено,

¹⁹⁷ *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1993 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993. № 11.

¹⁹⁸ *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2023. № 31 (Часть III). Ст. 5773.

но и не могут знать, когда это произойдет – ни с точки зрения конкретной календарной даты в будущем, ни с точки зрения применения судом норм, позволяющих самостоятельно определять момент, когда, например, договор будет считаться расторгнутым.

Вопрос о ретроспективном наступлении правовых последствий судебного разбирательства в литературе поднимался при анализе правовых последствий смерти одного из супругов в период рассмотрения дела о расторжении брака. Исходя из ст. 25 Семейного кодекса РФ и в соответствии с разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»¹⁹⁹, в случае расторжения брака в судебном порядке бывший супруг наследодателя лишается права наследовать в указанном качестве, если соответствующее решение суда вступило в законную силу до дня открытия наследства (то есть до смерти супруга). Поэтому в описанной ситуации производство по делу о расторжении брака должно быть прекращено в связи с тем, что сторона умерла и правоотношение не допускает правопреемства, на основании ст. 220 ГПК РФ. Однако принятый отечественным законодателем подход не является единственно возможным. В литературе отмечается, что по законодательству Германии при наличии поданного в суд заявления о расторжении брака переживший супруг лишается права наследования²⁰⁰; аналогичные положения имеются в законодательстве Сербии, Хорватии и Литвы. В данном случае речь не идет о придании расторжению брака полного ретроспективного эффекта, но о его применении в исключительных случаях.

Вывод о том, что для гражданских процессуальных правоотношений характерно наступление юридически значимых последствий в результате накопления юридического состава, завершающим элементом которого

¹⁹⁹ *Постановление* Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда Р. 2012. № 7.

²⁰⁰ *Юрченко О. Ю.* Смерть как юридический факт в гражданском праве России // *Нотариус.* 2012. № 3. С. 11–15.

практически всегда является действие суда, облаченное в форму судебного акта, высказывался в литературе давно – так, Е. В. Васьковский писал, что действия сторон ведут к юридическим последствиям только при посредстве действий суда²⁰¹. Иными исследователям также отмечается, что «деятельность сторон в процессе объединяется в деятельность суда»²⁰², «процессуальные акты – форма бытия процессуальных юридических фактов»²⁰³, «решение – один из способов фиксации процессуальных юридических фактов»²⁰⁴. В. В. Ярков, соглашаясь с Ю. К. Осиповым, в этой связи указывал, что действия суда, облачаемые в форму процессуальных актов, относятся к числу основных юридических фактов для процессуальных отношений, что не исключает порождающих свойств и других процессуальных юридических фактов²⁰⁵.

Помимо накопления юридического состава по преобразовательным искам – где элементами такого состава служат юридические факты материального права (например, допущенное обязанным лицом нарушение и предъявленное управомоченным лицом требование о расторжении договора), можно предположить, что накопление состава может происходить и при рассмотрении исков о присуждении и о признании – «накапливаемыми» юридически значимыми обстоятельствами во всех делах независимо от вида притязания являются действия по доказыванию, а также распорядительные действия сторон. Однако это не снимает вопроса о значении процессуальных действий для спорного правоотношения, а также о материально-правовой квалификации судебного акта в таких ситуациях.

Этап динамики правоотношения, который наступает после обращения в суд, некоторые исследователи называют стадией «конкретизации»²⁰⁶ или

²⁰¹ *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. С. 583.

²⁰² *Нефедьев Е. А.* Учебник русского гражданского судопроизводства // Гражданский процесс. Хрестоматия: учебное пособие / под ред. М. К. Треушникова. М., 2005. С. 99.

²⁰³ *Гражданский процесс: учебник / отв. ред. В. В. Ярков.* С. 84–85.

²⁰⁴ *Тихонькова Н. В.* Проблемы судебного решения ... С. 27.

²⁰⁵ *Ярков В. В.* Юридические факты в цивилистическом процессе. С. 50.

²⁰⁶ *Бутнев В. В., Тарусина Н. Н.* Актуальные проблемы гражданского процессуального права. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2012. С. 68.

«установления»²⁰⁷ правоотношения.

Установление обстоятельств, имеющих значение для дела, осуществляется судом на основании представленных доказательств; результаты установления обстоятельств отражаются в мотивировочной части судебного решения (ч. 2 ст. 195, ч. 4 ст. 198 ГПК РФ, ч. 4 ст. 170 АПК РФ).

Так, В. В. Бутнев под конкретизацией понимает деятельность юрисдикционных органов – в том числе суда, которая выражается в определении конкретного содержания прав и обязанностей сторон и играет роль юридического факта. Переход материального правоотношения с одной стадии на другую, по мнению автора, осуществляется с помощью надстройки над ним – организационно-правовых форм защиты субъективных прав и интересов²⁰⁸.

О «конкретизации» судом правоотношения или субъективного права некоторые ученые-процессуалисты писали в рамках исследования значения судебного решения для спорного права, однако они наделяли эту деятельность разным содержанием. Так, Н. Б. Зейдер понимал под конкретизацией «преобразовательное» – в максимально широком смысле – воздействие решения на содержание материального права. Он указывал, что «наиболее общей» формой конкретизации судом спорного права является «определение его, исходя из собранных доказательственных материалов и действующей правовой нормы» – то есть фактически усматривал «конкретизацию» правоотношений в любом деле²⁰⁹. М. А. Гурвич связывал конкретизацию с наличием в законодательстве «незавершенного регламента»²¹⁰, то есть осуществления судом преобразовательного правомочия в узком смысле (вынесение решения по преобразовательному иску), схожая позиция о «конкретизации» высказана

²⁰⁷ Кархалев Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение: монография. Москва: Статут, 2009. (Statut Publishers).

²⁰⁸ Бутнев В. В. Влияние форм защиты субъективных гражданских прав на динамику материального правоотношения // Проблемы гражданского права и процесса. 2013. № 3. С. 3–17.

²⁰⁹ Зейдер Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу. М., 1966. С. 92–97.

²¹⁰ Гурвич М. А. О применении советским судом гражданских законов // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. 16. М., 1969. С. 272–274.

и в работах иных авторов²¹¹.

Фактически все перечисленные исследователи говорят о влиянии судебной деятельности на динамику материального правоотношения, расходясь во мнении о том, с чем именно связано такое влияние (только ли с судебным решением) и в чем оно выражается.

Процессуальное законодательство упоминает «установленное правоотношение» в качестве результата устранения спорности. В частности, ст. 44 ГПК РФ и 48 АПК РФ, говоря о процессуальном правопреемстве, противопоставляют спорное и установленное судом правоотношение, т. е. установление рассматривается как результат любого разрешения спора. Об «установлении правоотношений сторон» судебным решением говорит и ч. 2 ст. 209 ГПК РФ.

При этом, однако, «установление правоотношений» должно осуществляться судом еще на стадии подготовки дела к судебному разбирательству (ст. 148 ГПК РФ). Некоторые исследователи полагают, что данное полномочие суда входит в противоречие с приведенными ранее положениями, в связи с чем предлагают закреплять результаты такого «установления» в промежуточных судебных решениях²¹².

Означает ли это, что действия сторон по доказыванию могут повлиять на динамику правоотношения, и, если могут – в чем именно это влияние будет выражаться?

Как указывалось выше, в отечественной доктрине как в дореволюционный, так и в советский период возможность изменения правоотношения в результате процессуальных действий или бездействия отрицалась, а теории немецких юристов XIX века, в частности М. Пагенштехера, допускавшие подобные последствия²¹³, рассматривались как попытки легализовать ложь в суде и судебные ошибки.

²¹¹ См., напр.: *Фурсов Д. А., Харламова И. В.* Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Том 2. М., 2009. С. 436.

²¹² *Ненашев М. М.* Установление правоотношений сторон до принятия решения по делу: проблемы практики // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2012. № 1. С. 47–48.

²¹³ *Гурвич М. А.* Право на иск. С. 29–30.

Подход, основанный на том, что любое судебное решение имеет «погашающий» эффект в силу того, что установленные судом факты и правоотношения могут отличаться от существовавших до процесса, не может быть принят в качестве модели взаимодействия гражданского процесса и материального правоотношения также и потому, что он не учитывает закономерностей развития материального правоотношения. Для «поглощающих» юридических составов, как было описано ранее при анализе теории юридических фактов, характерно то, что «поглощаемые» факты не имеют самостоятельного юридического значения, тогда как подлежащие установлению юридические факты материального права уже порождали юридические последствия до начала процесса.

Однако нужно отметить, что Пагенштехер, указывая на то, что действия сторон в процессе и судебное решение в пользу истца имеет последствия, аналогичные соглашению, заключенному между сторонами в отношении субъективного права²¹⁴, неоднократно делал оговорку о том, что предмет определения [судом] является «не само субъективное право, а лишь «правоотношения сторон по поводу этого права»²¹⁵. Поэтому, например, он приходит к такому выводу: если сторона умолчала о том, что исполнила требование истца, оплатив задолженность, а вместо этого заявила иные возражения против требований истца, и в результате суд отказал в удовлетворении иска – причина отказа в удовлетворении иска для последующих отношений сторон значения не имеет²¹⁶. В описанном контексте под «правоотношениями по поводу права» Пагенштехер понимал фактически то же самое, что мы понимаем под охранительными притязаниями, возникшими в связи с необходимостью защиты нарушенного или оспоренного права.

²¹⁴ *Max Pagenstecher*. «Zur Lehre von der materiellen rechtskraft», 1904. С. 444: «Nach der hier vertretenen Auffassung hat das dem Klager günstige Urteil (in Verbindung mit dem Prozess) analoge Wirkungen, wie ein positiver Feststellungsvertrag, der zwischen den Parteien hinsichtlich des subjektiven Rechtes geschlossen wurde».

²¹⁵ Там же, с. 467: Feststellungsgegenstand ist aber nicht das subjektive Recht selbst, sondern eben nur “die rechtlichen Beziehungen der Parteien hinsichtlich dieses Rechtes“.

²¹⁶ Там же, с. 493.

Ф. К. Савиньи высказывал позицию, согласно которой «материальная сторона решения состоит в обратном действии его на содержание и объем самих прав»²¹⁷. Однако и в данном случае речь идет, полагаем, не о возможности изменить уже произошедшие обстоятельства (так как решение влияет не на факты, а на права, ими порожденные), а о возможности частичного удовлетворения заявленных требований.

Развивая эту идею, можно предположить, что представление сторонами доказательств в подтверждение своей позиции является **условием осуществления охранительного притязания** – согласно ранее приведенной классификации юридических фактов и иных юридически значимых обстоятельств. Юридический факт существует и порождает правовые последствия независимо от того, подтвержден он доказательствами или нет, однако для принудительного осуществления требуется выполнение условий – доказывания существования фактов. Поэтому, если истец бездействует и не выполняет бремя доказывания, то в удовлетворении его требований будет отказано несмотря на существование необходимых для этого обстоятельств.

Можно ли эту позицию применить и к бездействию ответчика? Предположим, ответчик погасил задолженность перед истцом, но не представил доказательств этого в суде, в связи с чем суд удовлетворил требования истца. Будет ли это означать, что задолженность теперь не считается погашенной, и существовавшее между сторонами материальное правоотношение изменилось, или возникло новое правоотношение? Следуя теории Пагенштехера на этот вопрос нужно было бы ответить положительно – и это порождало непринятие данной теории многими исследователями. Если лишение возможности принудительного осуществления существующего права воспринимается как логичное последствие процессуального бездействия, то «возникновение» обязанности в отсутствие материального правоотношения в качестве последствия пассивного поведения ответчика уже рассматривалось как недопустимое явление. Причина такого

²¹⁷ Савиньи Ф.К. фон. О силе судебного решения (из сочинения System des Heutigen Römischen Rechts) // Юридический вестник. 1868. Кн. 11. С. 14.

отношения в том, что только на основании изучения текста решения невозможно разграничить случаи, когда у истца действительно было материальное требование к ответчику и оно подтверждается судебным решением, и случаи, когда такого требования не было, но ответчик не смог этого доказать и в результате также был обязан к совершению определенных действий (или воздержанию от них) судебным решением – содержательно судебные решения в описанных ситуациях будут идентичными. Пагенштехер предлагал разрешить эту коллизию, признав, что во всех случаях основанием обязанности ответчика является судебное решение: оно рассматривалось им как правообразующий факт, создаваемый лишь в связи с процессуальными событиями, а не декларирующий правоотношение в его допроцессуальном состоянии²¹⁸. Однако такая позиция не согласуется со сложившимся в отечественной процессуальной доктрине подходом о декларативном значении решений по искам о присуждении. Отстаивание теории, противоречащей существующей в российской процессуальной науке, видится бессмысленным – однако возможно использовать некоторые ее утверждения для дальнейшего исследования.

Полагаем, что **значение доказывания возражений ответчика можно рассмотреть с точки зрения наличия и у него охранительного притязания, направленного на установление правовой определенности** – аналогичного тому, что возникает у истца при оспаривании его прав (4 группа правоотношений согласно приведенной нами классификации). Такое притязание не требует предъявления встречного иска, так как не содержит самостоятельного требования к истцу. Ответчик, возражая против заявленных требований, преследует фактически ту же цель, что и истцы по установительным притязаниям: предотвратить совершение противной стороной действий, противоречащих его видению существующих (или не существующих) между ними правоотношений. Он ссылается на правопрекращающие или правопрепятствующие факты, и условием осуществления охранительного притязания также является доказывание этих

²¹⁸ Яблочков Т. М. Судебное решение и спорное право. С. 34.

фактов. Невыполнение бремени доказывания не позволяет этим фактам повлиять на принудительное осуществление права, а потому процессуальное поведение ответчика и в этом случае может рассматриваться как условие осуществления принадлежащего ему охранительного установительного притязания.

Но если не доказавший свою позицию истец остается по результатам разбирательства без искомого предоставления, то ответчик, который не выполнил условия осуществления своего охранительного притязания, зачастую становится обязанным к совершению тех или иных действий (в зависимости от требований истца – уплатить деньги, передать вещь) или воздержанию от действий. Впрочем, и истец, который не смог выполнить условия осуществления права, впоследствии может претерпеть негативные последствия ввиду наличия у установленных решением обстоятельств преюдициального значения – например, к истцу, который заявляя требование о замене некачественного товара не смог доказать, что произвел оплату, может быть предъявлен иск о взыскании оплаты или о возврате товара.

Что в описанном примере будет являться материально-правовым основанием для таких требований к лицу, которое не выполнило бремя доказывания, если материально-правовая обязанность у него отсутствовала, а судебное решение о присуждении таковым не является?

В литературе высказывалось мнение, что самостоятельным, не тождественным со спорным правоотношением, основанием для осуществления оплаты может являться мировое соглашение, заключенное без признания стороной фактических обстоятельств, на которых другая сторона основывает свою позицию, но с целью ликвидации спора, с учетом оценки сторонами «судебных перспектив рассмотрения дела»²¹⁹. С этой точки зрения и процессуальное поведение лица, которое не смог доказать свою позицию, также могло бы рассматриваться как самостоятельное основание для взыскания с него денежных средств. Однако в отличие от мирового соглашения, в котором стороны могут прямо закрепить, что оплата осуществляется не в связи с обстоятельствами, которые одной из сторон не

²¹⁹ Шварц М.З. О допустимости мировых соглашений, отрицающих допроцессуальный фактический состав // Закон. 2023. № 4. С. 14 - 21.

признаются, в решении суда о взыскании средств с ответчика, который не доказал отсутствие оснований для такого взыскания, будут установлены юридически значимые обстоятельства – заключение договора, наступление срока исполнения обязанности и ее неисполнение – которые еще и приобретут преюдициальное значение для иных споров между этими же сторонами (например, для спора о применении штрафных санкций за неисполнение той же обязанности).

Некоторыми исследователями ставится вопрос о необходимости пересмотреть подход к преюдициальному значению обстоятельств, установленных судебными решениями²²⁰, ввиду ограниченности судебного познания предметом и основаниями заявленного требования в контексте реализуемого притязания и зависимости результатов познания от поведения сторон.

Однако против такого предложения могут быть выдвинуты существенные возражения, основанные на том, что преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности²²¹. Данные гарантии имеют большее значение, чем «забота» об участниках процесса, которые не справились с бременем доказывания и вынуждены претерпевать негативные последствия своего поведения. Стороны, участвуя в процессуальных отношениях, несут риски, связанные с совершением и несвершением процессуальных действий (ч. 2 ст. 9 АПК РФ) – и к таким рискам следует отнести не только риск утраты возможности осуществления права, но и риск возникновения обязанностей, которые ранее отсутствовали, и риск закрепления в судебном решении обстоятельств, которые в

²²⁰ См., напр.: Семкина Е. «Мучительная агония преюдиции» в гражданском процессе // «Мучительная агония преюдиции» в гражданском процессе (advgazeta.ru). URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/muchitelnaya-agoniya-preyuditsii-v-grazhdanskom-protseesse/> (дата обращения: 01.10.2024); Акулинин А. Д. Преюдиция в гражданском процессе и ее перспективы в современных реалиях // Актуальные научные исследования: сборник статей XII Международной научно-практической конференции : в 4 ч. Пенза, 5 июня 2023 года. Ч. 3. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 175–180; Ильин А. В. К вопросу о содержании преюдициальности – свойства законной силы судебного решения // Закон. 2015. № 3. С. 75–93.

²²¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 1. 2012

действительности не существовали. К тому же лишение установленных обстоятельств преюдициального значения для других дел не решит проблемы обоснования взыскания с проигравшей стороны при отсутствии материально-правовых оснований для этого.

Противоречивое или иное недобросовестное процессуальное поведение стороны в процессе, в том числе – касающееся предоставления доказательств, заявления доводов и возражений, в литературе предлагается рассматривать в качестве основания для применения процессуального эстоппеля²²². Однако не всегда невыдвижение возражений или непредоставление доказательств связано с недобросовестностью. К тому же само по себе применение доктрины эстоппеля не объясняет влияния процессуального поведения на материальное правоотношения.

В литературе высказывалось также мнение, что закрепление обстоятельств и правоотношений сторон в решении, произошедшее в результате как вольных (например, соглашения по фактическим обстоятельствам дела), так и невольных процессуальных действий сторон можно признать созданием фикции существования материальных правоотношений²²³. В этой связи отмечается, что «интеллектуальная система, усложняясь, начинает управлять действительностью, для обслуживания которой она изначально создавалась»²²⁴. Однако обоснования и развития данная идея не получила – в частности, необходимо определить, как такая фикция соотносится с допроцессуальным составом и каковы пределы ее применения.

Создаваемая в результате процессуального поведения фикция наличия или отсутствия определенных обстоятельств и правоотношений не замещает

²²² Володарский Д.Б., Кашкарова И.Н. Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) // Вестник гражданского процесса. 2019. № 5. С. 61 - 110.

²²³ см., напр., Елисеев Н.Г. Могут ли стороны частнопроводного спора распорядиться фактами в судебном процессе? // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 6. С. 13 – 19; Тариканов Д.В. Изменение иностранных судебных решений об алиментах: конфликты квалификаций // Семейное и жилищное право. 2023. № 3. С. 12 - 16; № 4. С. 12 – 15; Зайцев И. Правовые фикции в гражданском процессе // Российская юстиция. 1997. № 1. С. 35-36

²²⁴ Земскова П.Е. Юридические фикции в современном гражданском процессе России // Legal Bulletin. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-fiksii-v-sovremennom-grazhdanskom-protssesse-rossii> (дата обращения: 06.02.2026).

материальное правоотношение, которое в действительности существовало между сторонами. Это подтверждается тем, что преюдиция имеет субъективные пределы – и в споре о тех же обстоятельствах с участием иных лиц суд не будет связан ранее сделанными в другом решении выводами об обстоятельствах.

С намеренным созданием сторонами с использованием судебного разбирательства фикции наличия между ними правоотношений часто сталкиваются суды и кредиторы при рассмотрении дел о банкротстве, в связи с чем в литературе значительное внимание уделяется возможности и порядку выражения иными кредиторами несогласия с установленными судебными актами обстоятельствами и правоотношениями – так, отмечается, что «процессуальные юридические факты должны противопоставляться кредиторам так же, как и материальные юридические факты», в связи с чем делается вывод, что причинившие вред кредиторам действия и бездействия, совершенные в ходе судебного разбирательства, могут быть оспорены кредиторами²²⁵.

Следовательно, допущение установления фикции преследует цель устранения спорности, которая, как было установлено в первом параграфе первой главы настоящей работы, является одной из основных целей судопроизводства.

Судебное решение, в котором находит закрепление такая фикция, завершает юридический состав, в который входит процессуальное поведение сторон, которое привело к созданию фикции.

Таким образом, процессуальное поведение сторон может являться:

- условием осуществления охранительного притязания (для истца – заявленного в иске; для ответчика – установительного притязания, направленного на устранение правовой неопределенности, возникшей в связи с предъявленными истцом требованиями);
- основанием для возникновения фикции существования материальных

²²⁵ Жестовская Д.А. Противопоставимость судебных актов в банкротстве: к единой модели «Паулианова опровержения» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. № 1. С. 133 - 165.

правоотношений между сторонами, которая в связи с наличием субъективных пределов законной силы судебного решения связывает только участвующих в деле лиц.

Должны ли стороны ставить суд в известность о совершаемых ими в ходе судебного разбирательства действиях, влияющих на динамику спорного правоотношения – например, о частичном или полном исполнении требования, и какие последствия повлечет несообщение о таких обстоятельствах?

В настоящий момент такое требование не имеет прямого законодательного закрепления, и последствия его несоблюдения в судебной практике однозначно не определены. Полагаем, что закрепление такой образности в законодательстве и не требуется. Последствия непредоставления суду доказательств тех обстоятельств, на которые стороны ссылаются в обоснование своих требований, являются едиными для всех юридически значимых обстоятельств. Несобщение суду о факте, произошедшем после возбуждения гражданского дела, влечет такие же негативные последствия, как несообщение о факте, произошедшем до обращения в суд: утрата – как истцом, так и ответчиком – возможности принудительного осуществления притязания, основанного на этом факте.

Таким образом, речь не идет об особенностях совершения юридически значимых для спорного правоотношения действий, а об особенностях и последствиях процессуального поведения сторон.

Данный вывод может быть использован и при решении вопроса о последствиях неуведомления суда о правопреемстве, произошедшем в материальных правоотношениях.

Положения действующего отечественного процессуального законодательства, предполагающие, что процессуальное правопреемство «следует» за материальным, подвергаются в литературе обширной критике²²⁶.

²²⁶ См., напр., *Юдин А. В.* Проблемы процессуального правопреемства, имеющего основанием уступку требования (цессию), в гражданском судопроизводстве // *Арбитражный и гражданский процесс.* 2011. № 12; *Абушенко Д. Б.* Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе. Тверь: Издатель Кондратьев А.Н., 2013.

Д. Б. Абушенко предлагает, с целью устранения существующих недостатков, считать единственным основанием для процессуального правопреемства согласованное процессуальное волеизъявление сторон спора и правопреемника, к которому переходит право требования; материально-правовое основание правопреемства, по мнению автора, в этом случае установлению не подлежит²²⁷. При этом, если такое волеизъявление отсутствует, но истец выбыл из материального правоотношения, считает автор, надлежит вынести решение об отказе в удовлетворении иска (которое не будет связывать правопреемника и лишать его права на предъявление самостоятельного иска)²²⁸.

А. В. Драбанич обосновывает позицию, согласно которой цессия, совершенная в ходе судебного разбирательства, может считаться состоявшейся только в результате ее процессуального оформления (подачи и удовлетворения ходатайства о процессуальном правопреемстве). Согласно ее позиции, цессия, совершенная во время процесса, отличается от цессии «вне процесса»: помимо цели передать (получить) право в материальных правоотношениях кауза такой сделки включает стремление произвести замену лиц в процессуальном правоотношении. Автор констатирует, что в настоящий момент такой подход не закреплен законодательно, однако при включении процессуального оформления в корпус распорядительной сделки цессии будет снят, в частности, вопрос о последствиях отказа cedentа или цессионария от осуществления процессуального правопреемства, т. к. право в этом случае будет считаться не перешедшим²²⁹. Несмотря на то, что в указанной работе рассматривается частный вопрос об оформлении сингулярного правопреемства по результатам уступки в ходе судебного разбирательства, интерес представляет возможность экстраполировать выводы о необходимости т. н. «процессуального оформления» на совершение и

²²⁷ Абушенко Д. Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе. Тверь : Издатель Кондратьев А. Н., 2013. С. 202-203

²²⁸ Там же, С. 216

²²⁹ Драбанич А. В. Правовое значение процессуального оформления сингулярного материального правопреемства: краткий комментарий к судебной практике // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 3. С. 16–21.

иных материально-значимых волевых действий сторон спора, и о последствиях отсутствия такого «процессуального оформления». В частности, если бы речь шла не об уступке прав, а о заключении иного договора, в результате которого спорные права перешли бы к иному лицу (например, договора купли-продажи недвижимости, в отношении которой ранее заявлен и рассматривается негаторный иск) – означало бы отсутствие «процессуального оформления» незаключенность договора купли-продажи? Вряд ли на этот вопрос можно дать положительный ответ.

В связи с этим полагаем, что предложенный выше подход, согласно которому процессуальные действия (и бездействие) сторон не являются юридическими фактами материального права, и, следовательно, сами по себе не прекращают и не изменяют материальных правоотношений, позволяет разграничить материально-правовые последствия уступки прав (или иной сделки, в результате которой спорное право переходит к иному лицу) и процессуально-правовые последствия такой уступки. Отсутствие сделанного в ходе судебного разбирательства заявления о процессуальном правопреемстве, следовательно, не является условием действительности сделки и не должно лишать правопреемника возможности осуществления судебной защиты своих прав в рамках отдельного судебного разбирательства.

Подводя итог изложенному в настоящем параграфе, нужно к следующим выводам о значении судебного решения в динамике спорного правоотношения.

Судебное решение завершает юридический состав в случае, если наступление материально-правовых последствий связано законом с его вынесением. Такое значение имеют судебные решения по преобразовательным требованиям (например, о расторжении договора), а также по ряду исполнительных требований. В частности, согласно ст. 151 ГК РФ, обязанность компенсации морального вреда возлагается на нарушителя только судом, размер такой компенсации также определяется судом. Соответственно, судебное решение в данном случае также порождает права и обязанности.

Решения, в результате которых возникают, изменяются или прекращаются правоотношения, завершают сложный юридический состав, в который входят иные юридические факты материального права, не аккумулируя их. Например, это имеет место в случае признания оспоримой сделки недействительной: такая недействительность является следствием несоответствия сделки предъявляемым требованиям и признания судом наличия такого несоответствия.

Необходимо отличать исполнительные притязания, для которых решение имеет конституирующее значение, от притязаний, в которых размер подтверждается судом. Само по себе установление размера (например, взыскиваемой неустойки, убытков, неосновательного обогащения) представляет собой подтверждение наличия права требования и обязанности по уплате, а не создание права требования. Это следует и из формулировок закона: в упомянутой ст. 151 ГК РФ, а так же ст. 1101 ГК РФ речь идет о «возложении судом обязанности» и определении судом размеров компенсации в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий; в ст. 1102, 1105 ГК РФ – лицо обязано возвратить неосновательно приобретенное или сбереженное имущество, в случае невозможности возвратить в натуре – возместить потерпевшему действительную стоимость этого имущества на момент его приобретения. В случае уменьшения судом размеров подлежащей взысканию суммы (например, неустойки на основании ст. 333 ГК РФ) речь также не идет об изменении материального правоотношения – суд ограничивает возможность принудительного осуществления определенной суммой. Исходя из этого должен определяться, в частности, и момент, с которого начисляются проценты за пользование чужими денежными средствами. Поэтому, например, нельзя признать правильной существовавшую практику начисления процентов за пользование чужими денежными средствами только с момента вступления в силу решения по спорам о взыскании страхового возмещения (см., напр., Определение Санкт-Петербургского городского суда от 15 августа 2012 г. № 33-11335, Определение Санкт-Петербургского городского суда от 11 февраля 2013 г. № 33-1959/2013). Суды ссылались на то, что обязанность по уплате страхового

возмещения в соответствующем объеме возникла только из судебного решения, хотя исходя из положений закона обязанность по осуществлению выплаты возникает в момент наступления страхового случая. Впоследствии такой подход был скорректирован: в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2013 года, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 5 февраля 2014 г., была сформулирована позиция, согласно которой нарушение сроков выплаты страхового возмещения в пределах страховой суммы представляет собой нарушение исполнения страховщиком денежного обязательства перед страхователем, за которое ст. 395 ГК РФ предусмотрена ответственность в виде уплаты процентов, начисляемых на сумму подлежащего выплате страхового возмещения.

Момент наступления юридически значимых последствий при вынесении преобразовательного судебного решения может различаться в зависимости от того, является ли судебное решение обязательным элементом сложного юридического состава в силу закона (например, расторжение брака при наличии несовершеннолетних детей), или связано с наличием спора о праве, и при его отсутствии правоотношения могли бы быть прекращены по соглашению сторон.

В первом названном случае наступление правового эффекта (прекращение правоотношения) в связи с принятием судебного решения не может быть ретроспективным, так как в этой ситуации законодатель намеренно включает период судебного разбирательства в состав терминальной стадии правоотношения, отделяя момент возникновения воли на прекращение правоотношений и момент их прекращения на основании судебного решения. Во втором случае обоснованным является прекращение судом правоотношения с момента, когда наступили все иные элементы юридического состава, необходимого для прекращения правоотношения, фактически регулятивные правоотношения не осуществлялись (например, было освобождено арендованное помещение, не осуществлялись поставки товара), и

стороной, впоследствии обратившейся за прекращением в юрисдикционном порядке, была доведена до контрагента воля на прекращение правоотношения²³⁰.

Решение, которым требования истца, вытекающие из материальных правоотношений, удовлетворяются, воплощает результат судебного осуществления охранительного притязания. Как указывалось во втором параграфе первой главы настоящей работы, под притязанием понимается подлежащее юрисдикционной, в том числе судебной, защите требование управомоченного субъекта о принудительном осуществлении спорной обязанности. В случае удовлетворения установительного или преобразовательного притязания защита права осуществляется в результате вступления решения в законную силу, в связи с чем охранительное притязание прекращается; если такое притязание существовало в составе охранительного правоотношения – оно также прекращается (например, охранительное правоотношение, существовавшее для расторжения договора). В случае с исполнительным притязанием решение, которым удовлетворен иск, предоставляет возможность принудительного исполнения, тем самым реализуя такое притязание – и устраняет его «напряженный характер», в результате чего оно становится снабженным возможностью принудительного осуществления правомочием в составе регулятивного правоотношения (если охранительное правоотношение не возникало) или в составе охранительного правоотношения, которые сохраняются до момента исполнения (принудительного или добровольного). Поскольку притязание превратилось в правомочие, после вынесения решения по такому делу не возобновляется течение срока исковой давности (который перестал течь в момент обращения за осуществлением притязания - судебной защитой), а начинает течь срок на принудительное исполнение (ст. 21 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»²³¹).

Наступают ли вышеуказанные последствия в момент вынесения

²³⁰ Калис М. Н. Динамика материального правоотношения на терминальной стадии // Юридические исследования. 2025. № 4. С. 64–77.

²³¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

решения или в момент его вступления в законную силу? Между вынесением решения суда и его вступлением в законную силу процессуальная деятельность сторон – если решение ими обжаловано – имеет целью изменение или отмену судебного решения. Существует ряд ограничений, связанных с невозможностью изменять предмет и основание иска, увеличивать размер исковых требований (ч. 6 ст. 327 ГПК РФ, ч. 3 ст. 266 АПК РФ), однако и они не являются абсолютными, т. к. не применяются при переходе к рассмотрению дела по правилам первой инстанции (ч. 5 ст. 330 ГПК РФ, ч. 6.1 ст. 268 АПК РФ). Следовательно, причиной таких ограничений является не то, что притязание уже прекратилось, а исключительно процессуальное соображение (так как апелляционное обжалование по действующему законодательству строится преимущественно по модели «неполной апелляции»). Поэтому полагаем, что и спор о праве, и охранительное притязание прекращаются при вступлении решения в законную силу, а не при его вынесении.

Отдельно необходимо также обозначить материально-правовое значение решения суда, которым в удовлетворении иска отказано в связи с пропуском срока исковой давности – так как оно, в отличие от иных решений об отказе в удовлетворении иска, основано не на констатации отсутствия спорных прав. Истечение срока давности, согласно господствующей в отечественной доктрине теории, не является основанием прекращения обязательства²³². Также истечение срока исковой давности накладывает ограничения на возможность зачета: не допускается зачет «активного» требования (требования стороны, заявляющей о зачете) с истекшим сроком исковой давности²³³, так как в этом случае происходило бы принудительное осуществление помимо воли обязанного лица. При этом зачет «пассивного» заданного требования (требования к стороне, заявляющей о зачете) не запрещается, потому что в таком случае само обязанное лицо соглашается на осуществление такого

²³² *Гражданское право: учебник* : в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2023. Т. 1. С. 621.

²³³ *Пункт 18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств».*

права.

При обращении в суд с пропуском срока исковой давности заявление стороны о том, что срок давности пропущен, является условием применения последствий пропуска срока. Полагаем, что отсутствие возражения в данном случае по своему правовому значению приравнивается к согласию обязанного лица на осуществление права.

Таким образом, истечение срока исковой давности препятствует осуществлению права помимо воли обязанного лица, но не препятствует добровольному исполнению. Так, переданное во исполнение обязательства в связи с истечением срока исковой давности не может быть истребовано и не является неосновательным обогащением (ст. 206, ст. 1109 ГК РФ).

Как было указано ранее, возможность осуществления помимо воли управомоченного лица является, по мнению многих исследователей, отличительной особенностью именно охранительного правоотношения. Придерживаясь такого подхода, следовало бы прийти к выводу, что истечение срока исковой давности влечет прекращение охранительного правоотношения – ведь оно утрачивает свой «имманентный признак».

Однако полагаем, что с истечением срока исковой давности прекращается только охранительное притязание, позволяющее осуществлять правоотношение независимо от воли другой стороны, но не какое-либо материальное правоотношение в целом. Поэтому исследование значения истечения срока исковой давности в динамике правоотношения подтверждает высказанную позицию о разграничении понятий охранительных правоотношений и охранительных притязаний.

Согласно пункту 1 статьи 207 ГК РФ с истечением срока исковой давности по главному требованию считается истекшим срок исковой давности и по дополнительным требованиям (проценты, неустойка, залог, поручительство, требование о возмещении неполученных доходов при истечении срока исковой давности по требованию о возвращении неосновательного обогащения и т. п.), в том числе возникшим после начала течения срока исковой давности по главному

требованию, однако вывод о прекращении указанных обязательств в связи с истечением срока давности по основному обязательству, не делается. В литературе²³⁴, а также в проекте концепции развития законодательства о вещных правах²³⁵ обосновывалась необходимость закрепления такого основания прекращения залога, как истечение срока исковой давности по основному обязательству – при этом речь в указанных источниках идет о прекращении залогового правоотношения по аналогии с прекращением поручительства в случае непредъявления требований к поручителю.

Положения пункта 4 статьи 234 ГК РФ, согласно которым срок приобретательной давности начинает течь только после истечения срока исковой давности для предъявления виндикационного иска об истребовании соответствующей вещи, также могли бы свидетельствовать в пользу того, что при прекращении срока исковой давности прекращается охранительное виндикационное притязание – и помимо воли владеющего лица вещь не может быть возвращена собственнику.

Таким образом, истечение срока исковой давности влечет прекращение не охранительного правоотношения в целом, а только охранительного притязания, входящего в его содержание и позволяющего «преодолевать»

²³⁴ *Сорокин В. А.* К вопросу о прекращении залога после истечения срока исковой давности по обеспечиваемому обязательству // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 4. С. 70–81.

²³⁵ *Концепция* развития законодательства о вещном праве // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. 2009. № 4. С. 169: «следует создать механизм, позволяющий залогодателю освободить заложенное имущество от залога (прекращать залог), в случае истечения срока исковой давности по основному требованию и/или по требованию дополнительному. Поскольку истечение срока исковой давности по главному требованию влечет истечение срока исковой давности и по дополнительным требованиям (неустойка, залог, поручительство и т. п.), но не влечет прекращения ни самого главного требования, ни дополнительного требования (ст. 207 ГК РФ). При залоге, особенно если залогодержатель имеет право обратить взыскание на заложенное имущество, во внесудебном порядке, действующее законодательство, с одной стороны, не предусматривает возможности заявления залогодателем возражений, связанных с пропуском залогодержателем срока исковой давности вне суда, с другой – не дает права залогодателю заявить требование о прекращении залога. Возможно, следует дать залогодателю право потребовать в суде прекращения залога в случае истечения срока исковой давности. Такое право дано залогодателю п. 3 ст. 343 ГК РФ при грубом нарушении залогодержателем обязанностей, создающем угрозу утраты или повреждения заложенного имущества».

отсутствие воли обязанного лица на исполнение обязательств. Правоотношения, лишившись возможности принудительного осуществления, сохраняются в «натуральном» состоянии²³⁶.

§3. Последствия устранения спора в ходе судебного разбирательства

Помимо значения процессуального поведения сторон и судебного решения, отдельно необходимо рассмотреть вопрос о последствиях действий сторон, направленных на прекращение спора о праве. Это могут быть как совместные распорядительные действия – заключение мирового соглашения, так и односторонние действия – добровольное удовлетворение требований ответчиком, отказ истца от иска.

Право лиц распоряжаться правами по своему усмотрению составляет содержание принципа диспозитивности. Среди исследователей нет единства относительно того, происходит ли при распоряжении процессуальными правами и распоряжение правами материальными. Те из них, которые отрицают возможность признания за процессуальными распорядительными действиями материально-правовой природы, указывают на то, что законодательство (в настоящее время – ст. 39 ГПК РФ, ст. 49 АПК РФ) не требует от лиц, участвующих в деле, указывать причины признания иска или отказа от иска, а потому нельзя квалифицировать эти действия как юридически значимые с точки зрения материального права²³⁷. Также исследователи отмечают, что мотивы отказа от иска юридического значения не имеют: М. А. Рожкова указывает, что «истец может отказаться от иска по причине отпадения необходимости в государственном принуждении»²³⁸, а согласно мнению Г. Л. Осокиной, «в силу действия принципа

²³⁶ См., напр., *Мертвицев А. В.* Натуральные обязательства в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. Екатеринбург, 2012. 22 с.

²³⁷ *Пятилетов И.М.* Распоряжение сторон гражданскими материальными и процессуальными правами в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1970. С. 20.

²³⁸ *Рожкова М. А.* Мировая сделка: использование в коммерческом обороте. М.: Статут,

диспозитивности отказ истца от иска может быть обусловлен различными причинами: от юридически нейтральных, т. е. не связанных с изменением материально-правового положения истца как предполагаемого субъекта спорного правоотношения, до юридически значимых (например, связанных с добровольным исполнением обязательства, прощением долга)»²³⁹.

Отказ от иска является безусловным действием – истец отказывается от возможности повторного обращения в суд с тождественным иском (ст. 221 ГПК РФ, ч. 3 ст. 150 АПК РФ), то есть отказывается от охранительного притязания. Сами материальные правоотношения при этом могут и не прекратиться, если для этого не наступили соответствующие материально-правовые основания (например, прощение долга).

Мировое соглашение, в отличие от отказа от иска, предполагает урегулирование спора сторонами на определённых условиях. Высший Арбитражный Суд РФ в пункте 9 Постановления № 50 от 18 июля 2014 г. «О примирении сторон в арбитражном процессе»²⁴⁰ указывал, что мировое соглашение является сделкой между сторонами, и к такой сделке применяются как нормы процессуального права, так и нормы гражданского права о договорах. В том же Постановлении указывается (п. 15), что в случае, если стороны при заключении мирового соглашения прямо не оговорили в нем иные правовые последствия для соответствующего правоотношения (включающего как основное обязательство, из которого возникло заявленное в суд требование (требования), так и дополнительные), такое соглашение сторон означает полное прекращение спора, возникшего из этого правоотношения, а потому последующее выдвигание в суде новых требований из того же правоотношения, независимо от того, возникло такое требование из основного либо из дополнительного обязательства, не допускается.

Исследователи также обращают внимание на то, что мировое соглашение

2005. URL https://rozhkova.com/books_text/MSIKO.pdf (дата обращения: 01.10.2024).

²³⁹ *Осокина Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М., 2004. С. 168.

²⁴⁰ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. № 9.

выступает одновременно юридическим фактом и материального, и процессуального права, и в зависимости от правовых последствий, мировые соглашения предлагается подразделять на подтверждающие и преобразовательные²⁴¹. Существует и дискуссия относительно значения определения об утверждении мирового соглашения для наступления указанных в нем правовых последствий: ряд исследователей полагают, что мировое соглашение не является заключенным, если оно не было утверждено судом; иные же считают, что такое мировое соглашение может иметь самостоятельное материально-правовое значение²⁴². Д. Б. Абушенко предлагает подразделять материально-правовые последствия не утвержденных мировых соглашений в зависимости от того, отказано ли в их утверждении судом или данный вопрос еще судом не разрешен²⁴³. Он обосновывает, что сторона не вправе уклониться от поддержания в суде, подписанного ею, но не утвержденного мирового соглашения, а потому если подписанное обеими сторонами соглашение представлено в суд одной из сторон и не имеется иных причин для отказа в его утверждении, суду надлежит утвердить такое соглашение.

В контексте данной работы наибольший интерес представляет то, каким образом мировое соглашение влияет на охранительное притязание и спор о праве. Полагаем, что утверждение судом мирового соглашения во всех случаях прекращает спор о праве; существующее охранительное притязание может быть либо прекращено и заменено на иное (например, в случае замены предмета исполнения), либо изменено (например, путем установления рассрочки исполнения обязательства). Влияние на регулятивное правоотношение может отличаться в зависимости от условий мирового соглашения. Например, в случае, если стороны

²⁴¹ *Двуречинский Д. В.* Судебное признание в содержании мирового соглашения как юридический факт материального права // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 6. С. 26–30.

²⁴² *Кожевникова В. О., Чугурова Т. В.* Понятие и сущность мирового соглашения как результата примирительных процедур в российском праве // Актуальные проблемы правоведения. 2022. № 2 (74). С. 17–23. doi:10.46554/APJ-2022.2(74)-pp.17-23.

²⁴³ *Абушенко Д. Б.* Процессуально-правовые последствия неутвержденного мирового соглашения в исковом производстве: опыт анализа по законодательству Российской Федерации // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2019. № 6. С. 92–116.

приходят к соглашению о продолжении арендных отношений и об изменении размера арендной платы по итогам рассмотрения спора о расторжении договора аренды, меняется именно регулятивное правоотношение (условия договора аренды).

В случае неисполнения условий, закрепленных в мировом соглашении, оно подлежит принудительному исполнению на основании ходатайства лица, заключившего мировое соглашение (ст. 153.11 ГПК РФ, ст. 142 АПК РФ). Это подтверждает охранительный характер притязания, измененного или возникшего из мирового соглашения: оно сохраняет способность к принудительному осуществлению. Однако необходимо определить и пределы применения данных положений. В случае, если мировое соглашение изменяет регулятивные правоотношения на будущий период (как в приведенном выше примере с изменением размера арендной платы), споры, которые могут в будущем возникнуть в связи с невнесением такой арендной платы, должны будут разрешаться в рамках отдельных судебных разбирательств. Таким образом, принудительное исполнение мирового соглашения возможно лишь в отношении тех охранительных притязаний, которые были предметом спора или возникли вместо них из мирового соглашения.

Процессуальными последствиями заключения мирового соглашения и отказа от иска является прекращение производства по делу (ст. 220 ГПК РФ, ст. 150 АПК РФ).

Переходя к вопросу о процессуальных последствиях действий, направленных на добровольное удовлетворение требований истца, отметим, что в первом параграфе настоящей главы был проведен анализ влияния устранения нарушения на различные виды спорных материальных правоотношений. Было определено, что не любые действия ответчика, направленные на исполнение обязательств перед истцом, должны рассматриваться как прекращающие охранительное притязание и ликвидирующие спор о праве: если охранительное правоотношение, возникающее в результате нарушения, имеет иное содержание, чем существующее или существовавшее до нарушения регулятивное правоотношение либо направлено на

устранение правовой неопределенности – совершение действий по исполнению обязанностей, входящих в содержание регулятивного правоотношения, не приведет к устранению охранительного притязания и спора о праве.

В связи с этим далее под исполнением требований истца ответчиком мы будем понимать именно удовлетворение заявленных притязаний – в тех случаях, когда это возможно осуществить путем односторонних действий ответчика (например, погашение взыскиваемой задолженности, возврат истребуемой вещи).

Удовлетворение требований истца после предъявления иска в законодательстве фигурирует только в качестве основания для взыскания судебных расходов с ответчика в случае, когда истец по указанной причине более не поддерживает исковые требования (ч. 1 ст. 101 ГПК РФ). Как разъясняется в пункте 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», при прекращении производства по делу ввиду отказа истца от иска в связи с добровольным удовлетворением его требований ответчиком после обращения истца в суд судебные издержки взыскиваются с ответчика (часть 1 статьи 101 ГПК РФ, часть 1 статьи 113 КАС РФ, статья 110 АПК РФ). При этом следует иметь в виду, что отказ от иска является правом, а не обязанностью истца, поэтому возмещение судебных издержек истцу при указанных обстоятельствах не может быть поставлено в зависимость от заявления им отказа от иска. Следовательно, в случае добровольного удовлетворения исковых требований ответчиком после обращения истца в суд и принятия судебного решения по такому делу судебные издержки также подлежат взысканию с ответчика.

Поэтому суды, установив, что требования истца добровольно исполнены ответчиком после предъявления иска, при отсутствии заявления истца об отказе от иска, как правило, выносят решения об отказе в удовлетворении иска²⁴⁴. Иногда это

²⁴⁴ См., напр., 33. *Решение* Московского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 2-2651/2010 от 7 июня 2010 г. // Сайт Московского районного суда г. Санкт-Петербурга, URL: https://msk--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=

происходит даже в случае, если удовлетворение требований произошло на стадии апелляционного обжалования²⁴⁵ – хотя такой подход нельзя признать распространенным – чаще суды указывают, что исполнение после вынесения решения не является основанием для его изменения или отмены²⁴⁶.

Аналогичный подход к последствиям добровольного удовлетворения заявленных требований в ходе судебного разбирательства продемонстрирован, в частности, в абз. 2 п. 2 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 18 января 2011 г. № 144²⁴⁷, согласно которому «решение принимается судом исходя из установленных им фактов, существующих на дату принятия решения, а не на дату предъявления иска», в связи с чем предоставление запрашиваемой участником хозяйственного общества информации после предъявления иска является основанием для отказа в удовлетворении исковых требований²⁴⁸.

Насколько принятие решения об отказе в удовлетворении иска в ситуации, когда требование добровольно удовлетворено ответчиком, является теоретически обоснованным?

Т. М. Яблочков считал, что «благоприятные» иску факты, т. е. процессуальные основания иска, должны иметь место на момент *litis contestatio*, а «неблагоприятные», то есть основания возражений – например, добровольное удовлетворение требований истца после предъявления иска – могут учитываться, если возникли до момента вынесения решения²⁴⁹.

114418632&case_uid=2D31DA4D-885F-4242-BEB5-E8918FC0CA7F&delo_id=1540005 (дата обращения: 20.04.2017); *Решение* Московского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 2-3155/2010 от 14 июля 2010 г. // Сайт Московского районного суда г. Санкт-Петербурга, URL: https://msk--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=525795391&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения: 20.04.2017).

²⁴⁵ *Постановление* ФАС Волго-Вятского округа от 4 октября 2012 г. по делу № А82-17930/2011.

²⁴⁶ См., напр., *Постановление* Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июня 2021 г. по делу № А56-94765/2020; *Постановление* Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 января 2016 г. № 18АП-15916/2015 по делу № А07-20197/2015.

²⁴⁷ Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Яблочков Т. М. Судебное решение и спорное право // Вестник гражданского права. 1916. № 7. С. 59-60.

В современной процессуальной литературе при обсуждении вопроса о возможности учета добровольного удовлетворения иска после его предъявления и его процессуальных последствиях авторы также обращаются к конструкциям римского гражданского процесса. Соглашаясь с правильностью наиболее распространенного в судебной практике подхода, в соответствии с которым в случае удовлетворения требований истца необходимо вынести решение об отказе в удовлетворении иска, исследователи приходят к выводу, что такой подход «наиболее согласуется с подзабытой категорией *litis contestatio*, которая в свое время заставляла обсуждать исключительно спорное материальное правоотношение и во многом предопределяла надобность вынесения судебного вердикта; а равно с постулатами права на иск, а именно права на удовлетворение иска, предпосылками которого выступают обстоятельства материально-правового характера»²⁵⁰.

Следует, однако, отметить, что в римском гражданском процессе отсутствовал институт окончания рассмотрения дела без вынесения решения в современном его понимании²⁵¹, а потому в данном контексте отсылка к положениям римского права не может служить убедительным доводом. В современном процессе, в свою очередь, отсутствует *litis contestatio* как момент процессуального оформления спора по заявленным требованиям, который обладал «новирующим» значением (ранее существовавшее обязательство заменялось обязанностью, основанной на судебном решении), а также «консервировал» спор в заявленном состоянии²⁵², а потому спор о последствиях удовлетворения требований после *litis contestatio* существовал и среди римских юристов.

При этом отечественному процессуальному законодательству знаком и иной

²⁵⁰ См., напр.: *Афанасьев С. Ф.* О влиянии добровольного удовлетворения ответчиком исковых требований на динамику гражданского процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 4. С. 17–21; *Афанасьев С. Ф., Филимонова М. В.* О влиянии добровольного удовлетворения ответчиком исковых требований на динамику и итоги гражданского процесса // Вестник гражданского процесса. 2016. № 3. С. 52–67.

²⁵¹ *Мордасов Е. В., Дайнеко М. М.* Окончание производства по делу без вынесения решения по существу // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2014. № 3-2. С. 191.

²⁵² *Дождев Д. В.* Римское частное право / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 3-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. С. 237.

подход к рассматриваемому вопросу. Так, согласно ч. 2 ст. 194, п. 1 ч. 2 ст. 214 и ч. 2 ст. 225 КАС РФ, отмена оспариваемого акта (как нормативного, так и ненормативного), если он перестал затрагивать права, свободы и законные интересы административного истца, может являться основанием именно для прекращения производства по делу. В Определении Конституционного Суда РФ от 12 мая 2005 г. № 244-О высказывалась позиция, что именно по делам, связанным с защитой публичных правоотношений, суд не должен прекращать производство по делу лишь на том основании, что оспариваемый акт утратил силу, т. к. целью таких видов производства является проверка законности. Вместе с тем, именно в рамках КАС РФ суды получили такую возможность. За судами оставлено право пользоваться ею в зависимости от конкретных обстоятельств дела.

Полагаем, что распространение такого подхода на гражданский и арбитражный процесс имеет и практическое, и теоретическое обоснование²⁵³.

В частности, он позволил бы решить ряд практических проблем, которые в настоящий момент либо не имеют решения, либо существующее решение входит в противоречие с имеющимся правовым регулированием.

Во-первых, это позволит учитывать добровольное удовлетворение требований, произошедшее после вынесения решения, и тем самым избежать рисков неосновательного обогащения истца. В настоящий момент, как было указано выше, единый порядок учета исполнения требований после вынесения решения, но до его вступления в законную силу, отсутствует.

Во-вторых, данное решение избавит от необходимости искать обоснования тому, почему при вынесении решения об отказе в удовлетворении иска право на возмещение судебных расходов все равно имеет истец. Такое объяснение в настоящий момент дано в п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела», однако оно

²⁵³ *Калис М. Н.* Материально-правовые и процессуальные последствия прекращения спора о праве // Журнал правовых и экономических исследований. Journal of Legal and Economic Studies, 2025, 2: 147–153.

не укладывается в формальное правило о возмещении издержек проигравшей стороной.

В-третьих, прекращение производства по делу вместо вынесения решения соответствует целям процессуальной экономии: для вынесения решения необходимо перейти в стадию судебного разбирательства, исследовать доказательства, перейти к прениям, а в решении необходимо будет отразить установленные обстоятельства; прекращение производства по делу возможно и на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, без установления иных обстоятельств дела.

Для теоретического обоснования данной позиции необходимо исследовать вопрос о том, прекращается ли спор о праве в результате добровольного удовлетворения требований или нет.

Если придерживаться позиции, что в случае добровольного удовлетворения требований истца ответчиком после возбуждения дела в суде необходимо выносить решение об отказе в удовлетворении иска, необходимо признать, что спор после добровольного удовлетворения сохраняется, но становится «необоснованным», как если бы истец предъявил требования в суд уже после получения исполнения. Однако при таком подходе не учитывается, что суд с момента обращения к нему за разрешением спора, хотя и не становится стороной материальных отношений, но, участвуя в разрешении спора, наделен возможностью и обязанностью констатировать его прекращение.

Несмотря на то, что суд действительно должен учитывать обстоятельства, произошедшие в отношениях сторон к моменту вынесения решения, это не означает, что суд не может дифференцировать процессуальные последствия этих обстоятельств в зависимости от того, когда именно они возникли.

Полагаем, что поведение истца после передачи спора на рассмотрение суда не может являться единственным условием сохранения спора о праве, т. к. спор уже перестал быть только состоянием «противоречия» между требованиями истца и поведением ответчика, а стал предметом судебного разбирательства.

В связи с этим удовлетворение притязания управомоченного лица

до обращения в суд и после обращения в суд не должно влечь одинаковых последствий. В первом случае процессуальных отношений еще не существовало, а во втором случае истец и ответчик связаны не только материальными отношениями друг с другом, но и процессуальными отношениями с судом. В первом случае, осуществляя исполнение, обязанное лицо имеет целью прекратить охранительное притязание и не допустить обращения уполномоченного лица в суд; во втором случае, когда такое обращение уже состоялось, цель исполнения – прекратить не только охранительное притязание, но и разрешаемый судом спор, и тем самым не допустить вынесения решения об удовлетворении иска.

Следует ли распространить данный вывод на последствия удовлетворения требований истца после вынесения судебного решения, но до его вступления в законную силу?

Это позволило бы избежать возникновения неосновательного обогащения в связи с повторным получением исполнения, и данная цель видится более рациональной, чем отстаивание «неопровержимости» установленных решением обстоятельств, тем более с учетом сказанного выше о преюдициальности. Однако вряд ли ссылка на такие обстоятельства возможна в рамках исполнительного производства (как на фактическое исполнение судебного решения) – так как судебный пристав не наделен возможностями соотнести произведенное до вынесения решение исполнение с исполнением такого решения.

Полагаем, что с учетом сделанного по результатам второго параграфа вывода о том, что спор о праве и притязание сохраняются до вступления решения в силу, и во избежание споров, возникающих в связи с вступлением в силу уже исполненных решений, прекращение производства по делу должно осуществляться судами и при рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции, в случае установления факта исполнения требований истца после вынесения решения, но до его вступления в силу. Обоснованием такого подхода может являться то, что добровольное удовлетворение требований является действием, направленным на примирение – которое, в силу ч. 4 ст. 153.1 ГПК РФ, ч. 4 ст. 138 АПК РФ. Если мы допускаем признание иска ответчиком на любой стадии – хотя оно для

исполнительных притязаний не влечет восстановления прав – было бы странно не поощрять готовность ответчика к удовлетворению требований.

После вступления решения в силу может быть применена предлагаемая Д. Б. Володарским для учета обстоятельств, произошедших после вынесения решения, конструкция «иска против принудительного исполнения» (или возражений против принудительного исполнения)²⁵⁴. Соответствующие вопросы могли бы разрешаться судом в рамках производства, связанного с исполнением судебных постановлений (раздел VII в АПК РФ и ГПК РФ), по аналогии с рассмотрением вопросов о прекращении исполнительного производства.

Таким образом, удовлетворение притязания истца должно рассматриваться как основание для прекращения производства по делу судом первой или апелляционной инстанции, если оно произведено до окончания рассмотрения дела в суде соответствующей инстанции, даже если сторона не заявляла о таком удовлетворении в первой инстанции, поскольку такое удовлетворение прекращает и спор о праве, и охранительное правоотношение.

Должны ли аналогичные процессуальные последствия наступать в случае, если устранение спора в ходе судебного разбирательства происходит по иным основаниям, не связанным с удовлетворением притязания истца – например, в описанных в параграфе 1 главы 2 настоящей работы случаях, когда стороны в ходе судебного разбирательства заключают соглашение о продлении сроков исполнения обязательства, доводят данную информацию до суда, но при этом не облачают данное соглашение в форму мирового соглашения? В отличие от обстоятельств, которые окончательно повлекли прекращение спора (удовлетворение притязания, отказ от иска, смерть стороны в правоотношениях, не допускающих правопреемства) в этом случае спор может возникнуть вновь – если и в новый установленный сторонами срок должник не исполнит обязательство, однако основание его возникновения будет отличаться (к числу оснований будет относиться нарушение нового срока, который был установлен дополнительным

²⁵⁴ *Володарский Д. Б. Субъективное право и законная сила судебного решения: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2013.*

соглашением). Если бы стороны облекли данную договоренность в форму мирового соглашения, то правомочие на получение исполнения получило бы возможность принудительного осуществления без обращения с новым иском (в порядке выдачи исполнительного листа на принудительное исполнение мирового соглашения), однако принудить стороны заключить мировое соглашение и создать такие последствия суд не может. От описанной нами ранее ситуации, в которой спор устраняется в результате односторонних действий обязанного лица, направленных на тот же результат, исследуемый нами случай отличается тем, что в устранении спора участвуют обе стороны правоотношения – однако полагаем, что это обстоятельство не должно иметь значения для определения процессуального последствия таких действий, т.к. их цель, как и в случае с удовлетворением требований истца после обращения в суд – не допустить вынесения судебного решения об удовлетворении иска по заявленным требованиям. В связи с этим полагаем, что и в данном случае наиболее соответствующим процессуальным последствием устранения спора в ходе судебного разбирательства является прекращение производства по делу.

Таким образом, для унификации подходов к трактовке добровольного выполнения ответчиком требований истца, а также иных действий, направленных на устранения спора, после предъявления иска в суд целесообразно дополнить ч. 1 ст. 150 АПК РФ пунктом 8, и ст. 222 ГПК РФ абзацем 9 следующего содержания: «исполнение ответчиком требований истца или совершения сторонами иных действий, влекущих прекращение заявленного требования, после предъявления истцом искового заявления и до вступления решения в законную силу», тем самым отнеся указанное обстоятельство к основаниям прекращения производства по делу.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное в диссертационной работе исследование, затрагивающее ключевые аспекты динамики спорного материального правоотношения, позволило получить следующие научные результаты, обладающие признаками новизны:

Во-первых, сформулировано авторское определение спорного материального правоотношения, не закрепленное в действующем законодательстве Российской Федерации и не получившее системного отражения в российской правовой доктрине. Спорное материальное правоотношение определено как предположительно существующее материальное правоотношение, содержанием которого являются права и обязанности, возникающие в связи с предполагаемым нарушением или оспариванием права. Права не могут быть осуществлены управомоченным лицом самостоятельно, и обращение управомоченного лица в суд делает спорное правоотношение предметом судебной деятельности, направленной на устранение его спорности путем установления юридически значимых обстоятельств.

Во-вторых, определены и систематизированы последствия нарушения и оспаривания прав для материального правоотношения, для чего разработана классификация спорных правоотношений в зависимости от юридических последствий нарушения или оспаривания права:

Группа 1. Регулятивное правоотношение существует до нарушения и сохраняется после нарушения, новое правоотношение для восстановления нарушенного права не возникает – управомоченное лицо вправе требовать исполнения обязанностей, предусмотренных регулятивным правоотношением.

Группа 2. Регулятивное правоотношение существовало на момент нарушения и прекратилось в связи с нарушением (или же по причине наличия нарушений регулятивного правоотношения не было), для восстановления прав возникло правоотношение с иным содержанием, требования которого подлежат принудительной реализации.

Группа 3. Регулятивное правоотношение существовало на момент нарушения, не прекратилось в связи с нарушением, охранительное правоотношение имеет иное содержание по сравнению с регулятивным (применение штрафных санкций, восстановление возможности нормального осуществления регулятивного правоотношения, а также изменение или прекращение регулятивных правоотношений).

Группа 4. Требование управомоченного субъекта направлено на устранение неопределенности и признание регулятивного правоотношения существующим или, напротив, отсутствующим.

В указанных группах правоотношений также выделены подгруппы в зависимости от природы существующего (или ранее существовавшего) регулятивного правоотношения и содержания охранительного притязания.

В-третьих, определено, какое значение для динамики материального правоотношения может иметь предъявление требования обязанному лицу. Хотя по общему правилу спор о праве и охранительное притязание возникают одновременно с нарушением или оспариванием субъективного права, и в таких случаях предъявление требования направлено на досудебное урегулирование существующего спора, при отсутствии тождества между нарушителем и обязанным лицом (например, при предъявлении требования к поручителю, залогодателю), а также в случаях, когда содержание охранительного притязания отличается от содержания регулятивного права и зависит от выбора управомоченным лицом одно из альтернативных способов защиты, охранительная правовая связь и спор о праве возникают только после предъявления требования обязанному лицу и при условии его неисполнения. Для случаев, когда управомоченное лицо не осуществляет выбор способа защиты нарушенного права, следует исходить из возможности осуществления выбора способа восстановления нарушенного права самим обязанным лицом по аналогии с последствиями уклонения от выбора в альтернативном обязательстве. Также в случаях, когда охранительное правоотношение возникает в результате предъявления требования, необходимо законодательно закрепить обязательность направления досудебного

требования, поскольку предъявление иска должно осуществляться после возникновения спора о праве.

Также обосновано, что утрата акцессорности обеспечительными обязательствами, выражающаяся в том, что при ликвидации основного должника обеспечительное обязательство не прекращается, если требование (как в судебном, так и в досудебном порядке) уже предъявлено к залогодателю или поручителю, связана с возникновением в результате предъявления требования к указанным лицам охранительного правоотношения с множественностью лиц на стороне должника.

В-четвертых, сформулированы правила учета обстоятельств, влекущих изменение спорного материального правоотношения, произошедших после возникновения спора.

Устранение нарушения права, ставшего причиной возникновения спорного правоотношения, не всегда повлечет его прекращение: это произойдет только в случаях, когда содержание спорного правоотношения совпадает с регулятивным правоотношением (по приведенной классификации – правоотношения из группы 1). В иных случаях, когда возникло отличающееся по содержанию охранительное правоотношение (группы правоотношений 2 и 3), прекратить его устранением нарушения регулятивного правоотношения невозможно. В группе 4 устранение правовой неопределенности при оспаривании прав достижимо именно в результате судебного установления содержания правоотношения или отсутствия правоотношения, в связи с чем обязанное лицо также лишено возможности прекратить спор своими односторонними действиями.

Регулятивное и охранительное правоотношение могут развиваться максимально автономно друг от друга (включая существование одного после прекращения другого, переход к разным лицам) в случае, когда речь идет об охранительных правоотношениях по применению мер ответственности к нарушителю. В иных случаях в группе 1 и 3, по общему правилу, изменение содержания и субъектного состава регулятивного правоотношения влечет аналогичные изменения для охранительного правоотношения. В некоторых

случаях изменение регулятивного правоотношения повлечет либо прекращение охранительного притязания (например, в случае продления срока исполнения спорной обязанности), либо поставит под сомнение возможность принудительного осуществления притязания, направленного на прекращение правоотношения (в случае совершения действий, подтверждающих намерение сохранить правоотношение).

Поскольку нормы права являются предпосылками возникновения правоотношений, в случае, когда охранительная правовая связь уже возникло, суд при рассмотрении дела должен применять нормы, существовавшие на момент такого нарушения, даже если впоследствии они претерпят изменения.

В-пятых, охарактеризовано влияние процессуального поведения сторон и судебного решения на спорное материальное правоотношение.

Процессуальное поведение сторон является условием осуществления охранительного притязания: для истца – заявленного в иске; для ответчика – установительного притязания, направленного на устранение правовой неопределенности, возникшей в связи с предъявленными им требованиями. Однако в случае вольного или невольного расхождения между действительно существующими и установленными в результате процессуального поведения обстоятельствами, процессуальное поведение выступает основанием для возникновения фикции существования материальных правоотношений между сторонами. Такая фикция в связи с наличием субъективных пределов законной силы судебного решения связывает только участвующих в деле лиц, являясь самостоятельным основанием для осуществления имущественных предоставлений, и не замещает действительно существующие материальные правоотношения сторон, которые могут быть установлены при рассмотрении дел с участием иных лиц.

Момент наступления материально-правовых юридически значимых последствий при вынесении преобразовательного судебного решения может различаться в зависимости от того, является ли судебное решение обязательным элементом сложного юридического состава в силу закона (например, расторжение

брака при наличии несовершеннолетних детей) – в таком случае последствия могут наступать только при вступлении решения в силу, или же потребность в завершении юридического состава судебным решением связана с наличием спора о праве, и при его отсутствии правоотношения могли бы быть прекращены по соглашению сторон (например, расторжение договора при его существенном нарушении одной из сторон) – в таком случае наступление юридически значимых последствий может быть решением суда соотнесено с моментом, когда наступили все иные элементы юридического состава.

Судебное решение, вступая в законную силу, прекращает преобразовательные и установительные охранительные притязания, а также охранительные правоотношения, в состав которых они входили, поскольку восстановление нарушенного права осуществлено в результате достижения правовой определенности (для установительных притязаний), изменения или прекращения правоотношений (для преобразовательных притязаний). Охранительное исполнительное притязание в результате вступления решения в силу теряет «напряженный характер», обуславливающий возможность судебного осуществления, и становится правомочием в составе регулятивного или охранительного правоотношения, снабженным возможностью принудительного осуществления.

В-шестых, сформулированы правила учета добровольного исполнения ответчиком требований истца, что расширяет понимание правовой природы прекращения спора, роли исполнения как материального основания прекращения притязания, минимизирует риски получения повторного исполнения и служит целям процессуальной экономии.

Удовлетворение притязания истца должно рассматриваться как основание для прекращения производства по делу судом первой или апелляционной инстанции, если оно произведено до окончания рассмотрения дела в суде соответствующей инстанции, даже если сторона не заявляла о таком удовлетворении в первой инстанции, поскольку такое удовлетворение прекращает и спор о праве, и охранительное правоотношение.

Таким образом, полученные результаты в совокупности позволяют сформировать целостную теоретическую концепцию динамики спорного материального правоотношения. Научная новизна работы выражается в предложении новых дефиниций, классификаций и обоснования существующих правовых явлений, способствующих развитию теории гражданского процесса и материального права, а также в практической применимости полученных выводов для совершенствования судебной практики и нормативного регулирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные правовые акты

Нормативные правовые акты Российской Федерации

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru> 04.07.2020 (дата обращения: 30.04.2025).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
7. Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 // Российская газета. – 1996. – 16 янв.
8. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.
9. Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33 (часть I). – Ст. 3431.

Не действующие нормативные правовые акты Российской Федерации

10. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 19. – Ст. 1709.

**Не действующие нормативные правовые акты Российской империи,
СССР и РСФСР**

11. Устав гражданского судопроизводства 1864 года. – 208 с. // Текст : электронный. – URL: <https://znanium.ru/catalog/product/354467>

12. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, утв. ВС РСФСР 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

II. Материалы правоприменительной практики**Постановления Конституционного Суда Российской Федерации, Пленума
Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного суда
Российской Федерации, обзоры судебной практики и информационные
письма**

13. Решение Конституционного Суда Российской Федерации от 01.10.1993 № 81-р «По индивидуальным жалобам граждан о проверке конституционности правоприменительной практики отказа в рассмотрении в судебном порядке трудовых споров об увольнении, разрешенных по действовавшему до 21 июня 1990 года законодательству о труде вышестоящими в порядке подчиненности органами» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 1994. – № 6

14. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко» // "Вестник Конституционного Суда РФ", N 1, 2012

15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2018 г. № 43-П // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 48. – Ст. 7492.

16. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 6 июня 2019 г. № 1505-О // СПС «Гарант». – URL: <https://base.garant.ru/72283842/> (дата обращения : 15.07.2024).

17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1993. – № 11.

18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 7.

19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 12.

21. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 г. № 54 «О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 3.

22. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // Российская газета. – 2020. – № 136.

23. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2020 г. № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // Российская газета. – 2021. – № 6.

24. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства» // Российская газета. – 2021. – № 144.

25. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 46 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. - 2022. - № 3.

26. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 мая 1997 г. № 14 «Обзора практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров» // Вестник ВАС РФ. – 1997. – № 7.

27. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // Экономика и жизнь. – 2012. – № 34.

28. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 июля 2014 г. № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. – 2014. – № 9.

29. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 июля 2009 г. № 58 «О некоторых вопросах, связанных с удовлетворением требований залогодержателя при банкротстве залогодателя» // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 9.

30. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2011 г. № 73 «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды» // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 1.

31. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда

Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований» // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 3.

32. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 11 января 2002 г. № 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // Вестник ВАС РФ. – 2002. – № 3.

33. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 августа 2004 г. № 84 «О некоторых вопросах применения арбитражными судами статьи 61 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 10.

34. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2005 г. № 103 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 414 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 4.

35. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.

Судебные постановления (акты) судов общей юрисдикции и арбитражных судов, принятые при рассмотрении конкретных дел

36. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 10.08.2006 по делу № А56-47066/2005 // СПС «Кодекс». – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/813356744> (дата обращения: 25.10.2021).

37. Постановление Президиума ВАС РФ от 23 июня 2009 г. № 4651/09 по делу № А12-11675/08 // СПС «Кодекс». – URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/902169204> (дата обращения: 25.10.2021).

38. Решение Московского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 2-2651/2010 от 7 июня 2010 г. // Сайт Московского районного суда г. Санкт-Петербурга,

URL: https://msk--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=114418632&case_uid=2D31DA4D-885F-4242-BEB5-E8918FC0CA7F&delo_id=1540005 (дата обращения: 20.04.2015).

39. Решение Московского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 2-3155/2010 от 14 июля 2010 г. // Сайт Московского районного суда г. Санкт-Петербурга. – URL: https://msk--spb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=525795391&delo_id=1540005&new=0&text_number=1

(дата обращения 20.04.2015).

40. Постановление Президиума ВАС РФ от 05.04.2011 N 16324/10 по делу N А40-146172/09-42-745 // СПС «КонсультантПлюс».

41. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 20 апреля 2011 г. по делу № А13-1373/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

42. Постановление ФАС Уральского округа от 24 мая 2011 г. № Ф09-2679/11-С3 по делу № А76-14054/2010-15-402 // СПС «КонсультантПлюс».

43. Постановление ФАС Северо-Западного округа от 18 января 2012 г. по делу № А21-2012/2008 // СПС «КонсультантПлюс».

44. Определение ВАС РФ от 04.04.2012 N ВАС-3658/12 по делу № А31-6142/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

45. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 4 октября 2012 г. по делу № А82-17930/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

46. Постановление Президиума ВАС РФ от 15 октября 2013 г. № 8127/13 по делу № А46-12382/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

47. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 ноября 2014 г. № Ф05-12208/14 по делу № А41-4224/14 // СПС «КонсультантПлюс».

48. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 февраля 2015 г. № Ф05-373/2015 по делу № А41-66870/13 // СПС «КонсультантПлюс».

49. Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14 января 2016 г. № 18АП-15916/2015 по делу № А07-20197/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

50. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от

21 января 2016 г. № 33-243/2016 по делу № 2-3441/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

51. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 19 января 2018 г. № А33-26054/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

52. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 31 января 2018 г. № 09АП-65122/2017 по делу № А40-123200/17 // СПС «КонсультантПлюс».

53. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 9 июня 2021 г. по делу № А56-94765/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

54. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28 апреля 2022 г. № Ф02-1403/2022 по делу № А19-7796/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

55. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 28 марта 2023 г. № 33-6431/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

56. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 30 марта 2023 г. № 33-9494/2023 по делу № 2-1966/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

57. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 13 декабря 2023 г. по делу № А40-253510/2022 (305-ЭС23-19567) // СПС «КонсультантПлюс».

58. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 августа 2016 г. № 309-ЭС16-10089 по делу № А76-4474/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

59. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 2 июня 2020 г. № Ф01-9171/2020 по делу № А31-235/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

60. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2021 г. № 305-ЭС21-25204 по делу № А40-11587/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

61. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 05 июля 2022 N Ф07-7335/2022 по делу № А56-28172/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

62. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 07

июля 2022 по делу № А56-119851/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

63. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 11 августа 2022 № 13АП-12947/2022, 13АП-15245/2022 по делу № А56-107701/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

64. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15 августа 2022 № Ф07-6605/2022 по делу № А44-64/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

65. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 08 сентября 2022 № Ф07-11147/2022 по делу № А56-108096/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

66. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 июля 2023 г. № Ф07-7681/2023 по делу № А56-68463/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

67. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 июля 2023 г. № 307-ЭС23-11385 по делу № А42-3803/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

68. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 июля 2023 г. № 310-ЭС23-13500 по делу № А08-17/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

69. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 07 июля 2025 № 88-12140/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

70. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01 сентября 2025 № 8Г-12838/2025, 88-13459/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

71. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 ноября 2025 № 88-27317/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

72. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 02 декабря 2025 N Ф07-13140/2025 по делу N А56-99457/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

73. Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 18 декабря 2025 по делу № 88-29720/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

III. Научные и учебные издания

74. *Абушенко, Д. Б.* Проблемы взаимовлияния судебных актов

и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе / Д. Б. Абушенко. – Тверь : Издатель Кондратьев А. Н., 2013. – 319 с.

75. *Алексеев, С. С.* Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 1: Гражданское право : Сочинения 1958–1970 годов. – Москва : Статут, 2010. – 495 с.

76. *Белов, В. А.* Гражданское право в 2 т. Том 2. Особенная часть : учебник для вузов / В. А. Белов. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. – 463 с.

77. *Бутнев, В. В.* Актуальные проблемы гражданского процессуального права / В. В. Бутнев, Н. Н. Тарусина. – Ярославль : Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 2012. – 160 с. – ISBN 978-5-8397-0882-2.

78. *Васьковский, Е. В.* Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия / Е. В. Васьковский. – Москва : Статут, 2016. – 624 с.

79. *Васьковский, Е. В.* Учебник гражданского права / Е. В. Васьковский. – Москва, 2003. – 382 с.

80. *Витрянский, В. В.* Реформа российского гражданского законодательства : промежуточные итоги./ В. В. Витрянский. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2018. – 528 с.

81. *Воронов, А. Ф.* Принципы гражданского процесса. Прошлое, настоящее, будущее. / А. Ф. Воронов. – Москва, 2009. – 494 с.

82. *Дождев, Д. В.* Римское частное право / Д. В. Дождев; под общ. ред. В. С. Нерсесянца. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. – 784 с.

83. *Гражданский процесс : учебник / под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота.* – Издание третье, переработанное и дополненное. – Москва : ПБОЮЛ Гриженко, 2001. – 544 с.

84. *Гражданский процесс : учебник для студентов юридических высших учебных заведений / Уральский гос. юрид. ун-т ; отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. В. Ярков.* - 11-е изд., перераб. и доп. - Москва: Статут, 2021. - 721 с.

85. *Гражданский процесс : учебник / С. Ф. Афанасьев, Л. В. Борисова, А. В. Габов [и др.]; под ред. А. В. Габова, В. Г. Голубцова, С. Ж. Соловых ; ИГП РАН,*

БелГУ, ПГНИУ. - Москва : Статут, 2024. - 748 с.

86. *Гражданский процесс : Хрестоматия : учеб. пособие / В. В. Аргунов, Е. А. Борисова, Е. В. Салогубова, И. А. Скрипников, и др.; под ред.: М. К. Треушников. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Городец, 2005. – 896 с.*

87. *Груздев, В. В. Способы защиты гражданских прав : учебное пособие для вузов / В. В. Груздев. – 2-е изд. – Москва : Издательство «Юрайт», 2023. – 350 с.*

88. *Гурвич, М. А. Лекции по советскому гражданскому процессу / М. А. Гурвич. – Москва, 1950. – 198 с.*

89. *Гурвич, М. А. Право на иск / М. А. Гурвич ; Акад. наук СССР. Ин-т права. – Москва; Ленинград : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1949. – 216 с.*

90. *Гурвич, М. А. Учение об иске (состав, виды) : учебное пособие / М. А. Гурвич. – Москва : ВЮЗИ, 1981. – 40 с.*

91. *Зайцев, И. М. Хозяйственный спор и арбитражный процесс. Вопросы теории / И. М. Зайцев. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1982. – 82 с.*

92. *Зейдер, Н. Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н. Б. Зейдер. – Москва, 1966. – 97 с.*

93. *Исаков, В. Б. Юридические факты в советском праве. / В. Б. Исаков. – Москва, 1984. – 124 с.*

94. *Исаенкова, О. В. Иск в гражданском судопроизводстве : учебник для вузов / О. В. Исаенкова, О. В. Николайченко, Т. В. Соловьева, Н. Н. Ткачева ; под редакцией О. В. Исаенковой. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Издательство «Юрайт», 2025. – 208 с.*

95. *Кархалев, Д. Н. Охранительное гражданское правоотношение : монография / Д. Н. Кархалев. – Москва : Статут, 2009. – 332 с.*

96. *Красавчиков, О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков. – Москва : Госюриздат, 1958. – 183 с.*

97. *Мальшев К. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. Санкт-Петербург: Тип. М. М. Стасюлевича, 1876 – 449 с.*

98. *Марченко, М. Н. Теория государства и права : учебник*

/ М. Н. Марченко. – Москва, 2004. – 640 с.

99. *Мельников, А. А.* Советский гражданский процессуальный закон / А. А. Мельников. – Москва : Наука, 1973. – 160 с.

100. *Мотовиловкер, Е. Я.* Теория регулятивного и охранительного права / Е. Я. Мотовиловкер. – Воронеж : Воронежский гос. ун-т, 1990. – 134 с.

101. *Мусин, В. А.* Гражданский процесс Учебник Издание третье, переработанное и дополненное. / Под ред. В. А. Мусина, Н. А. Чечиной, Д. М. Чечота. – Москва, ПБОЮЛ Гриженко, 2001. – 480 с.

102. *Нефедьев, Е. А.* К учению о сущности гражданского процесса / Е. А. Нефедьев. Избранные труды по гражданскому процессу. – Краснодар : Сов. Кубань, 2005. – 400 с.

103. *Нефедьев, Е. А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. // Гражданский процесс. Хрестоматия : учебное пособие / под ред. М. К. Треушниковой. – Москва, 2005. – 432 с.

104. *Осокина, Г. Л.* Гражданский процесс. Общая часть : учебник / Г. Л. Осокина. – Москва, 2004. – 703 с.

105. *Осокина, Г. Л.* Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск) / Г. Л. Осокина ; под ред. В. Н. Щеглова; Том. гос. ун-т им. В. В. Куйбышева. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. – 160 с.

106. *Попондопуло, В. Ф.* Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность : монография / В. Ф. Попондопуло. – Владивосток : Дальневосточный университет, 1985. – 112 с.

107. *Протасов, В. Н.* Основы общеправовой процессуальной теории / В. Н. Протасов. – Москва : Юрид. лит., 1991. – 143 с.

108. *Рожкова, М. А.* Юридические факты гражданского и процессуального права: соглашения о защите прав и процессуальные соглашения / М. А. Рожкова. – Москва, 2009. – 332 с.

109. *Рожкова, М. А.* Судебный акт и динамика обязательства / М. А. Рожкова. – Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2003. – 140 с.

110. *Рожкова, М. А.* Мирная сделка: использование в коммерческом

обороте. – Москва, Статут, 2005. – 571 с.

111. *Рязановский В.А.* Единство процесса: Учебное пособие. — Москва, Издательский Дом «Городец», 2005. – 80 с.

112. *Суханов, Е. А.* Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. д-р юрид. наук., проф. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2023. – 624 с.

113. *Толстой, Ю. К.* Гражданское право : учебник. Том 1 / под ред. Ю. К. Толстого. – Москва, 2009. – 405 с.

114. *Фурсов, Д. А.* Теория правосудия в кратком трехтомном изложении по гражданским делам. Том 2. / Д. А. Фурсов, И. В. Харламова. – Москва : Статут, 2009. – 599 с.

115. *Халфина, Р. О.* Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. – Ин-т государства и права АН СССР. – Москва : Юрид. лит., 1974. – 348 с.

116. *Чечина, Н. А.* Избранные труды по гражданскому процессу / Н. А. Чечина. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет, 2004. – 656 с.

117. *Энгельман, И. Э.* Курс русского гражданского судопроизводства / И. Э. Энгельман. – Юрьев : В комиссии у И.Г. Крюгера, 1912. – 632 с.

118. *Ярков, В. В.* Юридические факты в цивилистическом процессе / В. В. Ярков. – Москва : Инфотропик Медиа, 2012. – 608 с.

119. *Ярков, В. В.* Вступительный очерк к книге Оскара Бюлова «Учение о процессуальных возражениях и процессуальные предпосылки» / В. В. Ярков, К. Л. Брановицкий, А. И. Бессонова; пер. с нем. Д. С. Ксенофонтовой; отв. ред. Д. Х. Валеев. – Москва : Статут, 2019.

IV. Статьи в научных журналах и сборниках

120. *Абушенко, Д. Б.* Гражданско-правовой зачет и зачет, производимый при удовлетворении судом встречного и первоначального исков: теоретические размышления о сходстве и отличиях правовых институтов / Д. Б. Абушенко // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 6. – С. 13–29; 2021. – № 2. – С. 26–

49; № 4. – С. 50–69; 2022. – № 1. – С. 86–106; № 6. – С. 15–42.

121. *Абушенко, Д. Б.* Отдельные вопросы систематизации исследований применительно к проблематике взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе / Д. Б. Абушенко // *Право и государство: теория и практика.* – 2013. – № 10(106). – С. 66–70.

122. *Абушенко, Д. Б.* Процессуально-правовые последствия неутвержденного мирового соглашения в исковом производстве: опыт анализа по законодательству Российской Федерации / Д. Б. Абушенко // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* – 2019. – № 6. – С. 92–116.

123. *Акулинин, А. Д.* Преюдиция в гражданском процессе и ее перспективы в современных реалиях / А. Д. Акулинин // *Актуальные научные исследования : сборник статей XII Международной научно-практической конференции: в 4 ч., Пенза, 05 июня 2023 года. Том Часть 3.* – Пенза : Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. – С. 175–180.

124. *Архипов, И. С.* Актуальные проблемы встречного иска: судебная практика и доктрина / И. С. Архипов, П. Н. Мацкевич // *Вестник гражданского процесса.* – 2020. – № 2. – С. 131–158.

125. *Афанасьев, С. Ф.* О влиянии добровольного удовлетворения ответчиком исковых требований на динамику и итоги гражданского процесса / С. Ф. Афанасьев, М. В. Филимонова // *Вестник гражданского процесса.* – 2016. – № 3. – С. 52–67. – EDN WHFFNR.

126. *Афанасьев, С. Ф.* О влиянии добровольного удовлетворения ответчиком исковых требований на динамику гражданского процесса / С. Ф. Афанасьев // *Арбитражный и гражданский процесс.* – 2016. – № 4. – С. 17–21.

127. *Бевзенко, Р. С.* Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации.* – 2019. – № 11. – С. 127–169; № 12. – С. 68–115.

128. *Бевзенко, Р. С.* Новеллы судебной практики в сфере поручительства. Комментарий к Постановлению Пленума ВАС РФ от 12 июля 2012 г. № 42

«О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 11. – С. 46–59; № 12. – С. 86–100; 2013. – № 1. – С. 74–85, № 2. – С. 60–73, № 3. – С. 72–86; № 4. – С. 95–118; № 5. – С. 126–140; № 6. – С. 130–151.

129. *Бутнев, В. В.* Влияние форм защиты субъективных гражданских прав на динамику материального правоотношения / В. В. Бутнев // Проблемы гражданского права и процесса. – 2013. – № 3. – С. 3–17.

130. *Бутнев В. В.* Об объекте и предмете гражданских процессуальных отношений (краткий обзор литературы) / В. В. Бутнев // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Вып. 1. – Ярославль, 1976. – С. 115–120.

131. *Бутнев, В. В.* Рецензия на работу В. Ф. Попондопуло «Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность» / В. В. Бутнев, Е. А. Крашенинников, П. А. Варул // Правоведение. – 1987. – № 3. – С. 99–102.

132. *Володарский Д.Б., Кашкарова И.Н.* Процессуальный эстоппель в практике российских судов (эмпирический анализ) / Д.Б. Володарский, И.Н. Кашкарова // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 5. – С. 61 - 110.

133. *Воложанин, В. П.* Динамика гражданских процессуальных правоотношений / В. П. Воложанин, В. Ф. Ковин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 5. – С. 48–52.

134. *Голубцов, В.Г., Кузнецова, О.А.* Типы действия норм права во времени / В.Г. Голубцов, О.А. Кузнецова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2022. – № 3. – С. 348 - 371

135. *Григорьева, М. А.* О трактовке охранительного правоотношения как стадии динамики регулятивного правоотношения / М. А. Григорьева // Защита частных прав: проблемы теории и практики : материалы 4-й ежегодной международной научно-практической конференции, Иркутск, 20 марта 2015 года / под редакцией Н. П. Асланян, Ю. В. Виниченко. – Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2015. – С. 32–36. – EDN

VMTCJL.

136. *Григорьева, М. А.* Проблема классификации гражданских правоотношений на регулятивные и охранительные / М. А. Григорьева // Вестник КрасГАУ. – 2010. – № 7. – С. 169–179.

137. *Грось, А. А.* Судебное решение как юридический факт в материальном праве / А. А. Грось, Л. А. Грось // Актуальные проблемы государства и права на рубеже веков. Часть 1. – Владивосток, 1998. – С. 130–138.

138. *Груздев В.В.* Полномочие в гражданском праве / В.В. Груздев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 10. – С. 91 - 96.

139. *Гряда, Э. А.* Основные признаки юридического факта как основания динамики вещного правоотношения / Э. А. Гряда // Власть Закона. – 2013. – № 3(15). – С. 65–71.

140. *Губина, Е. Н.* Мировое соглашение как сделка, определяющая права и обязанности сторон в спорном правоотношении, в гражданском процессе / Е. Н. Губина, Т. А. Дерюшкина // Современные концепции взаимодействия частного и публичного права: юридическая доктрина и правоприменительная практика : сборник научных статей по материалам VI Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 9 октября 2011 года. – Ростов-на-Дону : Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2011. – С. 126–128.

141. *Гурвич, М. А.* Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия / М. А. Гурвич // Труды: Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права. – Т. 3. – Москва, 1965. – С. 62–117.

142. *Гурвич, М. А.* О применении советским судом гражданских законов / М. А. Гурвич // Ученые записки ВЮЗИ. Вып. 16. – Москва, 1969. – С. 272–274.

143. *Двуречинский, Д. В.* Судебное признание в содержании мирового соглашения как юридический факт материального права / Д. В. Двуречинский // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 6. – С. 26–30.

144. *Драбанич, А. В.* Правовое значение процессуального оформления

сингулярного материального правопреемства: краткий комментарий к судебной практике / А. В. Драбанич // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 3. – С. 16–21. – EDN QCOLRT.

145. *Егорова, М. А.* Состояние акцессорных обязательств при динамике основного правоотношения / М. А. Егорова // Юрист. – 2013. – № 11. – С. 41–45.

146. *Елисеев Н.Г.* Могут ли стороны частнопроводимого спора распоряжаться фактами в судебном процессе? / Н.Г. Елисеев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 6. – С. 13 – 19

147. *Елисейкин, П. Ф.* Спор о праве как общественное отношение / П. Ф. Елисейкин // Вопросы эффективности судебной защиты субъективных прав. – Свердловск, 1978. – С. 111–120.

148. *Елисейкин, П. Ф.* О понятии и месте охранительных отношений в механизме правового регулирования / П. Ф. Елисейкин // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Вып. 1. – Ярославль, 1975.

149. *Елисейкин, П. Ф.* Процессуальное понимание спора о праве и его критика / П. Ф. Елисейкин // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль, 1981.

150. *Елисейкин, П. Ф.* Понятие иска как процессуального средства защиты прав и интересов / П. Ф. Елисейкин // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Вып. 1. – Ярославль, 1976. – С. 77–96.

151. *Жуйков, В.М.* Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации двадцать лет. - Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике. К 20-летию гражданского процессуального кодекса Российской Федерации / Д. Б. Абушенко, М. А. Алиэскеров, Т. К. Андреева [и др.]. – Москва : ООО «Издательство «СТАТУТ», 2023. С. 16-17

152. *Загайнова, С. К.* Теоретические проблемы характеристики судебных актов в гражданском и арбитражном процессах / С. К. Загайнова // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л. Ф. Лесницкой, М. А. Рожковой. – Москва, 2008 – С. 334–356.

153. *Зайцев И.* Правовые фикции в гражданском процессе / И. Зайцев // Российская юстиция. – 1997. – № 1. – С. 35-36
154. *Звягина, Н. С.* Процессуальный риск в контексте реализации принципа правовой определенности / Н. С. Звягина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 6. – С. 12–18. – DOI 10.18572/1812-383X-2020-6-12-18. – EDN YXPBWD.
155. *Зейдер, Н. Б.* Гражданские процессуальные правоотношения / Н. Б. Зейдер. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1965. – 74 с.
156. *Зеленина, А. Ю.* Перспективы применения института неоспаривания фактов в арбитражном процессе РФ в свете внедрения в российскую юридическую практику стандартов доказывания / А. Ю. Зеленина // Российский судья. – 2023. – № 4. – С. 57–61.
157. *Зеленцов, А. Б.* Административно-правовой спор: Теоретико-методологические подходы к исследованию / А. Б. Зеленцов // Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 68–79.
158. *Земскова, П.Е.* Юридические фикции в современном гражданском процессе России / П.Е. Земскова // Legal Bulletin. 2024. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-fiksii-v-sovremennom-grazhdanskom-protssesse-rossii> (дата обращения: 06.02.2026)
159. *Жестовская, Д.А.* Противопоставимость судебных актов в банкротстве: к единой модели «Паулианова опровержения» / Д.А. Жестовская // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 1. – С. 133 - 165.
160. *Иванов, О. В.* Право на судебную защиту / О. В. Иванов // Советское государство и право. – 1970. – № 7. – С. 40–48.
161. *Ильин, А. В.* К вопросу о содержании преюдициальности – свойства законной силы судебного решения / А. В. Ильин // Закон. – 2015. – № 3. – С. 75–93.
162. *Ионова, Ю. А.* «Спор о праве» в теории гражданского процессуального права / Ю. А. Ионова, Т. М. Цепкова // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2010. – № 1 (71). – С. 102–107.

163. *Исаенкова, О. В.* Место искового производства в системе видов гражданского судопроизводства / О. В. Исаенкова // Юридический аналитический журнал. – 2005. – № 3-4(15-16). – С. 59–69.

164. *Калис, М. Н.* К вопросу о понятии спорного материального правоотношения / М. Н. Калис // Юридическая гносеология. – 2024. – № 2. – С. 36–46.

165. *Калис, М. Н.* Спор о праве как причина ослабления акцессорности обеспечительных обязательств / М. Н. Калис // Теория и практика общественного развития. – 2025. – № 4(204). – С. 256–261.

166. *Калис, М. Н.* Динамика материального правоотношения на терминальной стадии / М. Н. Калис // Юридические исследования. – 2025. – № 4. – С. 64–77.

167. *Калис, М. Н.* Материально-правовые и процессуальные последствия прекращения спора о праве / М. Н. Калис // Журнал правовых и экономических исследований. *Journal of Legal and Economic Studies*. – 2025. – №2. – С. 147–153.

168. *Калис, М. Н.* Особенности динамики спорного и установленного судом правоотношения / М. Н. Калис // Российское общество и экономика: исторический опыт и современность: Научная сессия профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР за 2016 год : сборник лучших докладов, Санкт-Петербург, 01–30 марта 2017 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2017. – С. 46–49.

169. *Калис, М. Н.* Судебный акт как юридически значимое обстоятельство материального права / М. Н. Калис // Правосудие по гражданским делам: проблемы и перспективы развития : сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции 25 октября 2012 года / под ред. В. П. Очередыко, Л. В. Войтович, К. Г. Сварчевского. – Санкт-Петербург : Северо-Западный филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия правосудия», 2012. – С. 92–102.

170. *Калис, М. Н.* Некоторые особенности изменения и прекращения правоотношений при осуществлении судебной защиты / М. Н. Калис // Институт гражданско-правовой защиты в современных условиях : сборник статей по

материалам Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 1 июня 2018 года / Северо-Западный филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия». – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Издательский дом «Петрополис», 2018. – С. 89–95.

171. *Калис, М. Н.* Материально-правовые и процессуальные последствия исполнения обязательств в ходе судебного разбирательства и после принятия судебного решения / М. Н. Калис // Право и современная экономика : сборник материалов I Международной научно-практической конференции юридического факультета СПбГЭУ, Санкт-Петербург, 05 апреля 2018 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. – С. 97–99.

172. *Каллистратова, Р. Ф.* Правовая природа обязательного претензионного порядка и его влияние на развитие спора в суде / Р. Ф. Каллистратова, М. Е. Поскребнев, Д. А. Холопова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 4. – С. 3–10.

173. *Кархалев, Д.* Стадии охранительного гражданского правоотношения / Д. Кархалев // Закон и право. – 2008. – № 6. – С. 18–19.

174. *Кархалев, Д. Н.* Гражданско-правовые формы охранительных отношений / Д. Н. Кархалев // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – Т. 20, № 1. – С. 55–63.

175. *Кашников, Н.Б.* Обратное требование поручителя: регресс, суброгация / Н.Б. Кашников // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2022. – № 2. – С. 115 - 151; № 3. – С. 137 - 173.

176. *Кожевникова В. О.* Понятие и сущность мирового соглашения как результата примирительных процедур в российском праве / В. О. Кожевникова, Т. В. Чугурова // Актуальные проблемы правоведения. – 2022. – № 2 (74). – С. 17–23.

177. *Козлов, М. А.* О роли судебного решения в возникновении, развитии и прекращении (движении) гражданского правоотношения / М. А. Козлов // Закон. –

2008. – № 1. – С. 139–149.

178. *Колодуб, Г. В.* Динамика гражданско-правового обязательства: категория, содержание, значение / Г. В. Колодуб // Вестник Поволжской академии государственной службы. – 2011. – № 3. – С. 112–116.

179. *Концепция* развития законодательства о вещном праве // Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2009. – № 4. – С. 169.

180. *Крашенинников, Е. А.* Регулятивные и охранительные субъективные гражданские права / Е. А. Крашенинников // Очерки по торговому праву : сб. науч. тр. / под ред. Е. А. Крашенинникова. – Ярославль, 2007. – Вып. 14. – С. 5–16.

181. *Крашенинников, Е. А.* Предмет судебной защиты и предмет судебного осуществления в исковом производстве / Е. А. Крашенинников // Механизм защиты субъективных гражданских прав : сборник научных трудов. – Ярославль, 1990. – С. 17–26.

182. *Кузнецова, О. И.* Условия правопреемства в общей динамике системы гражданского правоотношения / О. И. Кузнецова // Юридическая гносеология. – 2018. – № 1-2. – С. 32–37.

183. *Курьлев, С. В.* Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск / С. В. Курьлев // Труды Иркутского университета. Т. 27. Вып. 4. – Иркутск, 1958. – С. 204–207.

184. *Лунева, Е. В.* Статика и динамика вещных правоотношений: новый взгляд на проблему / Е. В. Лунева // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – Т. 3, № 1(6). – С. 190–194. – EDN UUQJKN.

185. *Мильков, А. В.* К вопросу о характеристике охранительных гражданских правоотношений / А. В. Мильков // Российское правосудие. – 2016. – № 8(124). – С. 26–36.

186. *Мирошникова, Н. И.* Обсуждение проблем обязательственного права / Н. И. Мирошникова // Проблема защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Вып. 1. – Ярославль, 1976. – С. 120–130.

187. *Мордасов, Е. В.* Окончание производства по делу без вынесения решения по существу / Е. В. Мордасов, М. М. Дайнеко // Известия ТулГУ.

Экономические и юридические науки. – 2014. – № 3-2. – С. 188–195.

188. *Мотовиловкер, Е. Я.* Основное разделение охранительных правоотношений / Е. Я. Мотовиловкер // Вопросы теории охранительных правоотношений. – Ярославль, 1991.

189. *Нахова, Е. А.* Проблемы юридической квалификации спорного материального правоотношения / Е. А. Нахова // Проблемы защиты прав: история и современность : материалы XIV международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 17 октября 2019 года / отв. редактор Е. Б. Гоголевская. – Санкт-Петербург : Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 300–305.

190. *Ненашев, М. М.* К дискуссии о сущности спора о праве / М. М. Ненашев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2006. – № 3. – С. 14–17.

191. *Ненашев, М. М.* Установление правоотношений сторон до принятия решения по делу: проблемы практики / М. М. Ненашев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2012. – № 1. – С. 47–48.

192. *Осокина, Г. Л.* К вопросу о соотношении субъективного гражданского права и правомочия на его защиту (на примере субъективного права собственности) / Г. Л. Осокина // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 360. – С. 127–130.

193. *Павлов, А. А.* Зачет в суде. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 20.02.2017 № 306-ЭС15-18494 / А. А. Павлов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 6. – С. 9–13.

194. *Павлов, А. А.* Условия и последствия новации / А. А. Павлов // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. - 2006. - № 8. - С. 4-18

195. *Павлушина, А. А.* Спор как базовая категория теории юрисдикционного процесса / А. А. Павлушина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2002. – № 7. – С. 2–6.

196. *Пастухова, М. В.* Зачет встречных однородных требований

/ М. В. Пастухова // Арбитражные споры. – 2023. – № 2. – С. 3–14.

197. *Протасов, В. Н.* Охранительное правоотношение – основное отношение для юридического процесса / В. Н. Протасов // Вопросы теории охранительных правоотношений. – Ярославль, 1991. – С. 10–12.

198. *Рассахатская, Н. А.* Детерминанты предмета гражданского процессуального права / Н. А. Рассахатская // Тенденции развития гражданского процессуального права России : сборник научных статей. – Санкт-Петербург, 2008. – С. 240.

199. *Рассказова, Н.Ю.* Последствия исполнения обеспечительного обязательства / Н.Ю. Рассказова // Вестник гражданского права. – 2010. – № 6. – С. 92 - 130

200. *Решетникова, И. В.* Теория процессуального риска / И. В. Решетникова // Закон. – 2012. – № 6. – С. 117–122. – EDN OYYUMF.

201. *Розин, Н. Н.* Ложь в процессе / Н. Н. Розин // Еженедельная газета «Право». – 1910. – № 48.

202. *Савиных, В.А.* Прекращение обязательств предоставлением отступного: комментарий судебной практики / В.А. Савиных // Арбитражные споры. – 2012. – № 1. – С. 137 - 152.

203. *Семкина, Е.* «Мучительная агония преюдиции» в гражданском процессе / Е. Семкина // «Мучительная агония преюдиции» в гражданском процессе (advgazeta.ru) URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/muchitelnaya-agoniya-preyuditsii-v-grazhdanskom-protssesse/> (дата обращения: 01.10.2024).

204. *Сорокин, В. А.* К вопросу о прекращении залога после истечения срока исковой давности по обеспечиваемому обязательству / В. А. Сорокин // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 4. – С. 70–81.

205. *Тариканов, Д.В.* Изменение иностранных судебных решений об алиментах: конфликты квалификаций / Д.В. Тариканов // Семейное и жилищное право. – 2023. – № 3. – С. 12 - 16; № 4. – С. 12 – 15

206. *Тур, И.* О мировом соглашении при намерении сторон урегулировать комплекс спорных правоотношений / И. Тур, А. Стельмах // Арбитражные споры.

– 2017. – № 4(80). – С. 59–69.

207. *Хорунжий, С. Н.* Решение суда в теории юридических фактов как основание возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей / С. Н. Хорунжий // Государство и право. – 2008. – № 7. – С. 39–47.

208. *Цуканова, Е. Ю.* Становление и развитие учения о юридических фактах (XIX – начало XX в.) / Е. Ю. Цуканова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2020. – № 1 (49). – С. 83–88.

209. *Ченцов, Н. В.* Влияние спорного материального правоотношения, одним из субъектов которого является Российская Федерация, на действие принципа равенства в гражданском процессе / Н. В. Ченцов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2008. – № 11. – С. 58–63. – EDN TFRZFX.

210. *Чечот, Д. М.* Иск и исковая форма защиты права / Д. М. Чечот // Правоведение. – 1969. – № 4. – С. 71–79.

211. *Шварц, М. З.* О допустимости мировых соглашений, отрицающих допроцессуальный фактический состав / М.З. Шварц // Закон. – 2023. – № 4. – С. 14-21

212. *Шевченко, А. С.* Охранительные правоотношения в механизме защиты субъективных гражданских прав / А. С. Шевченко // Механизм защиты субъективных гражданских прав : сборник научных трудов. – Ярославль, 1990.

213. *Шевченко, И. М.* О понятии «единообразия судебной практики» (на примере дел о банкротстве) / И. М. Шевченко // Российский юридический журнал. – 2022. – № 6. – С. 144–155.

214. *Шмидт, С. Г.* Отчуждение предмета спора во время судебного разбирательства (по праву Германии) / С. Г. Шмидт // Иски и судебные решения : сборник статей / руководитель авторского коллектива и ответственный редактор М. А. Рожкова. – Москва: Издательство «СТАТУТ», 2009. – С. 197–214.

215. *Юдин, А. В.* Проблемы процессуального правопреемства, имеющего основанием уступку требования (цессию), в гражданском судопроизводстве / А. В.

Юдин // Арбитражный и гражданский процесс. – 2011. – № 12. – С. 27–30.

216. Юдин, А. В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве / А. В. Юдин // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 5. – С. 11–53.

217. Юрченко, О. Ю. Смерть как юридический факт в гражданском праве России / О. Ю. Юрченко // Нотариус. – 2012. – № 3. – С. 11–15.

218. Яблочков, Т. М. Судебное решение и спорное право / Т. М. Яблочков // Вестник гражданского права. – 1916. – № 7. – С. 26–27.

219. Яблочков, Т. М. Формы «спора» и «неоспаривания» в гражданском процессе / Т. М. Яблочков // Юридический вестник. Издание Московского Юридического Общества. – 1914. – № 7-8 (3-4). – С. 110–112.

V. Диссертации и авторефераты диссертаций

185. Абушенко, Д. Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Абушенко Дмитрий Борисович; [Место защиты: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет»]. Екатеринбург, 2014. – 415 с.

186. Володарский, Д. Б. Субъективное право и законная сила судебного решения: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Володарский Даниил Борисович ; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. – Санкт-Петербург, 2013. – 298 с.

187. Елисейкин, П. Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Елисейкин Петр Федорович. – Ленинград, 1974. – 31 с.

188. Колодуб, Г. В. Исполнение гражданско-правовой обязанности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 - гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право / Колодуб Григорий Вячеславович. – Саратов, 2011. – 206 с.

189. Матиевский, М. Д. Спор о праве в советском гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Матиевский Михаил Дмитриевич. М., 1978. –

25 с.

190. *Мертвищев, А. В.* Натуральные обязательства в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Мертвищев Антон Васильевич; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. – Екатеринбург, 2012. – 22 с.

191. *Молодкин, Н. Е.* Функции судебных актов в правовом регулировании : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Молодкин Николай Евгеньевич. – Москва, 2005. – 184 с.

192. *Ненашев, М. М.* Спор о праве и его место в гражданском процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Ненашев Максим Михайлович; [Место защиты: Саратов. гос. акад. права]. – Саратов, 2011. – 197 с.

193. *Нехороших, А. М.* Претензионное производство как институт предварительного досудебного урегулирования споров, возникающих из правоотношений по железнодорожной перевозке грузов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Нехороших Александр Михайлович. – Саратов, 2004. – 24 с.

194. *Попондопуло, В. Ф.* Динамика обязательственного правоотношения и гражданско-правовая ответственность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Попондопуло Владимир Федорович. – Ленинград, 1981. – 19 с.

195. *Пятилетов, И. М.* Распоряжение сторон гражданскими материальными и процессуальными правами в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Пятилетов Иван Михайлович. – Москва, 1970. – 23 с.

196. *Рожкова, М. А.* Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03, 12.03.15 / Рожкова Марина Александровна ; [Место защиты: Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ]. – Москва, 2010. – 418 с.

197. *Тихонькова, Н. В.* Проблемы судебного решения как юридического факта : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Тихонькова Наталья Валерьевна. – Саратов, 2000. – 155 с.

VI. Словари и справочники

198. *Большой толковый словарь русского языка* / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. –

Санкт-Петербург : Норинт; Москва : Рипол классик, 2008.

199. *Ильичев, Ф.* Философский энциклопедический словарь / Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.

200. *Лебедев, С. А.* Философия науки : словарь основных терминов / С. А. Лебедев. – Москва : Академический Проект, 2004. – 320 с. (Серия «Gaudeamus»).

201. *Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр, и доп. – Москва : Азъ, 1994.*

VII. Работы зарубежных авторов

202. *Бентам, Иеремия.* О судебных доказательствах : Трактат Иеремии Бентама / по изд. Дюмана, пер. с фр. И. Гороновичем. – Киев : тип. М. П. Фрица, 1876.

203. *Bülow, Oskar.* Klage und Urteil: Eine Grundfrage des Verhältnisses zwischen Privatrecht und Prozess, 1903.
https://books.google.ru/books?id=QQI1AQAAMAAJ&hl=ru&source=gbs_navlinks_s

204. *Морандьер, Л.Ж.* Гражданское право Франции / Пер. с фр. и вступительная статья Е. А. Флейшиц. Том 1. – М.: Изд-во иностранной лит., 1958. С. 93. - 742 с.

205. *Pagenstecher, Max.* Zur Lehre von der materiellen rechtskraft, 1904.
<https://archive.org/details/zurlehrevonderm00pagegoog/page/n6/mode/2up?ref=ol&view=theater>

206. *Савиньи, Ф.К. фон.* О силе судебного решения (из сочинения System des Heutigen Römischen Rechts) / Ф. К. фон Савиньи // Юридический вестник. – 1868. – Кн. 11. – С. 14.

207. *Савиньи, Ф. К. фон.* Система современного римского права: В 8 т. Т. I / Ф. К. фон Савиньи / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – Москва : Статут, 2011.

208. *Schlosser, Peter* Gestaltungsklagen und Gestaltungsurteile. Schriften zum

deutschen und europäischen Zivil-, Handels- und Prozessrecht (Tom 39). Gieseking, 1966. <https://books.google.ru/books?id=Ja4xAQAIAAJ&>